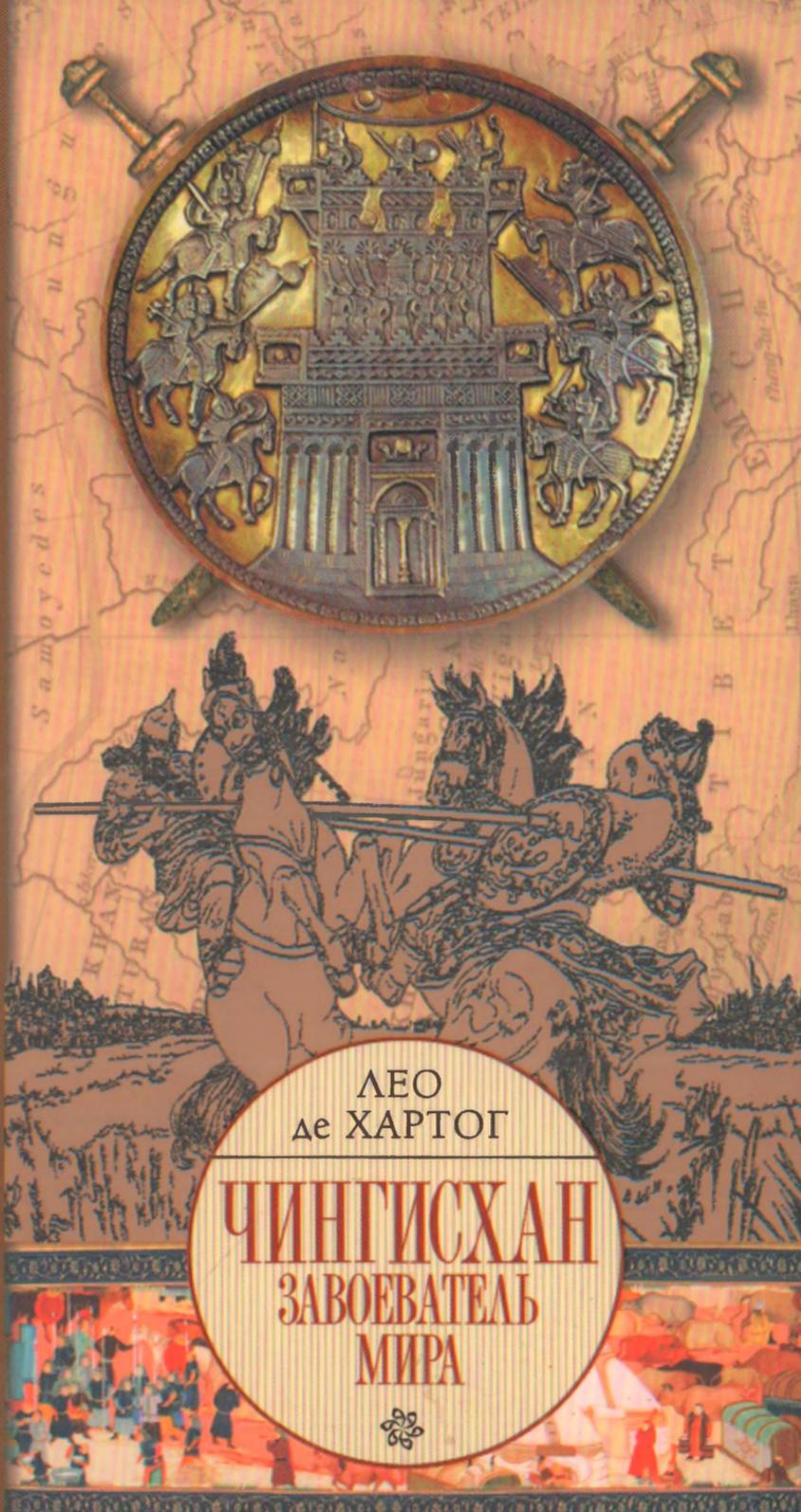

Историческая библиотека

ЛЕО
де ХАРТОГ

ЧИНГИСХАН
ЗАВОЕВАТЕЛЬ
МИРА

«Надо сказать, что «Чингисхан» — это лучшая биография на английском языке на сегодняшний день... автор, несомненно, знает практически все о своем герое, монгольской военной машине и Монголии в целом...»

BSOAS

(Bulletin of the School of Oriental and African Studies — британский журнал о странах Азии и Африки)

ЛЕО
де ХАРТОГ

ЧИНГИСХАН
ЗАВОЕВАТЕЛЬ
МИРА

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Астрель
МОСКВА

УДК 930.85
ББК 63.3(0)4
Х22

Published by arrangement with I. B. Tauris & Co Ltd, London
Издано при согласовании с I. B. Tauris & Co Ltd, London.
Оригинальное англоязычное издание книги именуется
«Genghis Khan: conqueror of the World» и издано I. B. Tauris & Co Ltd

*Научный редактор книги Арапов Д. Ю. —
доктор исторических наук, доцент исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова, специалист по истории отношений
России и Востока, ислама в России;
автор более 160 научных публикаций*

Перевод с английского *Ерохина Е. А.*
Компьютерный дизайн *Петров В. С.*

Хартог, Лео

Х22 Чингисхан. Завоеватель мира / Лео де Хартог. — М.:
Олимп: АСТ: Астрель, 2007. — 285, [3] с.

ISBN 978-5-17-042958-5 (АСТ) (Истор. библ.)

ISBN 978-5-7390-1901-1 (КРПА Олимп)

ISBN 978-5-271-16485-9 (Астрель)

ISBN 978-5-17-046461-6 (АСТ) (Биографии)

ISBN 978-5-7390-2107-6 (КРПА Олимп)

ISBN 978-5-271-18051-4 (Астрель)

ISBN 978-5-17-042982-0 (АСТ) (Истор. библ. - 2)

ISBN 978-5-7390-2108-3 (КРПА Олимп)

ISBN 978-5-271-16486-6 (Астрель)

Чингисхан — легендарный основатель Монгольской империи, самого большого государства в средневековом мире, и один из величайших завоевателей в мировой истории. Его войска пробили брешь в Великой Китайской стене и взяли Пекин. Безжалостной резней и грабежом они сломили сопротивление жителей Центральной Азии, Афганистана, Персии и Южной Руси. В 1237—1242 годах они вторглись в Европу. Скорость и масштаб их завоеваний (и страшные могильные холмы, которые они оставили после себя) стали поводом для распространения мифов о Чингисхане... Но Великий Хан был не просто завоевателем. Его самым большим достижением стало объединение непримиримых монгольских племен в условиях суровых азиатских степей и их организация в мобильное и дисциплинированное войско, которое с потрясающим эффектом выступало против соперников.

Предлагаемая читателю книга Лео де Хартога, голландского специалиста по Монголии, всесторонне изучившего эту тему — самая полная на сегодняшний день биография «завоевателя мира» Чингисхана.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)4

© Leo de Hartog, 1989, 2004, 2006

© ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2007

© Оформление. ООО «Издательство Астрель», 2007

Предисловие

Работа над этой книгой началась еще в 1941 году, когда я был военнопленным в Колдице. Я благодарен в первую очередь французскому Красному Кресту за то, что в те годы получил возможность работать над проблемой Чингисхана и основания Монгольской империи. Я спросил, не могли бы они прислать «Империю степей» Рене Груссе, и вскоре получил эту книгу с запиской: “*L’Empire des Steppes de Grousset, actuellement introuvable, il vous est spécialement adressé par l’auteur, par notre entremise*”*. В 1944 году профессор Груссе прислал мне еще одну свою книгу «Завоеватель мира».

После войны у меня не было возможности заняться серьезным историческим исследованием. Однако в 1972 году я приступил к сбору материала о Чингисхане и Монгольской империи. На начальном этапе моей работы я получил много полезных сведений от профессора К. Э. О. Джена и доктора Т. Рэффа. В 1976 году я начал общаться с профессором Дж. А. Бойлем. Переписываясь с этим ученым, я получал бесценные советы по решению многих проблем. В 1978 году он неожиданно умер, что стало для меня большой утратой.

Позже я общался с двумя выдающимися специалистами в области Монгольской империи: профессором Дэнисом Сином и профессором Бертольдом Шпулером. От них я узнал о книгах и статьях, на которые ранее я не обратил внимания.

Наконец, я выражаю благодарность доктору Р. Х. Поэлмейеру, который прочитал переведенную рукопись и добавил к ней комментарии.

Поскольку книга в первую очередь рассчитана на широкого читателя, мы используем общепринятое написание — «Чингисхан».

Март 1989 г.

* «Империя степей» Груссе — это в настоящее время большая редкость, автор лично передает ее вам при нашем посредничестве (фр.).

ГЕНЕАЛОГИЯ ВАЖНЕЙШИХ ЛИЦ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ

Есугей	Шейбан
Чингисхан (Темучин) — ум. 1227	Мункэ — ум. 1259
Хасар	Хубилай — ум. 1294
Тэмугэ — ум. ок. 1247	Хулагу — ум. 1265
Джучи — ум. 1256	Бечак
Чагатай — ум. 1242	Мутуген — ум. 1221
Угедей — ум. 1241	Байдар
Толуй — ум. 1232	Гуюк — ум. 1248
Орду	Коктен — ум. ок. 1247
Бату — ум. 1255	Кадан`
Берке — ум. 1266	Бури — ум. ок. 1253

1 Монголия накануне рождения великого сына Азии

ГЕОГРАФИЯ И КЛИМАТ

До начала XIII столетия природный рельеф изолировал часть Центральной Азии, ставшей отдельной страной — Монгольской империей, от азиатского континента. На западе располагались два огромных горных массива, сходящихся вместе, Алтай и Тянь-Шань, что затрудняло проход к Монголии с запада. На юге пустыня Гоби формировала другое препятствие. На севере простирались обширные сибирские леса. Монгольское плоскогорье, изолированное от остальной Азии, лежит на высоте в среднем от 1200 до 1800 метров; оно изломано большим количеством горных хребтов: Саянами, Хангаем, Яблоновым хребтом и Большим Хинганом.

Между лесами и степями располагались горы и долины, покрытые пихтами, кедрами и буками. Север был более лесистым, в то время как в южном пограничном районе деревья произрастали только по долинам рек. Там, где леса редели, природа подвергалась воздействию сухих ветров из пустыни Гоби. Степи меняли свой облик каждый сезон. Весной они были покрыты безбрежным зеленым ковром, на ко-

тором с приходом лета распускались великолепные цветы. Июль и август приносили палящий зной, превращавший эту живописную картину в засушливое пространство, которое в октябре, с первым же снегом, сменялось долгой зимней белизной, при которой жизнь становилась трудной и для человека, и для зверя. В ноябре ручьи и реки полностью замерзали; и так до апрельской оттепели, когда природа начинала возрождаться.

В целом климат отличался резкой континентальностью. Летом температура могла достигать 38° жары, а зимой опуститься ниже —42°. Часто случались непредвиденные перемены погоды. Например, Джованни да Плано Карпини отметил, что 29 июня 1246 года в земле найманов¹ выпал снег. На протяжении всего года могли неожиданно подниматься сильные ветра, вызывая бураны или песчаные бури. Не было препятствий для ледяных сибирских ветров и бурь из пустыни Гоби.

Обитатели этого региона — люди и животные — были привычны к тем условиям, в которых им приходилось жить, и беспощадная борьба за существование стала для них обычным делом.

ПЛЕМЕНА

Монголия занимает самую восточную часть евразийской степной зоны. В этих степях всегда проживали разные кочевые племена: тюрки, монголы и тунгусы. Эти племена, во многом родственные друг другу, были членами одной и той же этнической и языковой алтайской общности².

Мы не располагаем достаточной информацией о монгольских племенах, о которых впервые узнали после возвышения Чингисхана³. История монголов до

Чингисхана неизвестна* и вряд ли когда-нибудь станет известной⁴.

Монгольские племена подразделялись на две группы: пастухов-кочевников, которые перемещались с одного степного пастбища на другое, и лесных охотников, занимающихся и рыбной ловлей⁵. Два различных образа жизни объясняются тем, что самый обитаемый регион монголов находился между сибирскими лесами на севере и протянувшейся к югу пустыней Гоби.

Лесные охотники не продвигались дальше Прибайкалья, истоков Енисея и верховий Иртыша. Пастухи-кочевники же занимали южную часть этого региона, от предгорий Алтая до Буир-нора⁶.

В целом между лесными охотниками и пастухами-кочевниками не было четкого размежевания. Некоторые племена охотников держали крупный рогатый скот, а пастухи-кочевники не могли существовать без охоты.

По сути, все монголы так или иначе занимались охотой, которую некоторые воспринимали как изысканное удовольствие⁷. Помимо индивидуальной охоты были распространены облавы. Они иногда становились масштабными событиями и проводились согласно заранее разработанному плану. Многие из них были формой военных маневров, дикие животные в которых исполняли роль врагов (облавы как военные упражнения будут рассмотрены в гл. 5).

Хотя разведение крупного рогатого скота было крайне важным для пастухов-кочевников, они поми-

* Данная оценка Л. де Хартога слишком пессимистична. Работами многих ученых, в значительной степени российских, были выявлены основные вехи истории монгольских племен, предшествующие эпохе Чингисхана. Например, см.: *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. (*Примеч. науч. ред.*)

мо этого, как уже упоминалось, охотились. По бескрайним степям вооруженные луками и стрелами или арканами кочевники преследовали антилоп, вепрей и диких ослов⁸.

Пастушьи племена держали коров, овец, коз и лошадей*. Они также использовали коров как выючных и тягловых животных. Овцы давали мясо, кожу и шерсть. В конце осени или ранней зимой животных забивали. Мясо затем обрабатывали и замораживали⁹. Пастухи-кочевники перемещались несколько раз в году с одного горного пастбища на другое; расстояние, на которое они передвигались, зависело от размера стада. Они должны были выбирать место для зимнего лагеря очень внимательно, так как не делали запасов корма для скота. Трудность заключалась в том, что коровам и овцам, составлявшим большую часть стада, требовалась разная пища¹⁰. Верблюдов держали до Чингисхана немного — в районе близ рек Толы, Онона и Керулена, потому что местность для них была слишком гористой¹¹.

Нестабильность жизни в этих районах вынуждала племена периодически оставлять свои прежние занятия и осваивать новые¹². Вообще племена, жившие в лесах, больше напоминали варваров, чем те, что жили в степях и могли осуществлять некоторые контакты с культурой соседних народов: уйгуров, киданей и чжурчжэней¹³. Во время становления Монгольской империи в начале XIII столетия лесные охотники все больше и больше вытеснялись пастухами-кочевниками. Постепенно их территория становилась меньше, так как па-

* Монголы, как и все кочевники, старались использовать комбинированные способы выпаса скота. Если обстоятельства заставляли их держать скот на заснеженном пастбище, то сначала на него пускали лошадей, за ними шел крупный рогатый скот, и только потом, по разрыхленному снегу, к открытой траве пускали кормиться овец. (*Примеч. науч. ред.*)

стухи обосновывались в определенных лесных областях, вынуждая охотников приспособляться к их образу жизни.

Основным общественным институтом в монгольском обществе между XI и XIII веками было племя — подразделение, основанное на патриархате. Племя, вмещавшее несколько родов, было экзогамным* и состояло из агнатов**¹⁴. Членам рода не разрешалось вступать в брак с членами этого же рода, молодые люди должны были выбрать себе невест из других родов.

Полигамия считалась нормой, хотя первая жена во все времена занимала ведущее положение. Монголам требовалось много женщин из других племен, и похищение невесты было обычным делом, что часто служило причиной войн между племенами¹⁵. Истории жизни Чингисхана и его отца Есугея показывают, к чему могла привести экзогамия.

Особенность этого общества заключалась в том, что имущество отца после его смерти передавалось младшему сыну главной жены. Этот сын рассматривался как хранитель владений, исходно принадлежащих роду, и благодаря такому положению получал титул отчигина — хранителя домашнего очага¹⁶.

До того как Чингисхан получил власть, самыми могущественными племенами были кераиты и найманы. Принято считать, что центр района, занятый кераитами, находился в верховьях Орхона; на востоке территория кераитов доходила до реки Толы, а на юге — до реки Онгиин¹⁷. Хотя считается, что кераиты происходят от тюрков, они были также подвержены сильному

* Э к з о г а м и я — запрет браков в пределах одного рода, племени. (Примеч. науч. ред.)

** А г н а т ы — все члены рода — мужчины, связанные происхождением по мужской линии от одного родоначальника. (Примеч. науч. ред.)

монгольскому влиянию. Согласно сирийскому летописцу Бар Эбраусу кераиты были обращены в несторианство* 1000 лет назад¹⁸. На западе от кераитов жили найманы, в то время самое сильное племя; их можно рассматривать как омонголившихся тюрков¹⁹. По всей вероятности, их территория простиралась от Убсу-Нура на севере до Черного Иртыша на юге и от озера Зайсан на западе до верховьев Селенги на востоке²⁰. Примечательно, что найманы приняли культуру своих южных соседей уйгуров, которые, предположительно, также повлияли на их обращение в несторианство²¹.

В конце XII века меркиты и татары были в равной степени сильными племенами²². Меркиты, которые жили в низовьях Селенги, к юго-востоку от озера Байкал, были лесными охотниками²³. На востоке, южнее озера Буир-нор, располагалось монгольское племя татары**. Они были прекрасными воинами и в течение дол-

* Несторианство — течение в христианстве, основанное в V в. византийским патриархом Нестарием. Последний утверждал, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии стал Сыном Божиим (Мессией). В Средние века несторианство пользовалось значительным влиянием в Восточной Азии. (Примеч. науч. ред.)

** Происхождение термина «татары» является одной из наиболее дискуссионных тем среди историков. Представляется, что с XII—XIII вв., постепенно расширяя свое содержание, этноним «татары» стал обозначать в широком смысле совокупность различных монголоязычных племен. Судя по всему, этот термин пришел в Восточную Европу в ходе монгольского завоевания XIII в. Здесь в XIII—XIV вв. он стал еще более расширенным, употребляясь как своего рода этнополиэтноним. Но, начиная с XVII в., его использование стало постепенно сужаться. В XIX—XX вв. термин «татары» в Восточной Европе закрепился за тюркоязычными жителями Поволжья и Крыма, не имевшими ранее прямых контактов с прежними центральноазиатскими носителями этого названия (Усманов М. А. Борис Яковлевич Владимирцов и его «Чингис-хан» // Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. СПб., 2000. С. 136—137). (Примеч. науч. ред.)

гого времени представляли большую угрозу для китайцев, которые часто поддерживали племена, жившие к западу от татар, в их войнах против враждебно настроенных соседей. Посредством китайского участия Чингисхан получил преимущество в войне против татар.

В период между VII и XII веками татары имели большое влияние благодаря своей воинственности. Вероятно, что в тот период все племена, говорящие по-монгольски, назывались татарами; по крайней мере, так это было для китайцев²⁴. Название «татары» осталось в употреблении даже после возвышения монголов под властью Чингисхана²⁵. Европейцы, посещающие Монгольскую империю, часто использовали название «татары»²⁶, но монголы сообщили им, что татары — это покоренное ими племя.

Стоит также упомянуть о киргизах и ойратах, хотя они и не были очень влиятельными в начале XIII столетия. Киргизы, тюркское племя, вытеснили уйгуров из Монголии в 840 году. В IX веке они стали причиной многих бед из-за своего беспринципного поведения*. В начале X века их вытеснили кидане, и киргизы обосновались в верховьях Енисея²⁷. С того времени они лишились своей значимости. На востоке от Байкала располагалось монгольское племя ойраты, которое жило в лесах. В XII и XIII веках они не играли значительной роли, но после падения династии Юань** в Китае в 1368 году заняли ведущее положение на востоке Монголии.

* Оценка Л. де Хартогом этического уровня поведения енисейских киргизов достаточно субъективна. О значимости культурного и политического вклада енисейских киргизов в историю Восточной Азии см.: *Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века*. М., 1984. (Примеч. науч. ред.)

** Основанная чингисидом Хубилаем династия Юань правила в Китае и Монголии в 1271—1368 гг. (Примеч. науч. ред.)

В междуречье Онона и Керулена жили монголы. Позже так станут называть всех, кто говорит по-монгольски. Племя монголов состояло из родов Борджигин и тайджиутов²⁸. Борджигины, жившие между Ононом и Керуленом, были степными кочевниками. Тайджиуты, известный монгольский род до восхождения Чингисхана²⁹, располагались в районе слияния Онона и Ингоды, где степи сменялись лесами. Они были частично пастухами-кочевниками, частично лесными охотниками.

Некоторые другие племена также важны для истории Чингисхана. Унгиаты, которые вели кочевой образ жизни³⁰, жили к юго-востоку от озера Буир-нор. Джалаиры, возможно, побежденное тюркское племя, которое подвергалось сильному монгольскому влиянию, располагались между Селенгой и Ононом³¹. Онгуты, тюркские кочевники, которые были в большей или меньшей степени обращены в несторианство³², проживали южнее пустыни Гоби по соседству с китайцами. Китайцы называли их белыми татарами³³.

Хотя уйгуры не жили в Монголии и к XIII веку не занимали ведущих позиций, о них стоит упомянуть, так как они оказывали довольно значительное влияние на позднюю Монгольскую империю. Примерно в 745 году тюркские уйгуры обосновались в современной Монголии. Они создали большое и сильное государство, которое протянулось до Восточного Туркестана и Тибета. Столица Орда-Балык (Кара-Балгасун)³⁴ располагалась на реке Орхон, близ того места, где позже будет построен Каракорум. Найденные руины показывают, что столица уйгуров была даже больше, чем у монголов³⁵. Уйгуры, кочевое племя, пытались сочетать жизнь в степях с городской жизнью. Примерно в 840 году их государство было разрушено киргизами, пришедшими с запада. Позже возникли два меньших государства уй-

гуров; восточное — современные Ганьсу и Алашань* — было побеждено тангутами примерно в 1030 году. Западное государство располагалось на северо-восточной границе бассейна реки Тарим, его образовали расположенные там города. Как самостоятельное государство оно перестало существовать только в XIII веке, так как было поглощено Монгольской империей. Правитель этого уйгурского государства носил титул идикут (священный государь)³⁶.

Западное государство достигло высокого уровня развития. Влияние этих уйгуров на соседние племена было значительным, особенно это касается найманов, которые были самым развитым племенем на территории, где располагается современная Монголия³⁷. Первоначально уйгуры были последователями манихейства**; в 763 году это учение стало их государственной религией³⁸. В начале X века манихейство уступило место буддизму и несторианству, обе эти религии были разрешены у уйгуров. Во второй половине XI века манихейство исчезло навсегда.

Уйгуры заимствовали алфавит у согдийцев, восточного иранского народа, пришедшего из Самарканда и Бухары³⁹. Этот алфавит, по происхождению семитский***⁴⁰, известен в истории как уйгурское письмо. Поскольку народ Чингисхана не знал письменности, он сделал уйгурское письмо официальным алфавитом Монгольской империи. Впоследствии этот алфавит приобрел широкую известность.

* Г а н ь с у — провинция на северо-западе современной КНР. А л а ш а н ь — пустыня на севере Китая. (*Примеч. науч. ред.*)

** М а н и х е й с т в о — религиозное течение, основанное в III в. В его основе — дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных равноправных принципов бытия. (*Прим. науч. ред.*)

*** Уйгурский алфавит был основан на базе согдийского алфавита, последний, в свою очередь, восходит к арамейскому письму, имеющему генетические семитические корни. (*Примеч. науч. ред.*)

МОНГОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Религия

Шаманство, представляющее основной элемент религиозной жизни тюркских и монгольских племен, базировалось на тюрко-монгольском анимизме*, который в той или иной степени возник под влиянием китайцев и маздакизма**⁴¹. В шаманстве богослужение не играло никакой роли — религиозное чувство выражалось во всех видах церемоний, пророчеств, заклинаний и магии идолов. Отсутствие каких-либо богослужений и молитв заставляло посетителей Монголии думать, что у монголов не было религии. Однако у них было религиозное учение. Они верили в единого бога Тенгри (Вечное Небо).

Некоторые монгольские обряды происходили из старого анимизма с его культом горных вершин и речных потоков. Монголы забирались на вершины священных гор, чтобы приблизиться к Тенгри и обратиться к нему. В знак своей покорности богу они снимали головные уборы и перекидывали пояса через плечо. Поскольку они верили, что речные потоки представляют высшие силы, им не разрешалось загрязнять воду⁴². Омовение тела, стирка одежды, мытье посуды были строго запрещены на религиозных основаниях⁴³, эта практика привела к тому, что у монголов не сформировалось никакого понятия о гигиене. В связи с этим в завоеванных Чингисханом землях возникали проблемы с использованием воды, так как покорен-

* А н и м и з м — вера в души и сверхъестественных духов, скрывающихся за предметами и явлениями живой и мертвой природы. (*Примеч. науч. ред.*)

** М а з д а к и з м — религиозно-философское учение, возникшее в Иране в III в. Было близко к манихейству, ибо последователи маздакизма также считали, что в основе мирового порядка лежит борьба между добром и злом, светом и тьмой. (*Примеч. науч. ред.*)

ные исламские племена практиковали ритуальное омовение.

Солнце, в особенности восходящее, было объектом поклонения монголов. Юг играл важную роль в их жизни, потому что был связан с поклонением солнцу⁴⁴. Почитание солнца выразилось рядом коленопоклонений, которые совершались лицом на юг. Существовали и другие важные религиозные обряды. Запрещалось касаться ножом огня, который также был объектом поклонения. Монголы приносили в жертву воду, подбрасывая полную чашку в воздух и одновременно произнося определенные заклинания. Давая торжественную клятву (анду) верности дружбе или договору, монголы выпивали кровь из рога коровы, в котором лежала золотая монета. Эта клятва иногда подтверждалась разрубанием пополам жеребца и кобылы⁴⁵.

Благодаря соседним племенам монголы узнали о несторианстве (кераиты, найманы и онгуты), буддизме (уйгуры), даосизме* (китайцы) и исламе (купцы из Юго-Западной Азии). Соприкоснувшись с другими религиями, монголы начали сомневаться, действительно ли Тенгри был единственным и самым могущественным богом. Они начали принимать в расчет существование других богов, и посудили, что будет мудро не запрещать приверженцам других религий совершать их религиозные обряды. Результатом этой точки зрения стала исключительная толерантность, что было редкостью для варваров и характеризовало монголов с положительной стороны. Тем не менее после основания империи монголы начали верить то, что Тенгри даровал им господство над миром, а свя-

* Д а о с и з м — религиозное течение, последователи которого стремились к достижению бессмертия. (Примеч. науч. ред.)

шенная задача Великого Хана — осуществить это предназначение.

Смерть

У монголов было принято, чтобы члены семьи умирающего человека оставляли его в одиночестве⁴⁶. Усопшего хоронили в том месте, которое ему особенно нравилось при жизни. Высокопоставленные монголы сами выбирали себе место захоронения.

Вместе с усопшим клали его ценности. Чтобы предотвратить осквернение тел или ограбление гробницы, местоположения могил правителей и позже властелинов Монгольской империи не разглашались⁴⁷. Монголы практиковали немедленную казнь рабов, принимавших участие в захоронении, чтобы быть уверенными, что место гробницы останется тайной⁴⁸. Другой способ избежать разглашения — осуществлять захоронение ночью. Иногда через место захоронения пропускали табун лошадей; в этом случае после того, как земля покрывалась травой, отыскать гробницу становилось невозможно. Это было одной из причин, почему монголы не насыпали могильных курганов⁴⁹. В то же время могилы простых монголов не скрывались. На таких могилах ставили кол, на который вешали шкуру лошади умершего человека.

Время в монголо-тюркских племенах отмерялось циклами. Цикл состоял из двенадцати лет, каждый год носил название определенного животного⁵⁰. Последовательность была следующей: Крыса, Бык, Тигр, Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Овца, Обезьяна, Курица, Собака, Свинья*.

* Более подробно о данном «зверином календаре» см.: *Захарова И. В.* Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1960. Т. 8. (*Примеч. науч. ред.*)

Жилище

Различие в образе жизни лесных охотников и пастухов-кочевников отразилось и на их жилище. Самые примитивные хижины лесных охотников были сделаны из березовой коры. Палатки пастухов, а также охотников, проживающих в местах, где степи сменяли лес, были различны⁵¹. Охотники сооружали простые низкие палатки из холстины.

У пастухов-кочевников были круглые палатки из войлока, а также юрты, состоящие из множества тонких деревянных колышек и досок. Это говорит о том, что данные племена жили вблизи леса⁵². В центре юрты располагалась основная опора, которая должна была быть установлена с максимальной тщательностью ввиду ее важной функции. Если центральный столб обрушивался, часто вся юрта разваливалась, что приводило к печальным последствиям. Стены и крыша изготавливались из войлока. В центре крыши находилось круглое отверстие, в которое вставлялся короткий дымоход⁵³. Под ним был очаг для обогрева юрты и приготовления пищи. Вход в хижину находился с южной стороны⁵⁴. Помимо того что монголы почитали юг, для этого существовала и другая причина: холодные ветра дули преимущественно с севера.

Изначально юрты полностью демонтировались, когда кочевники покидали место, и устанавливались заново на новых пастбищах. Вероятно, в начале XIII века монголы начали сооружать юрты на деревянных подводах: теперь их не нужно было разбирать и можно было легко установить на новом месте. Подводы обычно тянули волы, число которых зависело от размера юрты. Такой вид транспортировки наиболее активно использовался в первые десятилетия существования Монгольской империи и полностью исчез с ее распадом.

Еда и питье

Под впечатлением существенных различий в гастрономических пристрастиях монголов и европейцев европейские путешественники много писали об этом. Кочевой образ жизни монголов вынуждал их потреблять много мяса⁵⁵ и молока. Они ели мясо всех животных, которых им удавалось поймать во время охоты⁵⁶: собак, волков, лис, крыс, мышей, сурков и кроликов. Для них не существовало никаких религиозных запретов относительно такой пищи. Только животные, пораженные молнией, не могли быть съедены⁵⁷. Излюбленной пищей монголов была конина, в то время как говядину и баранину ели по праздникам.

Сырое мясо ели только при чрезвычайных обстоятельствах; если возникала такая необходимость, его клали под седло и скакали на лошади, пока мясо не становилось мягким. Однако такая обработка делалась в исключительных случаях. Обычно мясо варили или жарили⁵⁸. Ели все из одного котла. Остатки мяса клали в кожаные сумки. Гигиене не уделялось никакого внимания, и во многом потому, что, как указывалось ранее, их религия запрещала загрязнять воду. Известно, что монголы в экстремальных обстоятельствах могли есть человеческую плоть⁵⁹. Древние китайские тексты подтверждают, что среди монголов бывали случаи людоедства⁶⁰.

Хотя монголы и пили свежее молоко, кумыс — сброженное молоко кобылы — был их любимым напитком. Зимой они готовили своего рода легкое вино из риса, пшеницы, проса и меда⁶¹. От него монголы часто пьянели, что было довольно обычным делом, но никогда не приводило к ссорам или дракам. Пьянство не считалось зазорным, напротив, это был вопрос чести⁶². Монголы видели в этом проявление мужества⁶³. Потомки Чингисхана не были исключением в этом вопросе⁶⁴.

Женщины

Отношения монголов к женщинам никак нельзя назвать однозначными. Несмотря на общепринятую полигамию, женщины играли важную роль в социальной жизни монголов⁶⁵. Вожди племени часто спрашивали совета у своих жен, этот обычай сохранили и последующие правители Монгольской империи⁶⁶. Жены вождей племен и родов часто сопровождали своих мужей, когда те воевали против внешних врагов. Позже, во время важных и длительных кампаний Чингисхана, немало женщин шли вместе с армией. Их обязанностью было выполнять во время сражений ту работу, которую делают их мужья в мирное время.

Хотя женщины в целом не были зависимы, поражает, с какой легкостью они принимали похищенного из другого рода или племени мужа. Вероятно, что и некоторых женщин похищали не один раз; эта процедура была обычна для монголов. Новый муж не возражал, если первенцы жены были рождены от другого мужчины.

Женщины, как и мужчины, ездили на лошадях. Подводами с запряженными в них выучными животными всегда управляли женщины. Они также доили коров и коз, шили одежду и палатки из войлока. Мужчины изготавливали луки, стрелы, седла и сумки для хранения кумыса. Дойка кобыл была также мужским делом⁶⁷.

Помимо уже упомянутых особенностей — веротерпимости, пренебрежения правилами гигиены и склонности к пьянству — монголы обладали и другими качествами. Как и все кочевники Средней Азии, они были поразительно беспечны и спокойны, как следствие своего образа жизни они были не приучены к

постоянной работе⁶⁸. Зато они были исключительно выносливы. Во время голода монголы проявляли благородство, разделяя всю доступную пищу между членами племени и рода.

Убийство людей, казалось, не вызывало у них угрызений совести. Они не крали друг у друга, но отличались жадностью во время набегов и часто пытались унести с собой больше военных трофеев, чем могли физически. Когда у монголов не было никакой военной добычи, они не гнушались красть или вымогать ценности у других племен⁶⁹. Вожди племен являли собой пример алчности, считая, что они вправе распоряжаться имуществом своих подчиненных⁷⁰.

2 **Возвышение молодого вождя Борджигин**

ПОЯВЛЕНИЕ ЗАГАДОЧНОГО ПЛЕМЕНИ

Одним из главных вождей рода Борджигин был Есугей. Бесспорно, что он был баатур (человек доблести)¹. Есугей участвовал в некоторых успешных битвах против татар. В этом ему помогали кераиты, стремящиеся к господству над монгольскими и тюркскими племенами, для достижения чего требовалось покорить сначала могущественных татар. Однако в свою очередь кераиты подверглись нападениям найманов, прогнавших кераитского хана Тогрула. При поддержке Есугея Тогрул сумел восстановить свое доброе имя. После чего Тогрул и Есугей дали клятву вечной дружбы².

Во время охоты на птиц Есугей с помощью двух своих братьев похитил молодую жену влиятельного члена племени меркитов³. Оэлун, как ее звали, происходила из племени унгирагов. Есугей взял Оэлун в свою юрту и сделал своей женой⁴. В этом браке родились четыре сына и дочь. Сыновей назвали Темучин, Хасар, Хачиен и Тэмугэ (по старшинству), дочь была самой младшей⁵. У Есугея была и другая жена, Сочихэл⁶, родившая двоих сыновей, Бельгутея и Бектера⁷.

До сих пор не установлена точная дата рождения старшего сына Есугея Темучина. Великий персидский историк Рашид ад-Дин (1247—1318) указывает на 1155 год⁸. Из китайских и монгольских источников⁹ следует 1162-й, что в современной Монголии признано официально. Опираясь на китайские источники от 1340 года, французский востоковед Поль Пелльо утверждает, что Темучин родился в 1167 году¹⁰. Все эти гипотезы, однако, не имеют под собой достаточного основания. В этой книге я остановился на 1162 годе.

Место рождения Темучина — современный Делюн-Болдох, расположенный на правом берегу Онона*. 31 мая 1962 года в этом месте состоялось торжественное открытие памятника высотой десять метров, когда Народная Республика Монголии отмечала 800-летие со дня рождения великого монгола¹¹.

Есть указание на то, что Темучин получил имя благодаря особым обстоятельствам. У монголов существовала традиция называть ребенка в честь недавнего важного события или человека, который привлек внимание матери после родов¹². Когда Оэлун родила старшего сына, Есугей как раз возвратился из успешного похода на татар, в ходе которого убил вождя племени Темучина**. Поэтому Есугей дал сыну это имя¹³. В переводе оно означает «кузнец»¹⁴.

В девятилетнем возрасте Темучин вместе с отцом отправился в материнское племя унгиратов за невестой¹⁵.

* По мнению современного российского автора биографии Чингисхана востоковеда Е. И. Кычанова, Делюн-Болдох (или Делюн-Булдак — букв. «холм, похожий на селезенку») находится примерно в 250 км от города Нерчинска, или на территории Читинской области России, или в пределах МНР (*Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. М., 1995. С. 23—24. (Примеч. науч. ред.)*)

** По другим сведениям, Есугей не убил, а лишь взял в плен вождя племени татар. (*Примеч. науч. ред.*)

Выбор пал на Бортэ, дочь влиятельного члена племени Дэя Сетчэна, которая была годом старше Темучина¹⁶. Есугей оставил сына с унгиратами и вернулся к своему племени. Традиционно считается, что во время поездки он проезжал через земли татар и принял угощение от некоторых членов племени (его злейших врагов). Через три дня уже в своей юрте у него обнаружили признаки отравления. Вскоре после возвращения Есугей умер.

Оэлун осталась с пятью детьми и двумя пасынками. Темучин вернулся в родное племя благодаря Мунлику, приближенному Есугея. Для семьи, потерявшей кормильца, начались тяжелые времена. Было ясно, что Темучин еще слишком мал, чтобы стать вождем рода. Обстоятельства, в которых приходилось жить монголам, были очень тяжелы, и мальчик не смог бы управлять родом. Непонятно, почему члены рода Борджигин лишили семью Оэлун большей части имущества и затем бросили ее, когда род переходил на другое место. Покинутая семья Есугея должна была бороться за выживание на территории близ Онона, охотясь и ловя рыбу.

Власть над монголами теперь перешла к племени тайджиутов; Таргитай-Кирилтух стал новым вождем¹⁷. Молодой Темучин смог быстро найти оригинальное решение проблем, с которыми столкнулся. Поссорившись с единокровным братом Бектером, Темучин убил его при помощи другого брата, Хасара. Темучин обрел преданного товарища в лице физически сильного Хасара (который был двумя годами моложе)¹⁸. Таргитай-Кирилтух, не ожидавший, что старший сын Есугея сможет удерживать свои позиции долгое время, взял его под стражу, чтобы таким образом устранить конкурента. Темучину благодаря своей изобретательности, смелости и настойчивости и не без помощи старика по

имени Соркан-Шира и двух его сыновей — Джилаукана и Чинбо удалось бежать¹⁹. Эти трое позднее стали ярыми сторонниками молодого монгола.

Небольшая семья Оэлун тем временем накопила некоторое имущество. Поэтому кража восьми из девяти лошадей стала для семьи большим ударом. Темучин самостоятельно отправился на поиски украденного, вместе с ним поехал юноша по имени Боорчу из племени арулат. Молодые люди сумели вернуть похищенных лошадей²⁰. С тех пор Темучин и Боорчу были неразлучны; Боорчу было предопределено стать одним из самых близких соратников будущего завоевателя мира.

В возрасте одиннадцати лет у Темучина появился друг Джамуха, ровесник из племени джаджират²¹. Мальчики стали побратимами (андами). Джамуха, который, как и Темучин, был знатного происхождения²², позже возвысился до вождя племени джаджират.

Несколькими годами позже Темучин решил, что молодая женщина Бортэ, на которой он женился, будучи ребенком, теперь должна жить вместе с ним. За ней он отправился к унгиратам вместе с Бельгутеем²³.

Через некоторое время Темучин со своей семьей покинул долину Онона и переселился в верховья Керулена²⁴. Этот переезд повлиял на дальнейшее развитие событий. Темучин захотел пойти на службу к хану кераитов Тогрулу. Тот предложил сыну своего умершего побратима-анды Есугея стать своим ближайшим подчиненным, и молодой человек согласился, не раздумывая. Возвращаясь от Тогрула, Темучин встретил юношу из племени урянхатов, который предложил ему свои услуги. Джельмэ, как того звали²⁵, суждено было стать одним из самых верных соратников Чингисхана.

Снова став вождем рода Борджигин благодаря помощи Тогрула, однажды Темучин попал в беду, что было весьма обычно в этих землях. Шайка меркитов напала

на его лагерь. Темучину вместе с матерью, сестрой, братьями, Боорчу и Джельмэ, приложив значительные усилия, удалось бежать. Они нашли убежище в горах Хэнтэй, на вершине Бурхан-Халдун²⁶. Однако его молодая жена Бортэ попала в руки меркитов. Главарь нападавших взял ее в жены. Меркиты также похитили вторую жену Есугея Сочихэл²⁷.

Тот факт, что Бурхан-Халдун укрыл Темучина, его семью и товарищей, стал причиной, по которой Темучин почитал эту гору. «Гора спасла мою бедную жизнь, — сказал он. — Я никогда этого не забуду». Он высказал благодарность горе, как было принято у монголов: перекинув пояс через плечо, сняв шапку и совершив девять* коленопреклонений к югу²⁸. Не без помощи Тогрула, но в основном благодаря названному брату Темучина Джамухе меркиты были побеждены в месте слияния Хилка и Селенги. Бортэ была освобождена и снова стала женой Темучина²⁹. Мать Бельгутея не вернулась назад. Она добровольно осталась с меркитом, взявшим ее в жены³⁰.

Похищение Бортэ имело продолжение. Вскоре после возвращения она родила первого сына Джучи³¹, что ставило под сомнение отцовство Темучина. Согласно монгольским обычаям Темучин не видел в этом проблемы, и у нас нет никаких указаний на то, что он относился к старшему сыну иначе, чем к другим детям. Однако неопределенность с отцовством имела свои последствия. Потомков Джучи, хотя они формирова-

* Данная монгольская традиция во многом дублирует более раннее, высокое почитание числа «девять» у древних тюрков. Знамя Чингисхана было «девятибунчужным», желательным было, чтобы число даримых подарков было кратным девяти и т. д. Более подробно см.: *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 70. (*Примеч. науч. ред.*)

ли самую древнюю ветвь Чингисидов, никогда не рассматривали в качестве наследников престола империи. Потомки других сыновей Чингисхана, очевидно, настолько умело эксплуатировали это обстоятельство, что ветвь Джучи никогда не допускалась до выборов Великого Хана.

Дружба Темучина и Джамухи вылилась в тесное взаимодействие этих двух побратимов. Их сотрудничество длилось полтора года без каких-либо серьезных проблем³². За это время Темучин повстречал различных вождей и влиятельных мужей других племен. Тогда же началась его дружба с Мухули из племени джалаириров, позднее одним из его высших командующих. Темучин с большой серьезностью относился ко всем советам Мухули³³.

После того как Темучин и Джамуха покинули берега Онона, Джамуха сказал своему другу: «Если мы расположимся близ гор, от этого выгадают табунщики. Если мы расположимся близ горного потока, от этого выгадают пастухи». Темучин, не поняв этого замечания, обсудил его с Оэлун и Бортэ. Довольно странно, что Бортэ, освобожденная из племени меркитов во многом благодаря Джамухе, настраивала Темучина против его названного брата. Той же ночью эти два мужчины разошлись³⁴.

Племена, объединенные в годы дружбы Темучина и Джамухи, раскололись на два лагеря. В группе, которая поддерживала Темучина, было несколько потомков первых ханов, которые в прежние времена объединили монголов. Они, притом что каждый из них был претендентом на власть, примерно в 1195 году и даровали Темучину титул хана, назвав его Чингисханом³⁵ и обещав верно служить ему.

Неизвестно, что означает «Чингис», долгое время этот вопрос активно обсуждался³⁶. Похоже, что выбор

этого имени происходит из амбиций молодого Темучина*. Хотя сам Темучин не был суеверен, но решил укрепить свое положение за счет смены имени, создав таким образом впечатление, что он избран Тенгри. В этой связи мы должны упомянуть о его сотрудничестве с влиятельным шаманом Кокэчу, который сыграл не последнюю роль в выборе имени³⁷. Поэтому не лишено оснований предположение, что этот политический ход был связан с тем, что шаманство в то время все еще было широко распространено, и смена имени могла убедить людей в том, что Чингисхан избран Тенгри³⁸.

После своего возвышения Чингисхан сделал двух своих верных друзей, Боорчу и Джельмэ, главными советниками³⁹. Одно из качеств, которое помогло Чингисхану укрепить свои позиции, особенно в ранние годы правления, — это его организаторские способности. Не будет преувеличением сказать, что его гений проявлялся прежде всего в его таланте военачальника**, его знании людей и именно организаторских способностях. Эти три качества должны были сделать его одним из самых великих правителей в мировой истории.

Одной из первых мер, принятых новым властителем, стало создание административной структуры в том месте, где он и его последователи находились в данный

* Сейчас наиболее принятой в исторической литературе версией объяснения слова «Чингис» является гипотеза его происхождения от тюркского слова «тэнгис» — «море», «океан». В этой интерпретации титул «Чингисхан» значит «хан-океан», в переносном смысле «владыка вселенной» (*Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. С. 86—88. (Примеч. науч. ред.)*)

** Практически все исследователи сходятся в признании выдающихся организаторских способностей основателя Монгольской империи. Однако в оценке его талантов военачальника подобного единодушия нет. В целом признаются дарования Чингисхана-стратега, но в наличии у него достоинств тактика сомневался даже такой известный почитатель Темучина, как Л. Н. Гумилев. (*Примеч. науч. ред.)*

момент. Из своего опыта Чингисхан знал, что кочевая жизнь сопровождается постоянными опасностями. Мародерские вылазки и набеги были обычны. Он исходил из того, что, если он решил остаться у власти, ему необходимо занять руководящую позицию так, чтобы его подчиненные преклонялись перед ним, что существенно помогло бы ему в объединении земель. С этой целью Чингисхан сформировал стражу, которая, хотя и была малочисленной, состояла из отборных лучников и мечников. Стража должна была всегда находиться возле него. Кроме того, он уделял особое внимание тому, насколько военная часть обеспечена пищей и обмундированием и как проходит дрессировка лошадей. Это были важные вопросы для кочевников, живших в степях. Чингисхан очень строго следил за тем, что происходило вблизи его ставки, и пускал в нее только тех людей, которых высоко ценил. Он требовал, чтобы его приказы выполнялись как можно быстрее⁴⁰.

НАЧАЛО УСТРАНЕНИЯ СОРАТНИКОВ

Вскоре после провозглашения Темучина Чингисханом последовала первая конфронтация с Джамухой. Источники противоречат друг другу в этом вопросе*. Согласно одному из них Джамуха одержал победу в сражении и приказал сварить заживо в железном котле 70 монгольских пленных. Даже существует предполо-

* Одним из наиболее запутанных и спорных вопросов в биографии Чингисхана является сюжет о характере его отношений с Джамухой. Свою интерпретацию этой темы предложил Л. Н. Гумилев (см.: Гумилев Л. Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII—XIII вв. // Татари-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 1977. С. 493—494). (Примеч. науч. ред.)

жение, что Джамуха после этого съел свои жертвы⁴¹. Но есть и другая версия: Чингисхан был победителем, и именно он казнил 70 человек Джамухи таким способом⁴².

Тогрулу стало известно о все возрастающей сплоченности монголов и о возвышении его молодого вассала. Чингисхан в свою очередь нуждался в поддержке Тогрула. Чингисхану все еще противостоял Джамуха, ставший теперь его опасным соперником. Кроме того, среди его собственных подчиненных все еще оставалось множество претендентов на власть — потомков первых ханов. Поэтому Чингисхан сделал все возможное для того, чтобы Тогрул не догадался о подобном положении дел. В дальнейшем у него появилась прекрасная возможность продемонстрировать свою верность старому сюзерену. Тогрула свергнул его брат Эрхе-Хара при поддержке хана найманов Инанч-Бильгэ⁴³. Тогрул бежал сначала к каракитаям, затем направился в пустыню Гоби, где попросил помощи у Чингисхана. Чингисхан встретил свергнутого хана кераитов у истоков Керулена и не только оказал Тогрулу радушный прием, но и помог восстанавливать его репутацию среди кераитов⁴⁴.

Немного позже Чингисхану выпал шанс отомстить татарам. Мухули рассказал ему о том, что должен покарать это племя за смерть отца. Император династии Цзинь предложил Тогрулу и Чингисхану присоединиться к нему в походе на татар, которые регулярно грабили северные пограничные районы Китая. Это предложение давало возможность устранить опасного конкурента⁴⁵. Император династии Цзинь напал на татар с юго-востока⁴⁶, в то время как Тогрул и Чингисхан проникли сквозь западные рубежи. Хан татар был взят в плен в 1196 году и казнен⁴⁷. Император в Пекине выразил свою благодарность, пожаловав Тогрулу титул Ван (князя)⁴⁸. Тогрул

остался в истории под именем Ванхана, как его впоследствии стали называть. Чингисхану было даровано более низкое звание: Чжаохури (хранитель границы)⁴⁹. Это различие указывало на то, что чжурчжэни в тот момент видели в Чингисхане только вассала Тогрула, а то обстоятельство, что они оба приняли эти титулы, — что монголы признавали силу Китая.

Во время сбора военных трофеев в татарском лагере монголы нашли маленького мальчика. Чингисхан взял его к себе и отдал своей матери, Оэлун, которая приняла ребенка как родного сына и дала ему имя Шиги-Кутуку⁵⁰. Но существует и другая версия, согласно которой ребенок был взят Чингисханом в 1182—1183 годах, после похода на татар. У него с Бортэ тогда не было детей. Чингисхан отдал маленького татарина Бортэ, и та стала воспитывать его, как родного сына⁵¹. Это противоречие приводило к путанице со статусом Шиги-Кутуку. Некоторые считают его сводным братом Чингисхана, другие — его приемным сыном. Шиги-Кутуку, наделенный от природы незаурядными способностями, впоследствии стал главным судьей Монгольской империи.

Борьба против татар дала Чингисхану возможность избавиться от множества потомков первых монгольских ханов, которые являлись его основными конкурентами. Они отказались участвовать со своими личными отрядами в войне против татар⁵². Тогда Чингисхан повел войска против них, одержал победу близ Кодеу-Арала, равнины на левом берегу верховьев Керулена, и казнил своих соперников⁵³.

Тем временем умер хан найманов Инанч-Бильгэ. Его владения были поделены между двумя сыновьями, каждый из которых завидовал другому: Тэйбакой, которому досталась озерная область к юго-востоку от Убса-нора, и Буюруком, владеющим теперь гористой частью Алтая. Конфликт между братьями начался, когда Тэйбака

(младший) взял себе одну из любимых жен своего отца. Буюрук полагал, что, как старший сын, он имел право на нее. Очевидно, имя этой женщины было Гурбесу; позже она стала одной из жен в гареме Чингисхана⁵⁴.

В 1199 году Чингисхан и Ванхан воспользовались этим конфликтом, чтобы напасть на одного из братьев — Буюрука⁵⁵. Буюрук отвел войска к реке Урунгу, на южных склонах Алтая. Вероятно, позже он бежал к верховьям Енисея⁵⁶. Большую часть армии он оставил под командованием своего помощника, военачальника Коксу-Сабрака. Когда Чингисхан и Ванхан пошли в восточном направлении, Коксу-Сабрак устроил им засаду. Нападение было настолько успешным, что Ванхану пришлось отступить ночью, не предупредив Чингисхана. Тогда Ванхан зажег огни в своем лагере, создав видимость того, что кереиты все еще находились там⁵⁷. Чингисхану удалось вырваться из окружения без особых потерь⁵⁸. Но армия кереитов все еще была в опасности. Ту ее часть, которой командовали Джагамба и Сэнгум (брат и сын Ванхана), войска Коксу-Сабрака застали врасплох и разгромили⁵⁹. В отчаянии Тогрул обратился за помощью к своему вассалу. Чингисхан прислал четырех своих лучших военачальников: Боорчу, Мухули, Боро-Кула и Джилаукана. Они нанесли поражение найманам и вернули часть украденного имущества⁶⁰. Хасар, брат Чингисхана, поставил точку в этой войне, нанеся найманам сокрушительный удар⁶¹.

В 1200 году Ванхан и Чингисхан совершили нападение на тайджиутов. Тайджиуты были побеждены, а их вождь, Таргитай-Кирилтух (который ранее брал в плен молодого Темучина), был убит⁶². Успехи Ванхана и Чингисхана пробудили дух соперничества у других племен Центральной Азии, и по этой причине последние объединили силы. Первый союз против постоянно растущей силы этих двух монгольских вождей обра-

зовали племена хатакинов и сальджиутов; тайджиуты, татары и унгиры также объединились. Чингисхан, предупрежденный своим тестем Дзем Сетчэном, не стал терять время: он напал на объединенные племена близ Буир-нора и разбил их⁶³.

Однако в 1201 году появилась реальная угроза Ванхану и Чингисхану. Сразу несколько племен решили уничтожить власть союзников. С этой целью меркиты, тайджиуты, найманы Буюрука, джаджираты, унгиры и сальджиуты собрались на берегах Аргуни. Сомнительно, что из этого сборища мог образоваться союз, способный к слаженным действиям, — между племенами было слишком много разногласий. Единственным, что связывало их, был страх перед все возрастающей силой противников. Курилтай (собрание вождей племен и высших военачальников) состоялся у реки Ган (приток Аргуни)⁶⁴. Джамуху назначили главнокомандующим и дали ему имя Гурхан (это имя было в ходу как у мусульман, так и у монголов; в переводе оно означает «хан ханов», или «главный и самый сильный хан»)⁶⁵.

Обстоятельство, что Джамуха был избран главой этого большого союза, указывает не только на то, что он был видной фигурой, но также и на то, что в лице Чингисхана видели большую опасность, так как Джамуха был его основным соперником. Даже при том, что Чингисхан еще не был главным человеком в своем лагере, было ясно, что предстоящая битва должна решить, кто станет будущим правителем монгольских и тюркских племен в Средней Азии: Чингисхан или Джамуха.

Чингисхан рано узнал о сформированном союзе от человека из лагеря Джамухи. То, что этот человек отправился от Аргуни к лагерю Чингисхана близ Керулена⁶⁶, позволяет думать, что он был скорее шпионом, чем дезертиром. Чингисхан решил предвосхитить нападение врага. В 1201 году он вместе с Ванханом направил-

ся к северу, но на месте поднялась такая метель, что невозможно было провести сражение. Обе армии разошлись, а союз Джамухи распался⁶⁷.

Вскоре после провала этой кампании Чингисхан совершил последнее наступление на тайджиутов⁶⁸. Это нападение (осуществленное без помощи Ванхана) имеет много общего с последующей кампанией против татар в отношении стратегии и тактики. Во время сражения с тайджиутами Чингисхан был так тяжело ранен в шею, что потерял сознание. Благодаря заботе своего верного друга Джельмэ он выжил⁶⁹. Любимая лошадь Чингисхана была убита стрелой. Это была гнедая лошадь с белой мордой, похожая на ту, на которой он бежал из тайджиутского плена, когда был молодым. Тайджиуты были полностью разгромлены. Чингисхан казнил многих из них. Остальные покорились ему и поступили на военную службу к Борджигинам. Единство среди монголов было, таким образом, восстановлено, пусть даже за счет больших потерь.

Среди пленных находился молодой человек, Джиргоадай, который, вероятно, происходил из йисутов, одного из родов тайджиутов⁷⁰. Когда он предстал перед Чингисханом, то признал, что это он убил лошадь под седлом завоевателя. Чингисхан проникся симпатией к юноше (который был прекрасным лучником), помиловал его и взял к себе на службу. Он назвал своего нового слугу Джебе (Стрела) в память о происшедшем⁷¹. Джебе суждено было стать одним из высших военачальников Монгольской империи.

Единственным племенем, с которым Чингисхан еще не свел счеты, были татары. Маловероятно, что он хотел отомстить татарам за убийство отца: эта месть была осуществлена еще в 1198 году. Дальновидный Чингисхан имел другой повод. Пока воинственные татары не были разгромлены, они представляли угрозу

для Чингисхана на востоке. Он предвидел уже тогда, что конфронтации между ним и Ванханом (его западным соседом) вскоре нельзя будет избежать. Ранее он нанес поражение тайджиутам на севере и сократил их численность; оставшихся же включил в состав собственного войска. Теперь похожая участь ждала татар. Всю свою жизнь Чингисхан устранял противников одного за другим. Он никогда не упускал из виду меняющийся баланс сил, который постоянно представлял опасность. Кроме того, он обладал достаточным терпением, чтобы выждать время.

В 1202 году Чингисхан (снова без поддержки Ванхана) начал наступление на татар. После того как те были повержены, завоеватели устроили страшную резню мужского населения. Многие пленные сумели бежать до начала бойни, так как были проинформированы Бельгутеем о распоряжении его единокровного брата. После этого случая Чингисхан временно отстранил Бельгутея от участия в военных советах⁷². Оставшихся в живых распределили по племенам, к тому времени признавшим господство Чингисхана. Племя татар прекратило свое существование⁷³. Чингисхан взял в жены двух сестер, молодых и красивых татарок Джису и Джису-ген⁷⁴. Согласно традициям кочевников каждой жене предоставлялась орда (резиденция) и слуги.

Борьба с татарами имела свое продолжение. Три потомка первых монгольских ханов (родственники Чингисхана) проигнорировали его приказ не брать трофеи в личное пользование⁷⁵. Чингисхан послал за ними Джебе и Хубилая*, чтобы те вернули добычу⁷⁶. Когда эти

* Необходимо учитывать, что в книге Л. де Хартога упоминаются два Хубилая: а) военачальник Чингисхана; б) внук Чингисхана, сын Толуя, будущий основатель монгольской династии Юань в Китае. В данном месте текста имеется в виду первый из них. (Примеч. науч. ред.)

трое должны были предстать перед Чингисханом и ответить за свое неповиновение, они решили попытаться счастья в лагере Ванхана. То, что они бежали именно в его лагерь, очень значимо.

Обстановка в Центральной Азии существенно изменилась с началом XIII века. Тюркские и монгольские племена, которые в XII столетии постоянно враждовали между собой, начали объединяться в несколько союзов. Самым мощным из них было, несомненно, объединение Ванхана и Чингисхана. Кроме того, в Западной Монголии было много сильных племен, которые вступали в некое взаимодействие: найманы были самыми влиятельными из них. Остальные — это меркиты, ойраты и киргизы. Остатки нескольких племен, ранее потерпевших поражение, но сумевших выжить за счет перехода с места на место, в некотором смысле составили еще одну группу. Однако эти племена не формировали неделимого союза. Время от времени они действительно объединялись, чтобы совершить набег, но отделялись друг от друга, как только он завершался. Они представляли собой чрезвычайно мобильные объединения, которые вели своего рода партизанскую борьбу на местности, защищенной Алтайскими горами и Большим Хинганом⁷⁷. Чингисхан не ошибся: после разгрома самых сильных племен, кераитов и найманов, другие племенные союзы были вынуждены подчиниться ему.

3 Правитель всех племен, живущих в войлочных шатрах

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ НИЗВЕРЖЕНИЕ ВАНХАНА

Отношения Чингисхана и Ванхана перестали быть безоблачными. Стареющий Ванхан искал себе преемника; он думал, что Чингисхан подходит для этой роли как нельзя лучше. Такой выбор вызвал неодобрение его сына Сэнгума¹.

Для удовлетворения своих амбиций и поднятия престижа Чингисхан решил женить своего старшего сына Джучи на дочери Ванхана²; в то же время он предложил одну из своих дочерей в качестве невесты для сына Сэнгума³. Однако Сэнгум полагал, что дочери Ванхана слишком родовиты для Джучи. Этот отказ сильно огорчил Чингисхана.

Помимо отказа Сэнгума существовали и другие проблемы. Джамуха бежал к кэраитам искать убежище и стал близким другом Сэнгума. Они оба, как полагал Ванхан, не доверяли Чингисхану. Они обвиняли Чингисхана в подготовке предательского нападения⁴. Потомки первых монгольских ханов, которые также бежали к кэраитам, не упустили возможности подтвердить подозрения Сэнгума. Тогрул, теперь пожилой человек, не видел смысла в том, чтобы идти в поход

против своего молодого и грозного вассала. Неохотно он следовал распоряжению сына. В 1203 году произошел окончательный разрыв между двумя бывшими союзниками. Чингисхан, который до этого времени играл второстепенную роль в союзе, должен был теперь начать борьбу за гегемонию в Центральной Азии.

Сэнгум попробовал перебежать дорогу своему противнику. Сперва он пригласил Чингисхана на примирительную встречу, на которой должны были быть отпразднованы намеченные свадьбы⁵. Однако эта уловка не сработала (Мунлик, приближенный Есугея, предупредил Чингисхана), тогда Сэнгум решил напасть на монголов, что было поспешно осуществлено. Два пастуха, Бадай и Кишлик, подслушали разговор одного из военачальников Ванхана о предстоящем нападении и поспешили сообщить Чингисхану⁶. Мы можем предположить, что эти пастухи были агентами Чингисхана; он уже понял, что ему следует проявлять особую сообразительность, если он хочет всегда быть на шаг впереди своих соперников. У Чингисхана было время только на то, чтобы подготовиться к бегству, он нашел убежище в предгорье Большого Хингана, а затем отправился к окрестностям реки Халки. На полпути туда он оставил небольшой охранной отряд под командованием Джельмэ⁷. Хотя из отряда поступали своевременные сведения о подходе вражеских сил, задача, стоящая перед Чингисханом, была не из легких.

Престарелый Тогрул поручил Джамухе командовать армией, состоящей из присоединившихся к кераитам племен⁸. Вскоре началась жестокая схватка. Два военачальника Чингисхана, Куйилдар и ветеран Джурчедай, продемонстрировали свою храбрость и склонность к самопожертвованию⁹. Однако силы были неравными. Чингисхан был вынужден воспользоваться приближением ночи, чтобы прервать битву и покинуть поле боя.

Когда он посчитал, что отошел на безопасное расстояние, то обнаружил, что не только его сын Угедей, но также и его военачальники Боорчу и Боро-Кул исчезли. Внезапно Боорчу появился. Его лошадь была убита, и он приехал на захваченной у кераитов лошади. После этого прибыл Боро-Кул с серьезно раненым Угедеем, лежащим на седле. Отец заплакал, увидев сына¹⁰.

Чингисхан понял, что он не может противостоять армии Ванхана, во много раз превосходящей по численности его собственную. Поэтому он решил выиграть время, отступив к Буир-нору. Близ Халки жили унгираты — племя, откуда происходили его мать и жена Бортэ. Ему удалось получить от них помощь. Все время, что он оставался в этой местности, он пытался разрушить сформированный против него союз. Он направлял вражеским отрядам различные донесения и приказы, чтобы распространить взаимное подозрение среди них. Сэнгум мог видеть опасность этой пропагандистской кампании, но его отец стал сомневаться в справедливости войны, которую они вели против Чингисхана. Нерешительный Ванхан под влиянием дружественных посланий от Чингисхана¹¹ все меньше стремился воспользоваться численным преимуществом своей армии для уничтожения противника¹².

Чингисхан все еще думал, что мудрее будет избегать столкновений с врагом и тянуть время. Он прошел далеко в северо-восточном направлении вдоль Керулена и Сунгура¹³ и устроил лагерь на берегу озера Балджуна¹⁴. Летом 1203 года он большую часть времени укрывался там. Те, кто сопровождал его, должны были терпеть лишения. Чингисхан называл своих товарищей тех дней «мужчины, которые выпили мутную воду вместе со мной»¹⁵.

Чингисхан тщательно проанализировал ситуацию. Союз, возглавляемый Ванханом, состоял из кочевых племен; для них было трудно долгое время добровольно

оставаться вместе. Пропагандистская работа Чингисхана подрывала единство различных отрядов. Джамуха с тремя его сторонниками попытались убить Тогрула¹⁶. Вовремя предупрежденный, Ванхан застал заговорщиков врасплох, после чего те сбежали к найманам.

К осени положение дел Чингисхана значительно улучшилось. Он решил проявить инициативу и поэтому направился к Онону. Семья Хасара попала в руки кераитов¹⁷. Чингисхан послал гонца к Ванхану, чтобы узнать, может ли Хасар вернуться к своей семье. Целью этого запроса было создать видимость того, что воссоединение с братом не носит никакого политического подтекста. Он приказал двум людям следовать за гонцами, чтобы узнать дорогу к лагерю кераитов. Ни о чем не подозревающий Ванхан приказал отпустить Хасара. Тогда Чингисхан решил действовать. Два его агента ночью провели монгольскую конницу к кераитам в атмосфере строгой секретности. Армия Ванхана оказалась пойманной в ловушку у истоков Керулена и Толы. Три дня и три ночи кераиты мужественно оборонялись, но не смогли избежать поражения. На третий день сражения Мухули во главе своего отборного войска штурмовал лагерь Ванхана¹⁸. Чингисхан одержал свою первую серьезную победу. Такой исход сражения открыл ему путь к гегемонии в Центральной Азии и позволил военному таланту будущего завоевателя мира проявиться в полной мере.

Престарелый Тогрул и его сын Сэнгум бежали в западном направлении, в земли найманов. Ванхана казнил не признавший его человек из племени найманов¹⁹. Сэнгум хотел найти убежище у уйгуров. В окрестности Кучи он также был убит. Ванхан и его сын погибли осенью 1203 года²⁰. С кераитами обошлись милостиво. Победители не устраивали резни. Однако, опасаясь того, что в будущем это большое племя сможет восста-

новить свою независимость, Чингисхан решил распределить большинство членов племени между другими покорившимися ему племенами. После чего кераиты стали его верными сторонниками.

Малая часть племени осталась под властью Джагамбы, который при жизни своего брата Тогрула постоянно враждовал с ним. Джагамба получил множество привилегий, но взамен должен был уступить двух своих дочерей. Чингисхан отдал одну из них в жены своему младшему сыну Толую. Этот брак имел большое значение: в нем были рождены четыре сына, Мункэ, Ариг-Буга, Хубилай и Хулагу, каждый из которых стал влиятельным человеком в Монгольской империи. На другой дочери Джагамбы, Абикэ-Беги, женился сам Чингисхан, но позднее она была отдана доблестному Джурчедаю в качестве награды за мужество, проявленное в битве с кераитами. Два знаменитых пастуха, Бадай и Кишлик, получили все имущество Ванхана²¹.

ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ ПОКОРЯЕТСЯ НОВОМУ ПРАВИТЕЛЮ

Победив кераитов, Чингисхан стал властителем всей восточной части современной Монголии. Самыми сильными племенами вне этой области были найманы, ойраты, меркиты и онгуты, жившие к югу от пустыни Гоби. Кроме того, Джамуха со своим племенем джаджират все еще не был устранен. Сохраняли активность некоторые менее сильные племена (киргизы, туматы и др.) вместе с небольшим отрядами непокорившихся татар, кераитов и сальджиутов.

До и во время борьбы за неограниченную власть в Монголии Чингисхан занимался работой по организации ее империи и армии. (Конкретные шаги будут рассмотрены в отдельных главах.)

После поражения, нанесенного Буюруку Чингисханом, брат Буюрука Тэйбака стал самым выдающимся правителем найманов. Приняв титул Таян-хана (князя), он объединил вокруг себя всех, кто находился под угрозой нападения Чингисхана. Самыми влиятельными среди этих людей были Худуха-Беки и Токтай-Беки, соответственно ханы ойратов и меркитов, и Джамуха с остатком своего племени джаджират. Тэйбака попытался привлечь на свою сторону онгутов. Однако хан этого племени, Алахуш-Тегин, понял, что в своем изолированном положении он может стать легкой добычей все набирающего силу Чингисхана. Поэтому он выбрал Чингисхана в союзники и предупредил его о готовящемся нападении с запада.

Чтобы бороться с этой угрозой, Чингисхан в 1204 году созвал курилтай, на котором присутствовали члены его семьи и полководцы. По совету своих братьев, Тэмугэ и Бельгутея, весной того же года он пошел в наступление на найманов²². Он хотел предвосхитить атаку противника, но это было рискованно, так как лошади не могли получать достаточно корма в начале года.

Армии расположились одна напротив другой. Во главе монгольского авангарда стояли Джебе и Хубилай. Разведывательные войска установили контакт друг с другом на западных предгорьях Хангая²³. Монгольская армия по численности уступала армии Таяна, и, для того чтобы ввести противника в заблуждение, Чингисхан приказал ночью зажечь дополнительные огни в своем лагере²⁴. Таян начал колебаться; он решил, что лучше будет медленно отступить к Алтайским горам и там, на знакомой территории, заманить армию Чингисхана в засаду. Это был хороший план: для армии Чингисхана, которая была вынуждена преодолевать огромные расстояния на недоедающих лошадях, преследование найманов должно было сопровождаться большим риском.

Однако сын Таян-хана Кучлук и его военачальник Корису-Беги (который всегда верно служил отцу Тэйбаки, Инанч-Бильгэ) хотели устроить фронтальное наступление на монголов²⁵. Кучлук отклонил предложение своего отца в несколько оскорбительной манере, сказав, что это план труса. Таян последовал совету сына и Корису-Беги, но потребовал, чтобы Кучлук превратил свои смелые слова в действия²⁶.

Битва, довольно жестокая, состоялась близ будущего Каракорума*. Чингисхан лично руководил армией, как главнокомандующий. Хасар, командовавший центральной частью монгольской армии, показал себя способным военачальником²⁷. Тэмугэ организовал поставку дополнительных лошадей²⁸. Смертельно раненного Таяна унесли с поля битвы. Корису-Беги оставался с ним некоторое время, но когда увидел, что Таян умирает, то больше сам не захотел жить. Вместе с несколькими верными сторонниками он помчался в бой и сражался до тех пор, пока не нашел смерть. Большая часть найманов была убита; многие из тех, кто пытался бежать под покрытием темноты, разбились в горах²⁹.

Итогом сражения стала безоговорочная победа Чингисхана. Джамуха, испугавшийся силы монгольской армии, оставил найманов вместе с маленькими отрядами уцелевших бойцов джаджират³⁰. Он отправил Чингисхану послание, в котором не только сообщил о том, что покинул найманов, но и признался в том, что презирает Таяна³¹. Причины этого поступка неясны. Кучлук и Токтай-Беки с небольшими отрядами отступили в направлении Черного Иртыша³². Позже и Джамуха присоединился к ним. Они скрылись на территории меж-

* Столица Монгольской империи Каракорум находилась у восточного подножия Хангайских гор в верхнем течении реки Орхон (север совр. МНР). (Примеч. науч. ред.)

ду озером Зайсан и горами Тарбагатай. Но основная масса найманов и меркитов покорилась Чингисхану. Как и кераиты, они были распределены между другими племенами. Вместе с этими двумя племенами прибыли унгираты, сальджиуты и хатакины, также признавшие власть монголов³³.

После победы над найманами и меркитами Чингисхан взял себе двух новых жен. Он завладел Гурбесу, женой Тэйбаки³⁴, несмотря на то что она ранее называла монголов «вонючие дикари»³⁵. Преемник Токтая-Беки, как глава повергнутых меркитов, отдал Чингисхану свою дочь Кулан, славившуюся красотой³⁶.

Чингисхан решил не предоставлять своим разрозненным врагам возможности собрать их силы воедино. Он начал преследовать беглецов, но зимой 1204/05 года погоню пришлось отложить. Весной 1205 года он возобновил преследование. Первой жертвой стал Буюрук, который подвергся нападению и был убит в 1206 году³⁷. В 1207 году Чингисхан продолжил завоевание Западной Монголии, но предоставил своим военачальникам проведение большинства операций³⁸.

В том же году он отправил своего старшего сына Джучи в земли, расположенные к западу от Байкала, чтобы тот покорил племена, живущие в тех лесах. Худуха-Беки, хан ойратов, сдался без битвы и предложил свои услуги³⁹. Многие племена осознавали, что им ничего не оставалось, кроме как признавать господство могущественного монгольского хана. Не только киргизы, жившие в верховьях Енисея, но также и буряты, бархуны, урсуты и тубасы подчинились Джучи. По окончании кампании Чингисхан составил благоприятное мнение о военном таланте сына⁴⁰.

Осенью 1208 года Чингисхан решил лично положить конец остаткам врагов, которые ранее бежали с поля битвы. На берегах Черного Иртыша он победил

Кучлука и Токтая-Беки. Кучлук укрылся на западе у каракитаев; Токтай-Беки был убит⁴¹, а оба его сына стали искать защиты у уйгуров⁴².

После смерти Токтая-Беки для Чингисхана настало время расправиться со ставшим заклятым врагом Джамухой. Джамуха теперь был всего-навсего главарем воровской шайки. Его союзники не выказывали безоговорочной преданности и выдали Джамуху Чингисхану. Чингисхан был беспощаден к соратникам Джамухи и приказал их казнить. Он хотел пощадить своего анду, но тот сам попросил лишить его жизни: он считал, что не заслуживает пощады. Поэтому Чингисхан приказал казнить его как князя — без кровопролития⁴³.

Через некоторое время западные кампании продолжились. В 1211 году монгольский военачальник Хубилай захватил область к западу от озера Зайсан⁴⁴. Арслан, хан тюркского племени карлуков (которое жило к югу от озера Балхаш), присоединился к Чингисхану⁴⁵. Сыновья Токтая-Беки, бежавшие с оставшимися в живых меркитами в земли уйгуров, укрепили там свои позиции⁴⁶. Монгольский военачальник Субэдей (который происходил из племени урянхатов) одержал победу над меркитами в 1218 году (см. гл. 7).

В то время как Джучи воевал с ойратами и киргизами, к Чингисхану приехал могущественный князь Барчук, идикут (правитель) уйгуров, чтобы предложить свои услуги⁴⁷. Сначала идикут послал гонца, но в 1209 году сам приехал к Чингисхану, чтобы сообщить, что он признал его своим господином⁴⁸. В знак уважения Барчуку даровали одну из дочерей Чингисхана⁴⁹. Переход Барчука на сторону Чингисхана помог последнему еще больше укрепить свои позиции в Центральной Азии. Как и Арслан (хан карлуков), присоединившийся к Чингисхану в 1211 году, Барчук был изначально вассалом каракитаев (см. гл. 7).

Один раз монголы столкнулись с серьезным сопротивлением жителей западных земель, это было во время похода Боро-Кула против туматов в 1217 году. Монголам устроили засаду, и в последующей битве преданный Боро-Кул был убит. Узнав о смерти друга и помощника, разъяренный Чингисхан в отместку направил на туматов новые войска. Племя прекратило дальнейшее сопротивление и покорилось⁵⁰.

ВЛАСТЬ И ПОДОЗРЕНИЕ

Весной 1206 года (год Тигра), прежде чем Чингисхан завоевал все монгольские и тюркские племена в Монголии, он собрал курилтай⁵¹, на котором назвал себя правителем «всех племен, живущих в войлочных шатрах».

Род Чингисхана, Борджигин, принес монголам величие и славу; этот род и в будущем останется ведущим. Борджигины сформировали основу новой империи — Монгольский улус. Теперь «все племена, живущие в войлочных шатрах» можно было назвать одним словом — «монголы». Завоеванные племена, даже такие большие, как кераиты и найманы, после этого называли себя монголами. После побед над племенами Чингисхан разрушал их единство, распределяя побежденных между другими племенами. Тех, кто сдавался добровольно, например, унгиратов и ойратов, он, как правило, не трогал. Таким образом начала зарождаться нация «монголы». Хотя тюркское влияние сохранилось, так как среди покоренных племен было много тюркских, уже наметилась тенденция к монгольскому господству в Центральной Азии.

Во время курилтая 1206 года Чингисхан вспомнил об обычаях степной аристократии: ее предпочтения были на стороне сильного лидера, который не только

объединяет людей, но и гарантирует много побед и добычи. Она была готова следовать за тем господином, который обеспечит ей приятную и удобную жизнь⁵².

Так же как и на начальном этапе возвышения Чингисхана, шаман Кокэчу (Теб-Тенгри) сыграл свою роль на этом курилтае. Насколько существенную — точно неизвестно. Чингисхан позволил шаману сделать несколько заявлений, доказывающих, что власть завоевателя неоспорима с точки зрения религии и политики. Кокэчу сказал, например, что он ездил на небеса на сером в яблоках коне и говорил с Тенгри. Вечное Небо тогда назначило Чингисхана быть своим представителем на Земле. Поэтому Чингисхан получил свое всемогущество от Вечного Неба. Это религиозное основание сформировало фундаментальный принцип империи Чингисхана (см. гл. 4).

Существуют различные мнения относительно времени, когда Темучин начал называть себя Чингисханом. В официальном китайском источнике, «Юань-ши»*, говорится, что Темучина начали называть Чингисханом только после курилтая 1206 года⁵³. С другой стороны, два важных персидских историка, Джувейни (1226—1283)** и Рашид ад-Дин (1247—1318), пишут, что это произошло после завоевания кераитов в 1203 году⁵⁴. Монгольский источник XIII века «Сокровенное сказание монголов»*** не высказывает сомнений по этому вопросу: Темучин назвал себя Чингисом даже ранее 1200 года (см. гл. 2).

* «Юань-ши», официальная история монголов в Китае, была создана менее чем за год из-за падения династии Юаня в 1368 г. (см. Krause, 1922). (Примеч. авт.)

** Ала ад-Дин Джувейни (см. Boyle, 1958). (Примеч. авт.)

*** «Сокровенное сказание монголов» было написано в 1228 г., во второй половине XIII в. было частично переработано (см. Cleaves, 1982 и Haenisch, 1948). (Примеч. авт.) [По мнению русского монголоведа академика С. А. Козина, «Сокровенное сказание монголов» было создано в 1240 г. — Примеч. науч. ред.]

Эти расхождения возникают, по-видимому, из факта, что образование и укрепление империи Чингисхана происходили в период 1196—1206 годов; смена имени Темучин на Чингисхан стала частью этого процесса. Судя по всему, на курилтае 1206 года просто было официально объявлено то, что считалось установленным фактом в течение предыдущих десяти лет. Однако когда происходила смена имени, Чингисхан ни в чем не превосходил ханов других племен, например кераитов и найманов. Он тогда не считал, что стоит выше них. Это видно из послания, которое он отправил (после того, как начал называть себя Чингисханом) Ванхану, к которому обращался: «Мой господин и отец»⁵⁵.

На курилтае 1206 года было поднято знамя Чингисхана, белое с девятью хвостами яков. Девять хвостов (на развевающейся части знамени) представляли своего рода вымпелы⁵⁶. Это знамя украсило резиденцию главы семьи Чингисхана (Золотой семьи), гения, которому предстоит защищать свой народ и вести его к победе⁵⁷.

Во время формального провозглашения империи Чингисхан наградил не только своих достойных военачальников, Боорчу, Мухули, Джурчедая, Хубилая, Джельмэ, Боро-Кула, Куйилдара, Джебе и Субэдея, но также и многих других подданных: Мунлика, Шиги-Кутуку, Соркана-Шира, шамана Кокэчу, пастухов Бадая и Кишлика и хана онгутов Алахуша Тегина⁵⁸. Преданный Мухули получил в 1217 году передающееся по наследству звание Го-Ван, что соответствует титулу князя⁵⁹.

Шаман Кокэчу полагал, что его позиции сильно укрепятся после его знаменитого выступления на курилтае 1206 года. Кроме того, он был сыном Мунлика, близкого друга Есугея и позже Чингисхана. Чтобы усилить свое влияние на Чингисхана, Кокэчу решил устранить неугодных ему членов семьи нового правителя. Первой жертвой стал Хасар, который с присущим ему

стремлением к независимости мог зародить сомнения в голове его старшего брата.

Кокэчу провозгласил, что Великое Небо поверило ему тайну: Хасар в конечном счете отберет власть у Чингисхана. Чингисхан, ставший суеверным с тех пор, как его позиции были под угрозой, лишил брата всех прав и приказал заключить его под стражу. Умеющий ценить людей за их личные качества, он, несомненно, признавал большой военный талант Хасара. Обвинение Кокэчу принесло желанный эффект: пробудило подозрительность в новом правителе. Негодующая престарелая мать обвинила старшего сына в возмутительной неблагодарности: он всегда, мол, использовал в своих целях храбрость Хасара и теперь, став повелителем, не имеет никакого права так относиться к брату. Прислушавшись к мольбам Оэлун, Чингисхан освободил брата и восстановил его в правах. Однако он так и не смог подавить в себе недоверие к Хасару⁶⁰.

Кокэчу на этом не остановился. Он оскорблял и унижал Тэмугэ. Теперь настала очередь Бортэ высказать свое мнение: она осознала всю опасность шамана. Она предупредила мужа, что Кокэчу в конечном счете выдвинет обвинения их собственным сыновьям. Чингисхан, высоко оценивший подозрения Бортэ, решил избавиться от Кокэчу. Когда Тэмугэ и Кокэчу снова выясняли отношения в орде Чингисхана (инициатором ссоры был, вероятно, Тэмугэ), Чингисхан приказал, чтобы оба вышли и там продолжили спорить. После чего Кокэчу был схвачен тремя нанятыми убийцами, которые сломали ему позвоночник. Мунлик объявил после смерти сына, что он продолжит верно служить Чингисхану⁶¹. Чингисхан назначил Усуна, самого старшего члена племени баарин, на место Кокэчу. Новый высший шаман не спровоцировал ни одного конфликта.

4 Яса: кодекс законов Чингисхана

Шаман Кокэчу, вероятно вследствие подстрекательства Чингисхана, поднял статус будущего завоевателя мира до небывалых высот: Чингисхана послало Вечное Небо, чтобы управлять миром. После смерти Кокэчу сам Чингисхан следил за тем, чтобы этот миф не был развеян. «Небеса приказали, чтобы я управлял всеми людьми, — сказал он. — Защита и помощь Вечного Неба позволили мне уничтожить моих врагов и достигнуть этого высокого положения»¹. Со смертью Кокэчу был устранен единственный человек, который мог расстроить его планы, и больше не осталось равных Чингисхану, даже среди духовных лиц.

Укрепившееся, таким образом, его положение было достаточно сильно, чтобы он мог создать мощную структуру власти. Так же как семья или род стоит во главе племени, так и семья Чингисхана (Золотая семья) с ее вассалами и помощниками будет стоять во главе «всех людей, живущих в войлочных шатрах». Глава Золотого рода — это хан монголов. Чингисхан никогда не видел себя главой всех людей: он был главой монгольской аристократии, которую объединил. При этом он никогда не обращался к подчиненным, только к братьям, сыновьям и главным военачальникам². Не только Чингисхан, но в будущем и его наследники считали

себя представителями Тенгри на земле. Их приказы — это приказы Тенгри, и их невыполнение приравнивалось к пренебрежению божественной волей.

Структура монгольского государства базировалась на феодальных отношениях монгольского и тюркского общества, которые были установлены Чингисханом*. В них существенную роль играл тюркский элемент. Чисто аристократическая структура государства не затрагивала социальные связи, которые существовали внутри племен и родов. Однако степная аристократия значительно укрепила позиции. Личная верность правителю государства связывала между собой различные группы.

Вначале амбиции Чингисхана ограничивались плохо управляемыми покоренными племенами. В то время монголы были во многом отсталыми людьми, даже по сравнению с другими племенами, например кераитами и найманами. Перед тем как нападать на более развитые народы, необходимо было установить порядок дома. Первыми, кто оказал влияние на эту сторону жизни, стали мусульманские торговцы, посетившие Монголию непосредственно перед 1203 годом³.

Одно из самых важных решений по организации правительства, принятых Чингисханом, стало введе-

* Вопрос о социальном строе складывающегося во второй половине XII — начале XIII вв. монгольского государства является дискуссионным в исторической науке. Ряд исследователей считал, что в среде монголов эпохи Чингисхана преобладали патриархально-рабовладельческие отношения. В 30-е гг. XX в. выдающийся русский монголовед академик Б. Я. Владимирцов оценил общественный строй монголов как «монгольский кочевой феодализм». Во второй половине XX в. некоторые историки предпочитали писать о преобладании «раннеклассовых отношений» в Монголии при Темучине. Более подробно см.: *Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингис-хан // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 23—45. (Примеч. науч. ред.)*

ние уйгурского письма в качестве официального алфавита. Монголы до этого не знали письменности. После покорения найманов в 1204 году Чингисхан взял на службу уйгура Тататунга, хранителя печати убитого Таяна (Таян-хана найманов). Это стало началом процесса, который должен был привести к учреждению монгольской государственности. В обязанности Тататунга входила подготовка и подписание официальных документов. Мы, к сожалению, не имеем достаточно информации о печати или печатях, используемых Чингисханом; но предполагается, что их было две — алая и синяя.

Неграмотный Чингисхан был тем не менее достаточно проницателен, чтобы понять, что его сыновья и ведущие чиновники должны научиться читать и писать. Поэтому Тататунга в дополнение к обязанностям хранителя печатей стал наставником сыновей нового повелителя. Другие придворные также обучались. Среди них был молодой татарин Шиги-Кутуку, который оказался способным учеником.

Талант Чингисхана не ограничивался безошибочным выбором военачальников, он также сумел разглядеть в Шиги-Кутуку верховного судью Монгольской империи. Татарин безукоризненно справлялся со своими обязанностями. Его решения служили образцами для других. Ему удалось утвердить среди монголов гуманные принципы, насколько это было возможно⁴.

Даже до прихода к власти Чингисхана у монголов было обычное право, незаписанное и различное у разных племен. Поскольку господство Чингисхана простиралось на большой территории, возникла потребность в законах, единых для всей империи, и в связи с этим потребность в едином юридическом кодексе. Яса представ-

ляла собой кодификацию родовых традиций, обычаев, законов и суждений о монголах, к которым Чингисхан в дальнейшем добавлял законы собственного сочинения⁵.

Составление Ясы заняло много времени. По всей вероятности, ее первая редакция появилась незадолго до или во время курилтая 1206 года⁶. В 1218 году была готова пересмотренная редакция⁷. Работа по составлению юридического кодекса не прекращалась до самой смерти Чингисхана⁸.

В монгольском государстве все, прописанное в Ясе, должно было беспрекословно выполняться. Гражданское и военное неповиновение приравнивалось к преступлению. Результатом этого стала необыкновенно жесткая дисциплина, определившая образ жизни монголов на длительный период. На францисканского монаха Джованни дель Плано Карпини, посетившего Монголию в 1246 году, эта дисциплина произвела сильное впечатление. Он отметил, что монголы демонстрировали большую покорность и повиновение, чем католическое духовенство в Европе. Споры и противоречия всегда улаживались полюбовно.

Яса и требование беспрекословного повиновения помогли Чингисхану изменить этические представления монголов, которые до этого жили без строгих законов. Чингисхан повлиял на менталитет людей и в другом аспекте. Величие, которого они достигли при нем, пробудило в монголах чувство гордости.

Никто, кроме Чингисхана, не мог осуществлять свои полномочия. Если кто-то использовал власть, он делал это как представитель Чингисхана. Сам завоеватель, однако, сохранил обычаи монголо-тюркских племен, поставив сыновей и других членов семьи во главе определенных районов. Старшему сыну Джучи достались территории племен, покоренных им самим в 1207 и 1208 годах, в междуречье Селенги и Енисея.

По прошествии лет, когда империя Чингисхана существенно разрослась, во владение Джучи (улус Джучи) отошла территория на крайнем северо-западе: «куда только ступили копыта лошадей»⁹.

Не сохранилось ни одной редакции Ясы, до сих пор не обнаружено ни одного документа со ссылками на нее. И поскольку мы точно не знаем, что в ней было написано, все суждения об этом юридическом кодексе следует делать с большой осторожностью. Яса упоминается только во фрагментах трудов персидских, арабских и сирийских историков, но все они жили после смерти Чингисхана. Самым авторитетным из них является, несомненно, персидский автор Джувейни, не исключено, что его труды стали источником информации о Ясе для других историков. Маловероятно, что кто-либо из них непосредственно ознакомился с редакцией Ясы, написанной уйгурским письмом¹⁰.

Кроме того, до нас не дошли сведения о редакции кодекса самого Чингисхана. У нас есть информация только о Ясах наследников великого завоевателя или еще более поздних документах. Помимо приказов и законов там изложены изречения Чингисхана для особых случаев, которые, вероятно, также имели юридическую силу. Мы можем предположить, что существовали записи этих изречений по памяти, а дошедшие до нас цитаты представляют собой не больше чем ссылки на эти записи¹¹ *.

* Интересное предположение о Ясе высказал Д. О. Морган: «Она [Яса] могла быть не больше чем воспроизведением по памяти высказываний Чингисхана или предполагаемых высказываний, которые имели какое-либо отношение к законодательству: высказываний, которым он или его потомки приписывали юридическую силу... Вероятно, существовала «Большая Яса Чингисхана», составленная частично самим Чингисханом, частично на основании более ранних монгольских обычаев. Но она не представляла собой связанного текста, поэтому существовало множество вариантов ее прочтений и домысливаний» (Morgan, 1986a, стр. 169, 170.). (Примеч. авт.)

Хотя зарождение Монгольской империи связано с письменной фиксацией монгольских законов в 1206 году¹², быстрое разрастание государства (сначала присоединение части Китая, затем империи каракитаев, султаната Хорезма) возвратило монголов к традиционному кочевому порядку. Яса поэтому должна была быть доработана, чтобы обслуживать растущую империю. Китай с его высоким уровнем развития не мог не повлиять на примитивные племена. Вероятно, это относилось и к юридической сфере. Поскольку монголы были веротерпимы, они никак не регулировали количество забитого скота. Среди монгольских племен не было единых правил, поэтому они, возможно, не имели ничего против ритуальных жертвоприношений животных, совершаемых мусульманами¹³. Монголы не отменяли китайских, персидских и русских законов. Правители этих земель все же, видимо, были знакомы с Ясой, знали ее содержание¹⁴.

Важный момент, о котором следует упомянуть, — положение Золотой семьи. Новый властелин Центральной Азии должен был организовать кочевые племена в аристократическое государство с императорской семьей во главе. Яса базировалась на мифе, согласно которому Чингисхану Небом дан приказ стать завоевателем мира; поэтому потенциальные враги считались веротступниками. Статус тех, кто осуществлял верховную власть, был установлен в Ясе: каждый правитель Монгольской империи должен был быть потомком Чингисхана. Новый хан выбирался на курилтае в присутствии членов Золотой семьи, верховных военачальников и вождей племен и родов. Позже проблема соблюдения законов Ясы возникала главным образом в оппозиционных группировках, появившихся в Монгольской империи. В императорской семье, которая неизбежно должна была расколоться на несколько враждебных друг

другу ветвей, члены каждого лагеря постоянно пытались показать, что несоблюдение законов, которое наблюдалось вообще-то повсеместно, было характерно только для оппозиционной группировки, в то время как они сами тщательно выполняли законы Чингисхана¹⁵.

Известно много случаев жестоких наказаний нарушителей закона, часто для них устраивали своего рода пытки. Если осуждался на казнь член Золотой семьи или другого княжеского семейства, его смерть должна была быть бескровной. Осужденного могли задушить при помощи шнура или положить под нагромождение из ковров — это только два из множества способов не дать благородной крови пролиться. Иногда вместе с осужденным казнили всю его семью (включая женщин и детей), так как их считали соучастниками преступления.

Очевидно, что суровые законы Ясы в значительной степени затрагивали повседневную жизнь в империи Чингисхана. В среде кочевников прекратились прелюбодеяния, грабежи, мародерство и убийства*. До прихода Чингисхана такие преступления были обычным делом. Кроме того, Яса провозглашала аристократический режим, который лег тяжким бременем на простых людей. Ухудшилось положение рабов, их условия жизни стали более тяжелыми. Число рабов увеличивалось по мере того, как монголы захватывали все новые и новые земли. Целью Чингисхана было сделать Ясу неприкосновенной. Чтобы сохранить ее для последующих поколений, он назначил второго сына, Чагатая, ее хранителем. Чингисхан сделал прекрасный выбор: Чагатай стал ревностным и педантичным сторонником принципов отца¹⁶.

* Представляется, что автор идеализирует итоги введения Ясы. Следует также учитывать, что Яса отнюдь не запрещала грабить и мародерствовать на всех завоевываемых монголами территориях. (Примеч. науч. ред.)

Яса, как общий кодекс законов для всех кочевых племен в Монгольской империи, не сохранилась на долгое время. К концу XIII века она начала терять авторитет, этот процесс ускорил распад империи. В ханствах, приобретающих все большую независимость, исповедовали в основном буддизм или ислам¹⁷. Некоторые указы (большинство из них было принято при Чингисхане), однако, продолжали исполняться в течение долгого времени. Кроме того, в различных частях распадающейся империи только потомки Чингисхана могли стать законными правителями. Это требование, разумеется, не относилось к Китаю после падения династии Юань в 1368 году.

Одним из институтов, защищенных законами Ясы в силу его важности, была служба гонцов (Ям). Похоже, что Чингисхан основал Ям после курилтая 1206 года¹⁸. Идея создать такую организацию возникла, вероятно, в Китае¹⁹.

На множестве путей, по которым разъезжали ханские агенты, располагались станции, где можно было получить новых лошадей, поесть и отдохнуть. На этих постах лошади держались постоянно для нужд гонцов, едущих к Чингисхану и от него. Для эффективного функционирования Яма требовалась дисциплинированность всех граждан империи. Жесткая дисциплина позволяла сделать работу гонцов более безопасной. С разрастанием Монгольской империи Ям не только увеличивался, но и приобретал новый статус. Каждый житель империи был обязан в случае необходимости предпочесть интересам Яма свои собственные. Благодаря этой установке гонцы могли преодолевать в день 200—300 километров. Иногда им приходилось ехать в течение многих часов подряд, обмотавшись дополнительными кусками ткани. Приближаясь к промежуточному посту, они объявляли о своем прибытии звоном колокольчика. Некоторые

гонцы могли проехать 2000 километров, делая только короткие остановки для отдыха. Вероятно, многие лошади падали замертво, добегая до станции²⁰.

Военачальникам и правителям областей независимо от того, где они находились, было приказано сообщать Чингисхану и позднее его преемникам о каждом важном событии так скоро, как только возможно. Благодаря Яму повелитель постоянно знал обо всем, что случалось в империи. К концу жизни Чингисхана Ям стал внушительной организацией. Служба должна была соответствовать требованиям все разрастающейся Монгольской империи, чтобы продолжать эффективно выполнять свои функции²¹.

Иностранные послы также пользовались услугами Яма, им даже предоставлялись определенные привилегии в этом отношении. Поначалу это право также предоставлялось купцам, причем бесплатно. Однако когда им начали злоупотреблять, Великий Хан Мункэ (1251—1259) решил, что купцы должны платить за использование постов Яма²². Причем все получали прибыль от безопасности путей. Станции превратились в поселения, имеющие много лошадей, иногда до двадцати²³. Несколько лошадей должны были всегда быть запряжены для гонцов Великого Хана.

Ям произвел сильное впечатление на европейских путешественников, посетивших Монголию во время существования империи. Благодаря Джованни дель Плано Карпини, Виллему Рубруку, Марко Поло и Одорику Порденону мы обладаем довольно точными описаниями этой услуги, содержащимися в их отчетах о путешествиях. Ям был одним из грандиозных достижений всемирной Монгольской империи, который до сих пор поражает совершенством своей организации²⁴.

5 Монгольская армия

ОРГАНИЗАЦИЯ

«Все живущие в войлочных шатрах» были объединены Чингисханом в военную структуру; армия была основой его империи. Феодалные законы, которые действовали в монгольском государстве, применялись и в армии.

Структура армии базировалась в числовом отношении на десятичной системе. Наибольшая единица — 10 000 человек (тумен) — была разделена на 10 минганов, каждый из которых состоял из 1000 человек; они, в свою очередь, вмещали 10 зунов, каждый из 100 человек; в то время как сама эта единица была разделена на 10 арбанов*. Такая система была придумана не Чингисханом, она возникла у кочевников Средней Азии, ее историческое происхождение неизвестно¹ **.

Иностранные модели (вероятно, китайская) также повлияли на структуру монгольской армии². Однако является установленным фактом, что и сам Чингисхан внес лепту в ее создание: его блестящие организаторс-

* М и н г а н — тысяча, з у н — сотня, а р б а н — десяток. (*Примеч. науч. ред.*)

** Элементы десятичной системы были известны древним тюркам; в более развитом виде эту систему можно было наблюдать в устройстве войска у чжурчжэней. Заслугой Чингисхана было распространение десятичной структуры на все военно-административное устройство кочевого населения Монгольской империи. (*Примеч. науч. ред.*)

кие способности сыграли немалую роль в том, что народы Евразии считали монгольскую армию непобедимой в течение почти половины века. Согласно принципу, введенному Чингисханом, военачальник и подчиненный должны были служить друг другу верно и покорно. Сплоченность подразделений была достигнута за счет того, что любые переходы из одного подразделения в другое были строго запрещены. За самовольный переход грозила смертная казнь; военачальник, принявший «перебежчика» в свое подразделение, также сурово наказывался³.

На административные меры Чингисхана в Центральной Азии, которая была ядром его империи, сильно повлияли его идеи относительно военной организации. Различные роды и племена были поделены таким образом, что зуны и минганы могли быть сформированы в минимальные сроки. Во главе каждой единицы он ставил людей, которых лично знал и которым доверял. Как правило, они командовали людьми из своего же племени. Вследствие этого племя приобретало военную структуру, что позволяло сохранить единство внутри него. Самые преданные правителю люди становились во главе племен⁴.

В своей армии Чингисхан хотел лично назначать военачальников на основании того, что он знал об их способностях. Особенно это касалось его стражи. Зунами, минганами и туменами командовали самые знатные монгольские аристократы, нойоны (князья) и баатуры. Чингисхан обнаружил в своем младшем сыне Толуе большой военный талант и сделал его одним из своих высших военных советников. Но титул Великий Нойон за свое высокое положение Толуй, очевидно, получил посмертно⁵. Как и младшие братья Чингисхана, Тэмугэ-отчигин и Бельгутей, Толуй был нойоном⁶. Почетные граждане командовали более мелкими подраз-

делениями; они имели право забирать себе военные трофеи и дичь, которую самостоятельно отстреливали на охоте. Некоторые из них за службу получали титулы баатуров или даже нойонов⁷.

Дисциплина в монгольской армии поддерживалась самыми бескомпромиссными методами. Высокопоставленные чиновники были обязаны беспрекословно исполнять каждый приказ, доставленный гонцами Чингисхана. Неисполнение каралось смертной казнью. Захват добычи и пленных на вражеских землях мог начаться только по приказу Чингисхана или одного из его военачальников. Как только он начинался, военачальник и рядовой приобретали равные права, за исключением того, что молодые, красивые женщины должны были быть переданы Чингисхану, а военачальники могли договориться между собой о разделе добычи⁸.

В соответствии с древней степной традицией войска Чингисхана были поделены на три главных отряда⁹. В центр, находившийся под командованием Наджая, помещалась охрана; левым, или восточным, флангом командовал Мухули; а правым, или западным, — Борчу¹⁰. Поскольку монголы поклонялись югу, восток для них был слева, а запад справа¹¹. Хубилаю было поручено заниматься всеми делами, касающимися армии¹², в сущности, он выполнял функции начальника штаба.

Первые шаги по структуризации своей стражи (которая стала играть значительную роль в 1203 году, после победы над кераитами) Чингисхан предпринял, когда стал самым влиятельным правителем в Восточной Монголии. Стража имела довольно сложное устройство. Личная охрана состояла из 70 человек в дневные часы и из 80 ночью. В число стражников входили лучники, люди, прислуживающие на пиру, караульные,

стоящие при входе в орду Чингисхана, и гонцы. Домашнее хозяйство хана вели шесть чарби (управляющих). Особая ответственность возлагалась на элитный охранный отряд из 1000 баатуrow, который обеспечивал безопасность Чингисхана во время сражения¹³.

Последующая кардинальная реорганизация стражи произошла непосредственно во время или после курильтая 1206 года. Численность отрядов была значительно увеличена. В ночные часы за безопасность теперь отвечали сначала 800, а позже 1000 человек; в дневные — 1000; число лучников возросло сначала до 400, затем до 1000. К элитному охранному отряду из 1000 баатуrow добавили еще 6000 человек. Это означает, что по окончании реорганизации в охране было задействовано не менее 10 000 человек¹⁴.

Чингисхан решал, когда и где должна быть занята стража, которая являлась ядром его армии¹⁵. Он имел прекрасное представление об опасностях и неожиданных поворотах событий, которые сопровождали кочевую жизнь. Он знал, что должен защитить себя при помощи надежной и постоянной системы охраны, всегда готовой к ответному удару. Личная охрана и элитный отряд в случае необходимости могли быть усилены за счет остальных стражников.

Однако ханская гвардия существовала не только для обеспечения безопасности Чингисхана и его двора. Чингисхан открыл доступную военную школу, из которой он мог выбрать надежных и квалифицированных помощников. Этим отобранным людям давались различные задания сообразно их способностям. Все члены его охраны должны были быть аристократами по происхождению¹⁶. Сыновья начальников разных подразделений формировали ядро стражи. Сын начальника мингана (тысячника), поступая на службу в охрану, должен был привести с собой младшего брата и

десять человек, подходящих для этой работы. Сыновья командующих зуна или арбана имели следующие обязанности: первый должен был привести с собой младшего брата и еще пять человек; второй — младшего брата и трех человек¹⁷.

Командующим элитного охранного отряда был Чаган, молодой тангут, пасынок Чингисхана¹⁸. В моем представлении, эта тысяча стражников формировала основной контингент военной школы, из которой Чингисхан набирал себе будущих армейских чиновников, демонстрируя при этом удивительное понимание человеческого характера*. Кроме того, он назначал этих людей с почти безошибочной точностью на посты, для которых они лучше всего подходили¹⁹. При выборе военачальников их возраст не имел никакого значения. Молодым людям часто давались самые ответственные задания. Чингисхан постоянно контролировал тех, кого отправлял в удаленные от центра места.

Личная охрана был разделена на четыре части, каждая из которых, в свою очередь, была ответственна за три дневных и три ночных часа. Свободные от службы части должны были всегда оставаться возле Чингисхана. Ночью никому не разрешалось приближаться к резиденции без сопровождения личной охраны Великого Хана. Нарушивший этот закон рисковал быть казненным²⁰. Стража пользовалась различными привилегиями и была весьма уважаема; при определенных обстоятельствах стражники получали превосходство даже над теми, кто был выше их по рангу²¹.

* Служившие в гвардии Чингисхана сыновья монгольских военачальников одновременно являлись своего рода заложниками, обеспечивавшими покорность своих родителей, часто воевавших вдали от глаз Темучина, но постоянно помнивших то, что в случае их неповиновения карать будут в первую очередь их же детей. (*Примеч. науч. ред.*)

МОНГОЛЬСКАЯ КОННИЦА И ПРИЕМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Самое подробное описание обмундирования монгольского конника дано францисканским монахом Джованни дель Плано Карпини. Когда монгол не участвовал в сражении, он носил меховую шапку с откидными наушниками, войлочные ботинки и шубу ниже колена. Шуба была вывернута кожей наружу. Во время сражения на нем был шлем, верхняя часть которого была металлической, а часть, закрывающая шею и уши, — кожаной. Его латы изготавливались из сложенных в несколько слоев полос прочной, но эластичной кожи буйвола; эта одежда состояла из передней и задней частей, двух деталей плеча и предохранителей рук и ног²².

Монгольский конник носил с собой большое количество оружия: два лука, три колчана (с двумя видами стрел: легкими для дальней стрельбы и тяжелыми для близкой)²³ и копьё с серповидным крюком пониже острия, при помощи которого можно было бы стащить вражеского наездника с лошади. У командующих были слегка искривленные сабли, острые с одной стороны*. Каждый наездник также имел топор, аркан, сделанный из конского волоса, котелок, заостренный камень для заточки стрел и клинок для того, чтобы ударять лошадь по ногам в случае необходимости²⁴. Стремена служили для борьбы верхом. Обмундирование довершалось кожаной сумкой, в которой носили в бурдюках запасы воды и сберегали от намокания оружие и одежду во время речных переправ²⁵.

* Лучший в отечественной литературе анализ боевой экипировки воинов Чингисхана см. в кн.: *Горелик М. В.* Армия монголо-татар. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002. (Примеч. науч. ред.)

Военный паек состоял приблизительно из десяти фунтов свернутого молока, высушенного на солнце. При желании можно было растворить половину фунта в воде до консистенции сиропа²⁶. В случае крайней необходимости монгольский конник вскрывал яремную вену своей лошади, сосал кровь и затем зашивал рану²⁷. Так как об этом обычае писал и Марко Поло, очевидно, что эта практика оставалась актуальной даже в конце XIII века.

Монголы обучались верховой езде и стрельбе из лука в раннем детстве. С возрастом они достигали такого мастерства, что, сидя верхом на лошади, могли поразить человека на расстоянии 200—400 метров²⁸. В случае необходимости они могли спать верхом на лошади. У каждого человека была одна запасная лошадь, а иногда три или четыре. Это объясняет, почему монголы могли преодолевать огромные расстояния с большой скоростью²⁹.

Военную мощь монголов составляли не только прекрасно обученные солдаты, но также лошади, которые были тоже экипированы и никогда не подводили своих хозяев. Они были привычны к резко континентальному климату и особенностям окружающей среды. Приземистые и неказистые на вид животные, с могучей шеей и толстой кожей, благодаря своей силе и неприхотливости становились прекрасными помощниками, не требовавшими серьезного ухода во время кампаний. Эти небольшие лошади, вне всякого сомнения, способствовали блестящим победам монголов в тяжелой обстановке гористой местности и жестких погодных условиях. Лошади были неприхотливы. В условиях степи монголы могли иметь много лошадей³⁰.

Монгольская армия состояла только из конницы. Позже Чингисхан и его наследники сформировали пехоту, однако не из монголов, а из союзных войск, обычно китайских или тангутских. Монголы избрали военную тактику, которую в течение многих столетий ис-

пользовали степные кочевники. Этот прием ведения войны развился из набегов и грабежа на пограничных территориях цивилизованных стран и из облав на диких животных. Во время охотничьего гона монголы отправляли разведчиков с целью узнать, какие животные находятся впереди, в то время как сами охотники сидели в засаде.

Чтобы создать видимость большей численности, чем на самом деле, армия наступала широким фронтом. Как только враг пытался остановиться и начать битву в определенном месте, монголы уходили и скрывались. Если противник поддавался на провокацию и начинал преследование, монголы завлекали его в неудобное для противника место, окружали и побеждали.

Легкая конница была помещена во фланги и в авангард. Ее задача состояла в том, чтобы нанести удар по врагу при помощи стрельбы из лука. Лучники могли стрелять на значительные расстояния; каждый человек выпускал три или четыре стрелы безостановочно. Отряд, израсходовавший все стрелы, направлялся к флангам, чтобы его заменил следующий отряд, который повторял маневр. Монголы использовали эту тактику и при отступлении³¹. Таким образом, можно было отводить войска в течение нескольких дней в случае необходимости. Момент атаки сохранялся в тайне максимально долго. Во время наступления воины подчинялись определенным сигналам и поэтому быстро продвигались в полной тишине.

Как только силы врага были подорваны, в бой вступала тяжелая конница, расположенная в центре. Начиналась битва с саблями и копьями. Физическая сила, грозный вид конницы и зловоние, распространяющееся от людей и лошадей, наводили ужас на врагов; монголы точно знали, как использовать это в своих интересах. В момент атаки тяжелая конница бросалась на врага с громкими воплями³². По утверждению Плано

Карпини, монголы пытались до последнего избежать рукопашного боя³³. Марко Поло разделяет это мнение. Если противник решительно оборонялся, монголы замыкали ряды, чтобы дать ему шанс убежать. Если враг поддавался на провокацию, его преследовали и брали над ним верх.

Чтобы зрительно увеличить численность войска, монголы делали кукол в человеческий рост и сажали их на резервных лошадей³⁴, с большого расстояния они смотрелись очень реалистично. Эта уловка часто производила деморализующий эффект на врагов в начале осады. Однако этот маневр подходил не только для осады. Монголы часто распространяли слухи, что их армия вдвое больше, чем на самом деле. Чтобы усиливать это впечатление, пленников заставляли сопровождать армию. Ночью монголы применяли другую уловку. Каждый человек зажигал три — пять факелов на некотором расстоянии друг от друга. Таким образом, враг получал неверные сведения относительно реальной силы монголов, поскольку в его представлении один факел означал одного воина³⁵.

Свои завоевания монголы начинали с самых уязвимых областей, деревень и незащищенных городов. У беззащитных жителей отнимали все их имущество, многих брали в плен. После захвата наиболее слабой части страны монголы направлялись к городам-крепостям³⁶. Осада городов была сопряжена со множеством проблем, знакомых монголам по тем временам, когда они впервые попытались осуществить ее в Китае. Сначала их конные войска были способны только взять город измором; это отнимало много времени. Тогда популярным при штурме крепости стал маневр — заставить пленных идти впереди армии. Беззащитные пленники должны были выбирать между смертью от своих соотечественников впереди или от монголов сзади.

У китайцев монголы заимствовали специальные устройства, вроде катапульт, тараны, трамбовки, метатели бочек с зажигательной смесью, верпы*, а также искусство подрывать крепостные стены³⁷. Позже у них появились такие же стенобитные устройства, как у исламских народов.

После падения города его жителей ожидала жестокая судьба. Обычно ремесленников помещали отдельно; большую часть горожан убивали. Молодые люди и мужское население, способное сражаться, должны были сопровождать армию в качестве пленников, следуя за монголами пешком. Тех, кто не выдерживал такой нагрузки, убивали. Аналогично поступали и в том случае, если число пленных было настолько велико, что мешало продвижению армии. Также это происходило, когда переставали нуждаться в пленниках.

Монголы часто устраивали массовую резню жителей, потому что их численность в большинстве случаев превосходила их собственную. Поэтому они любой ценой должны были избегать всякой угрозы с тыла. Прежде чем напасть на кераитов, Чингисхан покорил тайджиутов и татар, чтобы те не нанесли ему предательского удара сзади. Позже в Китае и в султанате Хорезм, находясь в отдалении от базы, он также не мог допустить, чтобы выжившие люди восстали против него. Горожане, узнававшие о приближении монгольской ар-

* Т р а м б о в к и — своего рода коперы, которые использовались при создании осадных валов вокруг окруженных крепостей, на которые устанавливались метательные машины. М е т а т е л ь н ы е м а ш и н ы были заимствованы монголами в Восточной Азии. Они применялись для забрасывания в осажденные города сосудов с зажигательной смесью, сделанной из серы, селитры и др. В е р п ы — железные крючья с прикрепленными к ним канатами для вскарабкивания штурмующих воинов на стены крепостей (более подробно см.: *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 213—214, 236, 242). (*Примеч. науч. ред.*)

мии и предлагавшие сдаться без сопротивления в надежде на пощаду, все равно не избегали резни. Монголы, которые ввиду своей относительно малой численности могли оставлять позади только очень небольшие отряды, предполагали, что даже в городах, сдавшихся без боя, впоследствии может вспыхнуть восстание.

Джованни дель Плано Карпини описал, как монголы пересекали широкие реки: они клали свою одежду и другое имущество в кожаные непромокаемые мешки. Мешки туго перевязывались. Сверху на них помещали седло, и наездник садился верхом. Лошадей вводили в воду, и один или несколько пловцов вели их на другую сторону. Наездники, сидящие на мешках, могли держаться за хвост плывущей лошади или переправляться при помощи одного или двух весел³⁸. У Марко Поло есть почти идентичное описание переправы через реку.

Скорость передвижения монгольской армии была поразительной для того времени. Расстояние в 700 километров она могла преодолеть за две недели, а в случае необходимости 300 километров за три дня³⁹. В критическом положении монголы могли идти в течение десяти суток, не делая остановок для приготовления пищи⁴⁰.

Перед началом кампании Чингисхан старался собрать как можно больше информации о политической и военной ситуации во вражеских землях, в основном это делалось при помощи шпионов. Мы можем предположить, что монголы отличались наблюдательностью и чувством направления, прекрасной ориентировкой, иначе невозможно представить их передвижения на огромные расстояния без карт⁴¹. В задачи специальных подразделений входило вести армию и располагать лагеря⁴². Многочисленные конницы, участвующие в основных кампаниях, не могли передвигаться без заранее разработанного плана. Очевидно, что всем крупным кампаниям предшествовало составление плана.

Как только монгольская армия приступала к выполнению плана, по которому крылья действующих войск должны располагаться в сотнях миль друг от друга, она должна была строго придерживаться установленного порядка⁴³. За ходом сражения следили ординарцы, сигналы подавались при помощи флагов или трубы⁴⁴.

Важным источником дохода армии было огромное количество военной добычи. Она же составляла (на раннем этапе, разумеется) бóльшую часть дохода монгольского государства⁴⁵.

Ввиду того что охота играла важную роль в жизни монголов, правила ее проведения были прописаны в Ясе⁴⁶. Охота была не просто способом добывания пищи и ярким общественным событием, она была также репетицией военных действий. Облава могла длиться от одного до трех месяцев. В это время можно было проводить военные маневры, практиковаться в использовании оружия, поддержании дисциплины и учиться преодолевать трудности. Поскольку в охоте было задействовано большое количество туменов, можно было считать ее военным учением. Тогда становится понятно, почему в Ясе были прописаны правила охоты. За их нарушение или пренебрежение полагалось серьезное наказание, иногда даже казнь⁴⁷. Чингисхан назначил своего старшего сына, Джучи, ответственным за проведение охоты⁴⁸.

Начало зимы было наилучшим временем для масштабных охот. Приказы заранее направлялись войскам, которые должны были быть в ней заняты. Родственникам Чингисхана требовалось присутствовать в обязательном порядке. Местность, где должна была происходить облава, заранее разведывалась, чтобы установить число животных, обитающих на ней. Военные отряды, принимающие участие в охоте, разворачивались вокруг района облавы, площадь которого иногда дос-

тигала нескольких тысяч квадратных километров. Каждому военачальнику выделялся сектор командования, в свою очередь части сектора распределялись среди военачальников более низкого ранга. Каждый отряд отправлял своих загонщиков, как будто на военную операцию: разведчиков вперед, следом основную силу с левыми и правыми флангами. Как только войска смыкались, образовывался практически идеальный круг. С каждого военачальника и командующего был спрос, если животные убегали. Проводилось дознание с целью определить виновных, которых строго наказывали, иногда даже казнили⁴⁹.

Войска не начинали окружения до прибытия императорской процессии с Чингисханом, членами его семьи, женами и наложницами. Процессия останавливалась в заранее определенном месте, откуда можно было обозреть облаву. Императорской семье преподносили еду и напитки. После этого огромный живой круг начинал сужаться, чтобы загнать животных в кольцо периметром приблизительно 15 километров, после чего веревки с привязанными к ним кусками войлока натягивались между различными отрядами. Чингисхан постоянно получал информацию о ходе облавы.

Персидский историк Джувейни, посетивший такую охоту, дает волнующее описание поведения животных, оказавшихся в кольце окружения:

«Кольцо наполнилось криками и тревогой каждой жертвы, ревом и смятением самых разных свирепых животных; все мысли о том, что назначенный час, «когда дикие животные соберутся вместе», настал; наконец-то львы породнились с ослами, гиены подружились с лисами, волки стали лучшими друзьями зайцев»⁵⁰.

Открытие охоты было привилегией Чингисхана, а позднее его наследников. Никому не разрешалось убивать животных до того, как это сделает правитель. После

Чингисхана охотились члены его семьи. Затем наступала очередь командующих и их подчиненных в соответствии с рангом. Резня животных длилась в течение многих дней. Наконец группа стариков подходила к Чингисхану, чтобы просить его сохранить жизни тех животных, которые еще не были убиты. Эту просьбу удовлетворяли, и выжившим животным разрешалось убежать. Количество добычи подсчитывалось, и каждый охотник получал свою долю.

ЧИСЛЕННОСТЬ МОНГОЛЬСКОЙ АРМИИ

Нелегко определить численность армии Чингисхана. В самом деле, такого рода подсчеты всегда представляли проблему для военных историографов. В большинстве случаев историк может произвести только грубые подсчеты и часто ошибается в большую сторону. Он опирается на количество подразделений, не принимая во внимание, что их численность может быть меньше из-за боевых потерь или по другим причинам.

Во времена Чингисхана ядро монгольской армии все еще состояло из монгольских и тюркских воинов. Трудно сказать, было ли тюрков больше, чем монголов. По мере завоеваний монгольской армией члены покоренных племен, которые могли быть сколько-нибудь полезны в силу их знаний или навыков, были вынуждены присоединиться к войскам победителей. В частности, «вербовали» тюркских кочевников и полукочевников. Некоторые племена присоединялись к армии добровольно, желая получить добычу⁵¹. Именно это положение не позволяет точно определить численность монгольской армии. В подразделения, формировавшие ядро армии, «новобранцев» не принимали, так как Чингисхан очень боялся нарушить племенное единство, которое считал важным. Поэтому новички пополняли

подразделения, состоящие из их родственников; входили ли они в основные силы, неизвестно. По-видимому, монгольская армия включала больше подразделений в конце кампании, чем в начале, но сомнительно, что ее численность становилась больше.

Резервные войска, состоящие из представителей различных народов, в которых только военачальники были монголами, назывались «тама»⁵². Вероятно, в «тама» выходцы из одного племени составляли зун. Хотя в 1227 году в монгольской армии служили не только члены монгольских и тюркских племен, мы можем предположить, что, поскольку армию Чингисхана составляла преимущественно конница, эти народы действительно составляли ее ядро. Поэтому при оценке численности монгольской армии важно учитывать число жителей на территориях, занятых монгольскими и тюркскими племенами.

Население Монголии никогда не было многочисленным. На 1967 год в Народной Республике Монголии проживало 1 200 000 человек и во Внутренней Монголии (исключая живущих там китайцев) 1 500 000 человек⁵³. Мы можем предположить, что численность монголов в 1967 году, включая проживающих в Прибайкалье, составляла приблизительно 3—3,25 миллиона человек*. Условия жизни людей и огромные потери среди населения вследствие непрерывных войн подтверждают вывод о том, что с 1227 года численность населения возросла на 500—600%.

В период с 1202 по 1227 год Чингисхан постоянно воевал, часто в отдалении от Монголии. Рост населения в Монголии в течение этой четверти века был, вероятно, небольшим. Все население Земли в 1227 году

* Таким образом, Л. де Хартог включает в состав монголов предков современных российских бурят, живших вокруг озера Байкал. (Примеч. науч. ред.)

не могло превышать 4 500 000 человек. Доля монголов, очевидно, никогда не была больше 70 000—80 000 человек, и, возможно, даже эта цифра несколько завышена. Включая резервные войска из покоренных и объединенных земель, население империи составляло приблизительно 120 000 человек (принимая во внимание потери в сражениях с Китаем, Хорезмом и Южной Русью), это не так уж и мало для монгольской армии в 1227 году⁵⁴.

Русский востоковед Бартольд пишет, что Чингисхан в 1219 году пошел на султанат Хорезм приблизительно с 150—200-тысячной армией⁵⁵. Я нахожу это невероятно завышенной цифрой. Если бы это было действительно так, вся монгольская армия составляла бы 250 000 человек, поскольку часть войск находилась с Мухули в Китае, а часть традиционно оставалась в Монголии. Если же согласиться с подсчетами Бартольда, мы вынуждены признать, что Чингисхан начал кампанию против мощной империи Хорезм с армией, состоящей преимущественно из резервных войск, что было бы неоправданным риском. Чингисхан знал, что в случае неблагоприятного исхода кампании многочисленные резервные войска стали бы для него реальной угрозой. Но Чингисхан никогда не поступал опрометчиво, он проводил свои кампании с большой осторожностью⁵⁶.

И в Северном Китае, и позже в Хорезме в монгольскую армию было принято большое число дезертиров после того, как вражеская армия была разгромлена, а потери монголов требовали пополнить свои ряды. До того как враг был повержен, большое количество дезертиров представляло опасность: в случае неудачи не было уверенности в том, что эти бывшие враги не совершат двойного предательства. Монголы никогда не выигрывали битв вследствие своего численного превос-

ходства. Своими победами они обязаны проницательности Чингисхана, которая помогала ему управлять своими людьми и угадывать и использовать в своих интересах слабые стороны врагов. Великий Монгол методично устранял своих противников, одного за другим. Его победы были плодами его необыкновенного военного гения. Управление завоеванными странами лишь частично осуществлялось войсками. Главную роль в этом играло устранение любой действующей оппозиции. В Китае, где этот метод не мог применяться (огромное китайское население нельзя было уничтожить), война тянулась годами, а часть войск нужно было оставлять позади. Там монголы столкнулись с почти невыполнимой задачей (см. гл. 6).

Трудно определить численность монгольской армии после смерти Чингисхана. В различных ханствах его сыновей появились армии, в состав которых входили преимущественно немонголы. В армиях, воевавших в Персии и Южной Руси, монголов стало еще меньше.

6 Жадные варвары на северной границе Китая

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ИСКУССТВ — СУНСКАЯ ДИНАСТИЯ — ПОКУПАЕТ МИР¹

После падения династии Тан в 907 году в Китае начался политический хаос. В период между 907 и 960 годами страной управляло множество быстро сменяющих друг друга династий; это была так называемая Эпоха Пяти Династий. Ни одна из них, однако, никогда не управляла всем наследием Тан, но только Северным Китаем. Южный Китай был в руках множества «царских» семей, которые не могут рассматриваться как законные династии.

Мощным ударом по единству Китая стало возвышение киданей. Происходя из Юго-Восточной Монголии (откуда они отбросили киргизов к северо-западу), они мигрировали в восточном направлении в начале X века. Уже в последние годы существования династии Тан они начали доставлять неприятности. После падения династии они завоевали территорию современной Южной Маньчжурии, а затем повернули на юг, присоединив к своей империи северную часть Шанси и Хэбэя. Пекин, ставший столицей их государства, тогда еще не достиг расцвета, но уже в то время выделялся на фоне остальных городов. Кидани удер-

живали свои позиции в Северном Китае в течение двух столетий. Следуя китайской традиции, они называли своих правителей после 937 года династией Ляо. Та быстро усвоила культуру своих высокоразвитых соседей, сменив прежний кочевой образ жизни на китайский социальный строй. Она даже изучила китайский язык и литературу. Усвоение китайской культуры всегда было неизбежно для кочевников с севера.

Восстановление остальной части Китая началось приблизительно в 950 году. В 960 году известный полководец Чжао Куан Инь основал новую династию, которую он назвал Сун. Он объединил под своей властью большую часть Китая, при этом некоторые провинции в Южном Китае сохранили независимость. Столицей стал Кайфын. При Сунах Китай сохранил свое культурное господство; время правления этой династии приходится на эпоху, когда китайская культура достигла небывалого расцвета. В политическом отношении, однако, династия Сун была робкой и пассивной. То, что для императоров Хань и Тан было бы позорным миром, вполне устраивало Сун. Хорошие отношения с активными противниками часто покупались за счет больших контрибуций, а провинциальных правителей Китайской империи, оказывающих сопротивление, даже убеждали перейти к политике примирения и милосердия. Неприятелей в южных государствах не трогали, что было невероятно для династий Хань и Тан. Сун были слишком благородными для мира XI века. Его слабые попытки устранить киданей прекратились, как только на северо-западе появилась более серьезная угроза.

Тан позволила тангутам поселиться в Ордосе*. В Китае государство буддистского племени под названием

* Ордос — плато в Северном Китае в излучине реки Хуанхэ. (Примеч. науч. ред.)

Си-Ся смогло укрепить свои позиции в результате постоянной вражды между Сун и Ляо. В 1030 году Си-Ся завоевало Ганьсу и Алашань, где к тому времени обосновалась группа уйгуров. Тангуты перехватили важный торговый путь, поэтому Сун лишилась возможности торговать с Юго-Западной Азией через Восточный Туркестан (современный Синьцзян). Опасаясь конфликта с двумя соседними государствами, Сун выплатила большие денежные суммы и империи киданей, и Си-Ся.

В начале XII века кидани, которые ранее исповедовали буддизм, попали под сильное влияние китайской культуры. Их воинственный, энергичный настрой изменился вследствие принятия более цивилизованного образа жизни. Тунгусское племя, чжурчжэни, живущее в долине Сунгари и бывшее подданными киданей, приблизительно в это же время подняли восстание. Императоры династии Сун поступили согласно старой китайской поговорке: «Борись с варварами при помощи варваров». Они предложили чжурчжэням территорию киданей при условии, что территория Северного Китая должна быть возвращена Сунам. После этого чжурчжэням предлагали большие контрибуции, выплачиваемые киданям. В разразившейся войне кидани были побеждены, и в 1125 году их положение кардинально поменялось: они перестали быть хозяевами чжурчжэней и стали их вассалами. Однако часть киданей во главе с членом династии Ляо ушла на запад и там стала вести кочевую жизнь. Так продолжалось в течение многих лет. Затем, укрепив свои позиции за счет присоединившихся к их войскам племен, кидани вторглись в восточную часть Туркестана, где основали Западное Ляо, более известное как государство каракитаев (см. гл. 7).

После удачного наступления на киданей чжурчжэни обратили свои взоры на империю Сун. Вскоре тем стало ясно, что чжурчжэни были более опасным вра-

гом, чем кидани за все время их существования. Конница чжурчжэней быстро направилась на юг и в 1126 году захватила столицу Сунов Кайфын, где императора со всем двором взяли в плен. В 1129 году они даже пересекли реку Янцзы, но позже оставили часть захваченной территории. Ветвь династии Сун бежала на юг, чтобы сформировать в 1127 году Южную династию Сун со столицей Линьань (современный Ханчжоу). Вся окрестность Желтой реки (Хуанхэ) и большая часть территории в междуречье Хуанхэ и Янцзы осталась в руках чжурчжэней. В свою очередь они основали империю, и их правящая семья также получила династическое имя в соответствии с китайской традицией. Они назвали себя Цзинь (Золото). В 1153 году император династии Цзинь перенес столицу в Пекин, который тогда назывался Чжунду.

Борьба между государствами Сун и Цзинь продолжалась какое-то время, но в 1138 году был заключен мир. Сун снова должны были выплатить контрибуцию. Империя чжурчжэней вскоре стала очень мощной, до начала XIII века она была одним из самых внушительных государств в Восточной Азии. Хотя империя Цзинь не хотела повторить судьбу киданей, чжурчжэни (к тому времени, как Чингисхан приблизился к их границам в 1211 году) все же обменяли их буйную кавалерийскую жизнь на «шелковое спокойствие»*. Дальнейшие опасения правительства Цзинь были связаны с тем, что чжурчжэни потребовали для себя слишком много привилегий, и все население выражало недовольство по этому поводу.

* «Шелковое спокойствие» — имелось в виду спокойное, стабильное существование за счет доходов от продажи производимого коренным населением страны знаменитого китайского шелка. (Примеч. науч. ред.)

ОСТОРОЖНОЕ НАЧАЛО: НАПАДЕНИЕ НА СИ-СЯ

После объединения тюркских и монгольских племен кочевая империя снова появилась на северо-западной границе Китая. Могущественная страна с ее богатствами всегда была привлекательной для жадных кочевников севера как неисчерпаемый источник для грабежа и выгодный партнер в торговых соглашениях. На протяжении столетий вторгающиеся варвары, которые основывали свои собственные государства в завоеванных областях, довольно быстро сливались с китайским обществом и китайской культурой. Долгая история Китая насчитывала много таких случаев; могли отличаться только отдельные особенности каждой подобной ассимиляции.

Каждое кочевое государство, которое приобретало хоть какую-то значимость в Центральной Азии, вторгалось в Китай и обогащало себя за счет Небесной Империи, и Чингисхан, став властителем объединенной Монголии, тоже рассматривал подобный поход. Его также привлекала богатая добыча на юго-востоке.

Как всегда осторожный и систематический политик, он начал вторжение на китайскую территорию с нападения на Си-Ся. Было много причин для того, чтобы начать именно с этого государства. Чингисхан впервые боролся с людьми, ведущими оседлый образ жизни. Проблемы, которые это могло бы повлечь за собой, были незнакомы монгольскому вождю. Си-Ся, самое слабое из трех китайских государств, было лучшим местом для того, чтобы узнать об этих трудностях. Кроме того, он получил много сведений о Си-Ся от онгутов, кераитов, найманов и уйгуров — племен, которым приходилось иметь отношения с этим государством. Другим важным фактором было то, что Чингисхан считал империю Цзинь своим самым главным врагом и, на-

падая на нее, должен был быть уверен, что Си-Ся не ударит с тыла.

Прежде чем вести войска на китайскую территорию, Чингисхан хотел удостовериться, что онгуты, жившие на границе с Китаем, не предадут его. Потенциально и Си-Ся, и империя Цзинь могли подкупить онгутов, и те бы ударили с тыла, в то время как Чингисхан находился в Китае. Хан онгутов Алахуш-Тегин был верным сторонником Чингисхана, однако к тому времени он был убит. Чтобы быть уверенным в расположении его преемников, Чингисхан выдал одну из своих дочерей (Алаху-Бэки) и позже внучку замуж за соответственно первого и второго наследников Алахуш-Тегина. Алаху-Бэки была энергичной женщиной и какое-то время управляла онгутами в качестве регентши. Связь с ханами онгутов была позже укреплена за счет нескольких браков с дочерьми Чингисидов².

Первое пробное вторжение в Си-Ся (или Кашин, как монголы называли это государство)³ имело место в 1205 году⁴ в области Эдзин⁵. Второе — осенью 1207 года — было направлено против Ордоса. Оба набега обеспечили Чингисхана не только пленными и добычей, но также и информацией о стране⁶.

В 1209 году началось серьезное наступление на Си-Ся. Правитель Ли Аньцюань (1206—1211) послал армию под предводительством наследника трона навстречу монголам. Первое столкновение закончилось успехом тангутов, но они медлили воспользоваться им, давая Чингисхану время на то, чтобы перегруппировать армию⁷. Обе армии возобновили сражение возле города Утайхай, и на сей раз тангуты потерпели поражение. Города Утайхай и И-мен отошли в руки монголов с неизбежным мародерством⁸.

После этого монгольская армия двинулась через Хэланьшань по направлению к столице, современной

Нинся*, которая тогда носила название Чжунсин (или Ерикайя, как называли ее монголы)⁹. При входе в город монголов поджидала армия Си-Ся. Тангутский полководец Уэй-Мин начал энергичную атаку приближающегося врага, но ни он, ни Чингисхан не были в состоянии взять верх. Обе армии заняли выжидательные позиции невдалеке друг от друга; казалось, ни один вождь не решался напасть первым. Чтобы выйти из этого тупика, была необходима военная хитрость. Тогда монгольская армия сделала вид, что отступает, оставив позади небольшой отряд, чтобы вынудить Уэй-Мина напасть на него. Когда тот попался на удочку, вся монгольская армия появилась, как ему казалось, из ниоткуда. Тангуты были побеждены, а Уэй-Мин взят в плен¹⁰. Дорога на Нинся открылась, и началась осада столицы. Сам Ли Аньцюань очень умело оборонялся. Осада началась в августе, к октябрю монголы сделали небольшие успехи. Когда начались осенние дожди, Чингисхан пробовал затопить город, строя дамбу на Хуанхэ. Хотя этот план, разумеется, сработал, ожидаемого результата он не принес. Самим монголам начал угрожать повышенный уровень воды, и они были вынуждены искать спасения на возвышенном участке близ Нинся¹¹.

Когда Ли Аньцюань обратился к государству Цзинь за помощью, ответа он не получил, и осажденный город не имел больше никаких шансов освободиться от осады. С другой стороны, Чингисхан не видел возможности взять Нинся в ближайшем будущем и поэтому решил в январе 1210 года вести переговоры с Ли Аньцюанем. Последний согласился на это; одну из дочерей правителя тангутов отдали в жены Чингисхану¹². Ли Аньцюань должен был признать господство Чингисха-

* Н и н с я — совр. город Иньчуань в КНР. (Примеч. науч. ред.)

на, хотя и не становился полностью его вассалом. Си-Ся предстояло выплатить монголам военную контрибуцию, включавшую большое количество верблюдов, которые были так необходимы для предстоящих войн с империей Цзинь и султанатом Хорезм¹³.

От завоевания Си-Ся Чингисхан получил большую выгоду. Караванный путь от Китая до Туркестана теперь был в значительной степени под контролем монголов. Наступая на империю Цзинь, Чингисхан мог не опасаться угрозы с запада. Он предполагал, что Ли Аньцюань проигнорирует все обращения Цзинь за помощью. Во время же осады Нинся выявилось одно слабое место монгольской армии: ей не хватало боевой техники для того, чтобы взять город. В то время Чингисхан не смог решить эту проблему, что привело к последующим вооруженным столкновениям с Цзинь.

ВОЙНА БЕЗ КОНЦА

Хотя Чингисхан не был вассалом императора династии Цзинь в полном смысле этого слова, в некотором отношении с 1198 года, когда Чингисхан с Ванханом победили татар благодаря помощи императора, условие вассальной зависимости сохранялось. Тогда после победы император Цзинь даровал Чингисхану (как и хану керитов Тогрулу) титул чжаохури, что означает «хранитель границы» (см. гл. 2). В действительности это был не очень высокий титул, но, приняв его, Чингисхан до некоторой степени стал подчиненным императора, в обязанности которого входила ежегодная выплата дани¹⁴.

В 1207 году Чингисхан счел себя достаточно сильным для того, чтобы положить конец вассальной зависимости. Посольство из Пекина во главе с Юнь-ци, цзинским принцем, прибывшее за данью, получило отказ. Вскоре после этого император династии Цзинь

умер, и Юнь-цзи унаследовал престол под именем Вэй-шао Ван (1208—1213). Чингисхан воспользовался смелой властью, чтобы объявить о прекращении отношений с императорами Цзинь. После возведения на престол Вэй-шао Вана посол из Пекина приехал за данью для нового императора. Чингисхан недвусмысленно сказал ему о том, что презирает Вэй-шао Вана. «Я думаю, — сказал он, — что император в Пекине избран Небом. Но как может такой слабый и глупый человек, как этот принц, быть назначенным на этот благородный пост?» После чего он оседлал лошадь и уехал¹⁵.

В марте 1211 года Чингисхан устроил курилтай на берегах Керулена, чтобы разработать план войны против империи Цзинь¹⁶. На нем присутствовали также его вассалы, идикут уйгуров Барчук и хан карлуков Арслан¹⁷. Чингисхан, объявил, что предстоит война против потомственного врага монголов, и представил ее как первую общую и справедливую их войну. Он напомнил курилтаю о двух вещах. Сперва торжественно объявил, что предстоящая война против Цзинь — это месть за убийство двух его родственников: в первой половине XII столетия они были предательски взяты в плен татарами и переданы императору династии Цзинь, который приказал казнить обоих, что стало первым поводом взяться за оружие. Второй повод был более существенным для объявления войны: Чингисхан заявил, что хочет отомстить за прежних правителей Северного Китая, киданей — они были протомонгольского происхождения, а чжурчжэни, тунгусское племя, обложило их данью. Таким образом, он надеялся, что кидани поддержат его в восстании против императора Цзинь.

Перед началом этой своего рода священной войны Чингисхан совершил паломничество на святую гору Бурхан-Халдун, чтобы молить Вечное Небо о помощи. Он уединился на три дня в своей юрте, желая остаться

наедине с Тенгри. На четвертый день он вышел, объявив, что Тенгри обещал ему победу¹⁸.

Помимо тех сведений, что Чингисхан получил от онгутов, он много узнал об империи Цзинь от мусульманских торговцев, которые монополизировали торговлю между Китаем и Центральной и Юго-Западной Азией. Многие из этих торговцев оказались внимательными наблюдателями, способными предоставить Чингисхану сведения самого разного рода. Они хорошо знали географию Китая и были в курсе проблем, стоящих перед тремя китайскими государствами¹⁹. Чингисхану уже не раз приходилось сотрудничать с мусульманскими торговцами, и он понял, что может рассчитывать на них во многих отношениях. Поэтому он обеспечил их всем, что было, с его точки зрения, им необходимо. Со своей стороны мусульмане видели, что Чингисхан принес порядок и безопасность в Центральную Азию, что было на пользу их деятельности. Торговля развивалась за счет того, что монголы покупали многое из того, что были неспособны произвести сами. Этот взаимный интерес и обоюдное понимание положения создали своего рода союз между монголами и мусульманскими купцами. Поэтому торговцы были верными сторонниками Чингисхана, чем Великий Монгол пользовался в полной мере и очень умело²⁰.

В то время как Чингисхан готовился к войне, дела в могущественной империи Цзинь обстояли не лучшим образом. В 1194 году Желтая река (Хуанхэ) еще раз изменила свое течение, проложив новое русло к морю. Это сопровождалось повсеместными наводнениями, которые вместе с финансовой политикой Цзинь привели к хаосу в империи. Логическим продолжением стал голод, принесший людям много страданий.

Армия империи Цзинь, которая первоначально состояла из конницы чжурчжэней, была позже дополне-

на пехотой, а в начале XIII столетия стала многонациональной; теперь она включала не только чжурчжэней, но и киданей, китайцев и представителей других народов²¹. Цзинь, однако, была не в состоянии бросить всю армию на борьбу с Чингисханом. Она продолжала враждовать с Сун, и в 1206 году Сун и Цзинь находились в состоянии войны друг с другом. Сун позволила бы «варварам воевать против варваров», если бы Чингисхан напал на империю Цзинь, надеясь получить выгоду от поражения Цзинь. Сун, вероятно, предпочла бы помогать Чингисхану, а не Цзинь. Таким образом, войска Цзинь должны были оставаться и на юге. Си-Ся, вынужденное признавать Чингисхана в некоторой степени своим сюзереном, было кинуто Цзинь во время осады Нинся. Наконец, волнения в империи Цзинь требовали необходимости во всем проявлять осторожность. Сильной стороной Цзинь были огромные укрепления на севере, который заставили монголов обойти их стороной. С другой стороны, для укомплектования этих пограничных крепостей требовалось много людей.

Численность армии Чингисхана неизвестна. Вспомогательные войска были включены в монгольскую армию, но в то время они не могли быть многочисленными. Несомненно, часть войск оставалась в Монголии, так как Кучлук бежал на запад и все еще представлял угрозу для монголов. Вероятно, Чингисхан начал вторжение в Северный Китай с 60—70-тысячной армией (см. гл. 5).

Война против империи Цзинь, которую Чингисхан начал в 1211 году, продолжалась (хотя периодически заключались неустойчивые перемирия) и после его смерти. Его сын и преемник Угедей не был в состоянии одолеть упрямого врага до 1234 года. То, что война длилась так долго, во многом объясняется особенностями монгольской тактики. Они не знали, как штурмовать мощные

укрепления своей конницей. Их степной опыт позволял им только захватывать деревни и уносить оттуда все, что они находили. Таким образом, они могли только захватывать менее защищенные поселения в Северном Китае. Большая часть населения при этом вырезалась. Часть жителей попадали в плен. Однако после того как монголы покидали завоеванные территории, их снова заселяли китайцы. Иногда монголам приходилось захватывать одну и ту же область по два или три раза. Резня людей, которую монголы устраивали, чтобы устранить вероятность восстаний против них, была в этом случае бесполезна: было невозможно истребить огромную массу китайского населения.

После курилтая 1211 года Чингисхан двинул войска против Цзинь. В 1211—1212 годах борьба происходила главным образом в Северной Шанси и Северном Хэбэе, где территория была методично прочесана во всех направлениях и опустошена отрядами монгольской армии²². Однако лишь маленькие и плохо защищенные города оказались в их руках; пограничные крепости оставались незахваченными. В 1211 году в предгорье Йехху (между Калганом и Хуалеем) монголы столкнулись с армией Цзинь и полностью ее разбили. Девять лет спустя на это поле битвы обратил внимание даосский монах Чань-чунь, направляющийся к Чингисхану, — оно все еще было покрыто человеческими костями²³. После сражения Джебе проложил себе дорогу к воротам Пекина²⁴.

В 1212 году произошли события, которые имели благоприятные последствия для Чингисхана. В районе реки Ляохэ его призыв мстить за киданей, завоеванных чжурчжэнями, был услышан. Член свергнутой династии Ляо, Елюй Люге, восстал против Цзинь²⁵. Чингисхан, который, очевидно, ожидал этого, послал Джебе с армейским подразделением к Елюю Люге, чтобы пред-

ложить свою помощь. Монгольский военачальник должен был сначала захватить город Ляоян, но не видел возможности осуществить это своей конницей. Он создал видимость отступления, оставив позади несколько военных складов, что подтолкнуло защитников открыть ворота, чтобы захватить оставленные войска. Под покровом ночи Джебе вернулся, прошел через открытые ворота и взял город²⁶. Елюй Люге провозгласил себя правителем киданей²⁷, признав Чингисхана своим сюзереном. До самой своей смерти в 1220 году он оставался верным вассалом Великого Монгола²⁸. Новое государство Ляохэ было, вероятно, не очень мощным, тем не менее представляло угрозу для Цзинь.

Летом 1213 года первое укрепление пограничной области, Суан-хуа, оказалось в руках монголов²⁹. Вскоре после этого армия Цзинь была разбита близ Хуалея³⁰. Вероятно, что это событие и поражение в 1211 году сделали государство Цзинь более осторожным, так как впоследствии в течение всего периода пребывания Чингисхана в Северном Китае крупных схваток с ним больше не было. Правители Цзинь поняли, что монгольская конница представляла опасность на открытом пространстве, но была бессильна против укрепленных объектов. Поэтому армия Цзинь скрылась за каменными стенами городов и довольствовалась тем, что могла продолжать войну в относительной безопасности.

Чингисхан продолжал получать помощь от киданей. Многие из их военачальников перешли к нему. Важный северный бастион, Губэйкоу, был взят монголами из-за предательства командующего киданей³¹. Тем временем армия Чингисхана двинулась на столицу Пекин. Джебе было приказано взять крепость Цзу-юн, поскольку это открывало стратегически важный проход. Военачальники Цзинь серьезно укрепили этот бастион; и монголам пришлось задержаться там³². После ата-

ки энергичный Джебе снова разыграл отступление. Когда войска Цзинь начали преследование, он развернулся и стал наступать вместе с основными силами Чингисхана; на этот раз укрепления Цзу-юнг были взяты, проход открыт, и теперь только 30 километров отделяли монголов от Пекина. Чингисхан понимал, что сможет захватить надежно укрепленную столицу только после длительной осады. Поэтому он не стал сразу осуществлять нападение на Пекин, но оставил отряд для наблюдений за городом.

В сентябре 1213 года насильственные действия в столице привели к смене правителя³³. Военачальник Хушаху, который по непонятной причине оставил свои войска и направился в Пекин, отнесся неодобрительно к нерешительной позиции императора Вэй-шао Вана в этой войне. Поэтому он убил его и возвел на престол другого члена династии Цзинь³⁴. Эта мера не улучшила положение Китая; новый император Сюаньцзун (1213—1223) был, очевидно, столь же ничтожным, как и его предшественник. Чингисхан, рассчитывающий на то, что кидани после смены власти займут главенствующее положение, понял, что китайцы не принимают их как альтернативу чжурчжэням, поскольку для них оба народа в равной степени пришлые.

Физически неполноценный из-за хромоты, Хушаху весьма неплохо проявил себя, став новым высшим командующим армии Цзинь. Он даже совершил успешное нападение на монголов. Однако зависть другого военачальника, Гао-цзи, оказалась фатальной для него. Гао-цзи взял союзника под стражу, против чего не стал возражать император Сюаньцзун. Хушаху был обезглавлен, а Гао-цзи стал новым командующим³⁵.

Чингисхан решил пересечь территорию Цзинь тремя армиями. Вместе со своим младшим сыном Толуем он принял командование главной армией. Трое его стар-

ших сыновей, Джучи, Чагатай и Угедей, вели вторую колонну; третьей командовали его братья, Хасар и Тэмугэ³⁶. До конца декабря 1213 года эти три армии начали продвижение от окрестностей Пекина³⁷; войска, возглавляемые Чингисханом и его сыновьями, двинулись в южном направлении к плодородной области севернее Желтой реки (Хуанхэ). Огромные площади земли на этой равнине возделывались. Но значение сельского хозяйства практически не осознавалось степными кочевниками, поэтому большая часть урожайных полей была вытоптана или сожжена. Многие маленькие города были разграблены и затем разрушены. Пекинское правительство призывало крестьян бежать в укрепленные города, находящиеся как можно дальше от их угодий. Для штурма городов монголы использовали прием (потом он принес немалые страдания Хорезму), который заключался в том, что пленных вынуждали сражаться в передовых отрядах против их же соотечественников. Если пленники отказывались, их ждали беспощадные массовые расправы. Более сильные крепости могли противостоять такому штурму, но небольшие города в этом случае часто были вынуждены сдаваться.

Со своими войсками Чингисхан пересек равнину Хэбэй, захватив город Качиен. Города Чэкендин и Дамин оказали яростное сопротивление, так что Чингисхан не смог их взять, как и Пекин³⁸. Цзинань, столицу Шаньдуна, ожидала другая судьба. Она оказалась в руках монголов вместе со своими ценными сокровищами искусства³⁹. Далее Чингисхан последовал на восток от священных гор Тай к Хуанхэ, которую монголы называли Кара Морен, Черной рекой. Затем монгольская армия двинулась восточнее реки к Шаньдуну. Около Дэнчжоу, на северном побережье полуострова, монголы первый раз в жизни увидели море⁴⁰. Чингисхан достиг области Долон-нор, везя огромные грузы добы-

чи на захваченных же лошадях и волах. Кроме того, монголы увели с собой из областей, до которых дошли, большое количество мальчиков и девочек.

Правое крыло — армия Джучи, Чагатая и Угедея — направилось к югу через Бао-дин. Около Луаня они разделили войско так, чтобы им сподручней было опустошать богатые области на берегах Хуанхэ. Возле Хуацина они повернули на запад, затем снова пошли на север через долину реки Фэньхэ. Города Пинъян и Фэньчжоу были захвачены привычным способом. Пала также Тайюань, богатая столица области Шанси. С большим количеством добычи Джучи и его братья прошли через Тайчжоу к Датуну. Оставив на время награбленное в землях онгутов⁴¹, они воссоединились с армией отца возле Пекина.

Третьей армии под командованием Хасара и Тэмугэ, очевидно, было дано специальное задание. Эти два брата сначала отправились через Юнпин на заливе Цзи-ли и Чен-тэ к северу от Губэйкоу, в область Ляохэ⁴², а затем к рекам Сунгари и Нэн. Здесь находились земельные владения, которые позже Чингисхан дарует Хасару и Тэмугэ. Не исключено, что им было приказано осуществить этот поход как раз с целью завоевать эти земли для себя. Вероятно, Хасар умер во время этой кампании⁴³.

В апреле 1214 года Чингисхан снова направил войска к северу от Пекина⁴⁴. В то время его армия была очень ослаблена. Во время кампании в Северном Китае бушевала эпидемия чумы, унесшая жизни многих монголов. После двух неудачных нападений на надежно защищенный город Чингисхан понял, что дальнейшие атаки могут также оказаться бесплодными⁴⁵. Со своей конной армией он мог надеяться только на то, что возьмет Пекин измором, но это заняло бы много времени.

В городе же возникло разногласие между военачальником Гао-цзи и некоторыми из императорских совет-

ников. Первый желал использовать в своих интересах слабость солдат и лошадей монгольской армии: вылазка с максимальным числом защитников могла бы быть успешной. Однако сторонников мира оказалось больше. Чингисхан, как обычно прекрасно проинформированный, приехал в Пекин, чтобы услышать обо всем из первых уст и лично спросить императора Цзинь, что он готов дать взамен, если монголы прекратят осаду его столицы⁴⁶. Военачальники Чингисхана выступали за нападение, так как жаждали крупной добычи и знали, что она должна быть в большом городе⁴⁷. Чингисхан был достаточно проницательным, чтобы не скрывать пожеланий своих военачальников от императора, который в конце концов принял предложение монгольского правителя*. Он предложил в качестве компенсации большое количество шелка и золота, 500 мальчиков и девочек, 3000 лошадей и одну из своих дочерей в жены Чингисхану⁴⁸. В начале мая условия мира были установлены⁴⁹. Цзинь признала владичество Чингисхана в государстве Ляохэ.

Монгольская армия направилась через проход возле Чу-юн к северо-западу от Пекина⁵⁰. Должно быть, эта «косматая» армия с огромными обозами награбленного, оставляющая могущественную страну, представляла собой ужасающее зрелище для коренных жителей. Сотни юных пленников, составляющие часть процессии, стали символом человеческого страдания, вызванного этой войной. Чингисхан не пошел дальше оазиса Долон-нор, поскольку не мог пересечь пустыню Гоби летом с армией, передвижение которой затрудняли добыча и пленные. Возможно, что в тот момент он просто не планировал дальнейших походов.

* Чингисхан и император династии Цзинь все же непосредственно не встречались, их переговоры велись через посредников (*Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингисхан: личность и эпоха. С. 169*). (*Примеч. науч. ред.*)

Мир, за который Цзинь пришлось заплатить такую высокую цену, оказался лишь перемирием. Теперь богатства Северного Китая находились под серьезной угрозой. По этой причине император чувствовал себя в Пекине уязвимым. В июне или июле он перенес столицу в Кайфын⁵¹ к югу от Хуанхэ⁵². Тогда Кайфын называли Нанчин⁵³. Высший командующий Гао-цзи пошел с ним на юг. В бывшей столице, где оставался наследный принц⁵⁴, командование принял военачальник Ван-йен Фу-хин⁵⁵. Он сделал все возможное, чтобы усилить защиту северной части империи Цзинь. Ляоян, столица нового государства киданей, тем не менее была завоевана.

Новости о перенесении столицы Цзинь были негативно восприняты правителями Сун. Они боялись, что Цзинь, пытаясь возместить свои потери на севере, обратятся к югу. Посольство Сун не получало поддержки от Чингисхана: длительная конкуренция между Сун и Цзинь была ему только на руку.

Переезд императора в новую столицу был расценен его подданными как дезертирство. В то время как он направлялся к югу, большая часть сопровождавшего его киданского войска взбунтовалась, повернула на север и предложила свои услуги монгольскому хану⁵⁶. Чингисхан не преминул воспользоваться этим обстоятельством. Он послал двух военачальников, Мухули и Самуху, в Северный Китай. Мухули направился в область реки Ляохэ, а Самуха — к Пекину, чтобы оказать поддержку вспыхнувшим там восстаниям⁵⁷. Мухули удалось отвоевать Ляоян и остальную часть территорий вассала Чингисхана Елюй Люге.

Годом ранее Чингисхан отложил наступление на Пекин, который был тогда защищен сильным гарнизоном. Восстания в армии и отъезд императора с частью гарнизона значительно изменили ситуацию. Чингисхан всегда хорошо понимал, что он мог и чего не мог сде-

лать с доступными ему ресурсами. Он не предпринимал ничего из того, что было выше его сил. На сей раз он также рассудил правильно.

Армия, посланная императором Цзинь для укрепления защиты в Пекине, была отброшена монголами к северу от Качиена⁵⁸. Узнав об этом, пекинские военачальники, уже деморализованные отъездом императора, пришли в отчаяние. Ван-йен Фу-хин покончил жизнь самоубийством, приняв яд⁵⁹. Прежде чем монголы полностью окружили город, не только наследный принц⁶⁰, но и его командующий с большим войском сумели бежать⁶¹. Хотя положение казалось безнадежным, пекинцы поначалу мужественно сопротивлялись. Попытка Чингисхана заставить императора в Кайфыне подписать еще один мирный договор провалилась⁶². В марте 1215 года Чингисхан собрал основные силы перед городом. Пойманные в ловушку жители были в отчаянии из-за бегства главнокомандующих и серьезной нехватки пищи. Только опасение страшного возмездия не давало им сдаться монголам. Голод довел испуганное население даже до людоедства.

Благодаря поддержке Мин-Гана, киданского полководца, перешедшего на сторону монголов⁶³, Пекин пал в мае 1215 года⁶⁴. Чингисхан, недолго остававшийся со своими войсками во время осады, успел уехать в Долон-нор до падения Пекина. После входа его войск в город он не вернулся, чтобы разделить с ними триумф. Мин-Ган с частью армии Цзинь перешел на сторону монголов и снабдил их не только осадными устройствами, но и специально обученными войсками, которые могли использовать эти приспособления⁶⁵.

В Пекине, в то время одном из самых больших городов Азии, находились великолепные дворцы, храмы, ворота и парки. Все это было монголами разрушено. Разорение города продолжалось больше месяца и со-

вершалось с широким размахом⁶⁶. У нас есть воспоминания свидетеля этого печального события. Хорезмшах отправил посольство во главе с Баха ад-Дином Рази к Чингисхану, чтобы узнать новости о соседнем монгольском государстве, которое очень быстро укрепляло свою власть (см. гл. 7). Посол поведал персидскому историку Джузджани обо всем, что увидел и пережил в Китае, а тот в свою очередь сделал запись об этом в одной из хроник. Посольство добралось до Чингисхана вскоре после падения Пекина. В городе послы увидели следы ужасного разрушения. Кости убитых людей были сложены в большую груду. Гниющие трупы вызвали эпидемию лихорадки, от которой некоторые послы скончались. «Около одних городских ворот лежит огромная груда костей, — писал Баха ад-Дин Рази, — это останки 60 000 девочек, которые хотели бежать из города, чтобы не стать жертвами монголов»⁶⁷. В ранние годы своего возвышения при Чингисхане монголы понятия не имели о социальной функции города. Они знали, что должны разграбить, разрушить его и уничтожить всех его жителей.

Чингисхан послал троих испытанных друзей — Шиги-Кутуку, Архая Хасара и Онгура — в Пекин, чтобы те сторожили сокровища, которые император Цзинь оставил после себя. Эти сокровища охранял Хада, цзиньский чиновник, который давно начал сотрудничать с монголами. Он предложил этим трем монголам взять себе немного драгоценностей. Шиги-Кутуку отказался, полагая, что все, что прежде принадлежало императору Цзинь, теперь принадлежит Чингисхану. Об этом инциденте стало известно Чингисхану; он похвалил Шиги-Кутуку и высказал неодобрение поведению Архая Хасара и Онгура, которые не оказались столь же порядочными⁶⁸. Неделя за неделей караваны, нагруженные трофеями из роскошных дворцов, отправля-

лись к Долон-нору. Эти караваны, охраняемые войсками, сопровождали взятые в плен ремесленники, художники, ученые и чиновники.

Захват Пекина стал ключевым событием, отметившим начало монгольского владычества в Китае. Оно также возвестило о возрастающей силе монголов под предводительством Чингисхана, имя которого пробуждало во всех жителях Азии страх и уважение.

Летом, после падения Пекина, монгольская армия снизила свою завоевательную активность в Китае. Армия Цзинь больше не представляла угрозы к северу от Хуанхэ. Чингисхан только в 1215 году⁶⁹ (после четырех с половиной лет отсутствия) вернулся к Керулену и Онону. Большое количество пленных, которым монголы не нашли применения, было убито перед отъездом из Долон-нора. Чингисхан отправил посольство к императору Цзинь с предложением отказаться от провинций Хэбэй и Шаньдун и имперского титула; тот должен был довольствоваться положением правителя Хэнани. Несмотря на плачевную ситуацию, в которой оказался император Сюаньцзун, Цзинь отклонила эти оскорбительные условия мирного договора⁷⁰. Поэтому Чингисхан решил атаковать ее к югу от Хуанхэ.

Он поручил это Самухе-баатуру, уроженцу племени сальджиутов⁷¹. Численность войска Самухи, усиленного тангутской конницей, неизвестна. Вероятно, оно включало два тумена⁷².

Трудно проследить точный курс кампании Самухи. Вероятно, он пересек Хуанхэ к северо-западу от Датунна⁷³. Зимой 1216/17 года двинулся к реке Вэйхэ через Ордос и Шенси. На южном берегу Вэйхэ Самуха опустошил старый город Сиань, после чего попытался взять Тунгуань. Однако этот хорошо укрепленный город не удалось осадить. Самуха продемонстрировал всю свою смелость и настойчивость. Отступив от укреплений Тун-

гуаня и тщательно защищенного города Лояна, он отдельно от своей основной армии двинулся зимой через гористую территорию южнее Хуанхэ к Кайфыну, обошел Лоян, повернул на юг и захватил Ючжоу. Кажется маловероятным, ввиду его положения, что он намеревался окружить Кайфын. Армия Цзинь оказала такое решительное сопротивление, что сам Самуха подвергся угрозе. У ворот Кайфына он потерпел поражение, которое убедило его отступить в северном направлении. Ранняя и суровая зима позволила ему перейти Хуанхэ по льду⁷⁴.

Походы Самухи, по-видимому, были направлены не только на то, чтобы подчинить императора Цзинь. Вероятно, что он помимо этого получил приказ изучить местность к югу от Хуанхэ. Хотя его операции были менее удачными, чем набеги, которые несколько лет спустя совершат Джебе и Субэдей в Иране, на Кавказе и в Южной Руси, все же Самуху можно назвать одним из самых квалифицированных военачальников Чингисхана. Удивительно, что он исчез из истории Монголии после этой кампании так же быстро, как и вошел в нее.

То обстоятельство, что Самуха смог так глубоко вторгнуться во владения Цзинь, показывает, как быстро эта империя слабела под натиском монголов. В 1211 году от некогда сильнейшей империи Восточной Азии осталось одно название, и Чингисхану, вероятно, было хорошо известно об этом. Во всяком случае, он не уделял большого внимания войне в Северном Китае после возвращения Самухи. Довольный отъездом правительства Цзинь в область к югу от Хуанхэ, он не предпринял более серьезных попыток вытеснить его оттуда. Его мысли были заняты новыми врагами: Кучлуком и хорезмшахом. Только в Пекине монголы оставили гарнизон войск. Остальная часть завоеванной территории к северу от Хуанхэ осталась незанятой монголами: они

не знали, как можно использовать эти земли, рассматривая их главным образом как источник трофеев.

Быстро почувствовав это безразличие, Цзинь воспользовались передышкой, чтобы соединить остатки своих армий. Затем они начали проводить операции к северу от Хуанхэ, чтобы отвоевать часть утерянной территории, и действовали настолько успешно, что скоро большие области снова оказались под их контролем⁷⁵. Чингисхан понял, что если он проигнорирует действия Цзинь, которые становились все более и более уверенными, то в конечном счете сам окажется в беде. Чтобы контролировать Цзинь, он оставил войско (левое крыло) в Северном Китае под командованием Мухули⁷⁶, которому доверял больше всех.

В 1215 году, когда Чингисхан обратил все внимание на запад, военачальник, действующий в Северном Китае, должен был быть не просто способным командующим, но и верным Чингисхану при любых обстоятельствах. Полагаясь на свое безошибочное знание человеческой природы, Чингисхан выбрал Мухули для этого театра военных действий. Хотя Мухули был, возможно, не столь блестящим военачальником, как Джебе, он, несомненно, обладал всеми остальными необходимыми качествами.

Приказ, данный Мухули Чингисханом, скорее всего, состоял в том, чтобы оттеснить силы Цзинь за Хуанхэ. Чингисхана не очень волновало присутствие этих войск севернее Желтой реки. Удерживать свои позиции там им позволяло только безразличие монголов. Кроме того, империи Цзинь угрожала с юга Сун, выжидающая время в надежде на возвращение утерянных территорий. Узкая направленность задачи, данной Мухули, становится очевидна из того факта, что он в 1221 году спрашивает у Чингисхана, стоит ли ему продолжать кампанию или нет⁷⁷. Численность его левого крыла,

вероятно, была определена поставленной задачей. Ход семилетней войны, которую Мухули вел в Северном Китае, показывает, что он никогда не имел в своем распоряжении больших сил. Я полагаю, что он начал с одного монгольского тумена с тангутскими и киданскими подкреплениями. Позже туда же вошли и китайские войска. В целом они составили три или четыре тумена, которые (что было распространено в монгольской армии) не были полностью укомплектованы. Левое крыло Мухули состояло приблизительно из 25 000—30 000 человек. Однако историки обычно дают другие цифры, колеблющиеся от 40 000 до 70 000 воинов⁷⁸.

Сначала Мухули использовал традиционные методы ведения войны: завоевывал маленькие города и незащищенные области. Однако он скоро понял, что другая тактика даст лучшие результаты, поэтому включил в состав армии наряду с конницей пехоту и инженерные войска с осадными приспособлениями⁷⁹. Он также изменил традиционное обращение монголов с побежденными горожанами и солдатами: бесконечную резню он заменил более человечными отношениями. Этим он показал, что знает о бесперспективности борьбы с огромной массой китайского населения. Однако монголы создали о себе такую репутацию, что китайцы защищались до последнего. В плотно населенных областях Северного Китая, с их многочисленными естественными препятствиями, войска Мухули были истощены затянувшейся осадой⁸⁰. Захваченные города должны были быть в конечном счете оставлены.

В 1217 году Мухули начал наступление на провинцию Хэбэй и северные части Шаньдуна и Шанси. Город Дамин был захвачен⁸¹, но потом снова оказался в руках Цзинь. В том же году Сун возобновила войну против своих северных соседей. В следующем году Мухули действовал главным образом против Шанси;

города Тайюань и Пинъян сдались монголам⁸². Хотя эта важная аграрная провинция в 1219 году была в значительной степени под их контролем, небольшие вражеские отряды продолжали доставлять неприятности администраторам Чингисхана.

В 1220 году подвергнуться нападению наступила очередь Шаньдуна, но Мухули потребовалось больше времени, чтобы завоевать эту провинцию, чем он ожидал. Правда, он взял города Цзинань и Дамин⁸³, но на остальной территории Цзинь оказывала серьезное сопротивление. Только в мае следующего года Шаньдун частично оказался под властью монголов. В юго-западной Шенси Цзинь также потеряла города Пао-нан и Фучжоу, и вообще в течение того года ее положение ухудшилось. К монголам и Сун теперь также присоединилось Си-Ся. Император Сюаньцзун просил у Чингисхана мира, соглашаясь принять статус вассала при условии сохранения титула императора. Чингисхан оставался непреклонен: настаивал на отказе от всех областей севернее Хуанхэ и принятии звания лишь правителя (князя) Хэнани. Сюаньцзун не мог согласиться с последним условием⁸⁴.

Мухули начал свою последнюю кампанию осенью 1222 года. Выбрав приблизительно тот же маршрут, что и Самуха зимой 1216/17 года, он прошел через Ордос и Шенси к реке Вэйхэ⁸⁵, захватил древний город Сиань, располагавшийся южнее этой реки, который уже был опустошен Самухой. Тогда же император Цзинь предпринял еще одну попытку заключить мир. Чингисхан, ставший властелином целой области к северу от Хуанхэ благодаря усилиям Мухули, отказался ставить условия⁸⁶. Весной 1223 года во время осады Фынсян Мухули узнал, что правитель Цзинь вторгся в провинцию Шанси через крепость Тунгуань. Он начал его поспешное преследование; правитель Цзинь не ждал этого и снова отступил. Мухули окружил город Пуч-

жоу. Во время этой осады он серьезно заболел и вскоре, в апреле 1223 года, скончался⁸⁷ в возрасте 54 лет. Лежа на смертном одре, он гордо объявлял, что не потерпел ни одного поражения. Его место занял его сын Бол, который также унаследовал титул Го-Ван⁸⁸.

Мухули более чем справился с поставленной перед ним задачей. За семь лет, что он представлял Чингисхана в Северном Китае, он уменьшил империю Цзинь до провинции Хэнань. Мухули работал неустанно на благо Монголии, показав себя превосходным военачальником и верным подданным. Борьба действительно должна была продолжиться после его смерти, но серьезных боевых действий на этой территории больше не велось. Только смерть Чингисхана заставила двоих его сыновей, Угедая и Толюя, возобновить и закончить войну в Северном Китае.

ПОБЕДИТЕЛЬ И ПОБЕЖДЕННЫЙ

Из своих кампаний против Цзинь Чингисхан привез огромное количество трофеев, включая золото, серебро, шелк и выючных животных, и много пленных. Пленные были обречены стать рабами; монголы сохранили им жизни, так как рассчитывали использовать их знания и навыки. Большинство из них были мастерами или художниками, но встречались также ученые и чиновники. Хотя лучшие и самые прекрасные приобретения всегда доставались Чингисхану, его высшие военачальники тоже получали свою долю. По возвращении из Северного Китая примитивные палатки степной аристократии сменились на более роскошное жилье⁸⁹. Их слугами стали главным образом рабы. Несмотря на процветание, Чингисхан требовал, чтобы исконные обычаи, законы и образ жизни кочевников неукоснительно соблюдались⁹⁰.

Рост его империи требовал большого количества чиновников для административных должностей, которые не могли занимать малограмотные монголы. Образованные люди из покоренных племен восполняли этот дефицит⁹¹. После падения Пекина наследник прежней киданской династии Ляохэ, Елюй Чуцай (1189—1243), был взят Чингисханом в плен. Молодой кидань был человеком большого ума, полностью принявшим китайскую культуру. Как астролог, он был одним из наиболее образованных пленных. Когда Чингисхан первый раз увидел его, он был поражен: его высокий рост, длинная борода и звучный голос очень понравились монгольскому завоевателю. Чингисхан сказал киданю, что теперь, когда императоры Цзинь побеждены, его предки отомщены. Елюй Чуцай не стал порочить своих прежних господ. Он ответил: «Мой отец и дед служили Цзинь почтительно. Как могу я, подданный и сын, быть столь неискренним в глубине души, чтобы считать моего повелителя и отца врагами?»⁹² Чингисхан всегда высоко ценил верность пленного вассала его побежденному сюзерену. Монгольский завоеватель почувствовал, что обрел в лице молодого киданя того, кто будет управлять его постоянно растущей империей.

Этот выбор показывал, что Чингисхан умел угадывать природу людей, которые были намного образованнее его самого. Астролог Елюй в кратчайшие сроки стал выдающимся государственным деятелем. Благодаря своему образованию он смог за счет постепенных преобразований в правительстве Монгольской империи ввести в нее элементы оседлой культуры. Процесс, начатый при Чингисхане, был продолжен Елюй Чуцаем в правление Угедая. Он совмещал обязанности писца-секретаря, отвечающего за официальные документы в Китае, и придворного астролога-астронома⁹³.

Самую большую выгоду монголам приносили не бесконечные караваны с добычей из Китая, а умение Чингисхана назначать подходящих людей на административные посты. Китайская структура власти стала моделью для администрации Монгольской империи. Елюй Чуцай, пользуясь преимуществом своего положения, стремился создать максимально эффективную административную структуру. Из китайских пленных он выбрал тех, кто мог бы ему помочь в решении этой задачи. Он также брал на обучение плененных детей. Среди военных трофеев, вывезенных монголами из Китая, были книги и лекарства, которые использовал Елюй Чуцай. Когда в Монголии вспыхнула эпидемия, он смог спасти много жизней благодаря этим лекарствам⁹⁴.

Причиной огромного числа жертв и разрушений, оставленных монгольской армией в Северном Китае, стало отставание монголов в культурном отношении от других племен. Кидани в X веке и даже чжурчжэни в XII веке достигли более высокого уровня развития. Их последовательные завоевания в Северном Китае причиняли меньше страданий, чем вторжения монголов. Захват власти киданями и чжурчжэнями не сопровождался повсеместным опустошением. Они полагали, что завоеванная страна — это теперь их дом.

Для Чингисхана и его кочевых подданных человеческая жизнь не представляла никакой ценности, они не понимали и значения земледельцев-крестьян, не проявляли никакого интереса к тому, что не могло быть приспособлено к их степной жизни. Несомненно, монголы убивали, грабили и мародерствовали не из садизма: они не знали ничего другого. Их действия находились в соответствии с правилами ведения войны в то время. Как показано выше (см. гл. 5), вырезая все здоровое население или уводя людей в плен, монголы таким образом сводили на нет возможность восстания против них.

Некоторые историки защищают Чингисхана от обвинений в жестокости и кровожадности, обращая внимание на тот факт, что во время войны в Северном Китае большое число киданей, а позже даже китайцев добровольно присоединилось к армии Чингисхана и «в нем обрели покровителя»⁹⁵. Это — опасный аргумент в пользу милосердия Чингисхана; дезертировали не только кидани и китайцы, но и чжурчжэни⁹⁶. Однако это происходило, когда отряды армии Цзинь поняли, что монгольское вторжение было не просто непредвиденным набегом кочевого племени, но завоеванием, организованным влиятельным человеком, против которого нерешительное сопротивление Цзинь бесполезно. Тогда дезертировать в армию победителя было обычной практикой для побежденных народов. А замечательный талант Чингисхана быстро формировать из дезертиров дисциплинированные подразделения⁹⁷, естественно, был отмечен его врагами*.

* Походы монголов в конечном счете отрицательным образом сказались на состоянии цивилизаций Востока и Запада, отбросили назад или замедлили развитие многих стран Евразии (в том числе Руси). (*Примеч. науч. ред.*)

7 Начало

ВОЗВЫШЕНИЕ ХОРЕЗМШАХОВ

В 1125 году кидани были побеждены чжурчжэнями (см. гл. 6), однако большинство киданей продолжало оставаться в Северном Китае¹. Под командованием Елюй Даши, родственника последнего императора Ляохэ, отряд киданей, состоящий главным образом из проживающих в Южной Монголии, двинулся в западном направлении². Кидани достигли гор Тарбагатай и построили город Эмиль в окрестностях современного Чугучака³.

Караханиды (союз тюркских племен) испросили у киданей помощи в борьбе против тюркских племен, вторгающихся с севера. Кидани поддержали тех, оказав сопротивление захватчикам, но и сами решили не уходить оттуда. Они прочно обосновались в Семиречье и позже образовали государство, которое мусульмане называли Кара-Китай (Черный Китай). В китайской истории оно носит название «Западное Ляо»⁴. Елюй Даши, который сделал Баласагун столицей государства, принял тюркский титул гурхан (см. гл. 2). Он завоевал много областей Караханидов, установил постоянную власть в Кашгаре*, в землях к югу от Иссык-Куля и в Худжанде; оказался под угрозой Самарканд. Карахани-

* К а ш г а р — историческая область на западе Китая. (Примеч. науч. ред.)

ды обратились к Сельджукам за помощью. Султан Санджар (1097—1157), самый выдающийся сельджук своего времени, решил положить конец притязаниям каракитаев, и 9 сентября 1141 года севернее Самарканда в степи Катван произошло сражение, которое закончилось сокрушительным поражением Сельджуков.

Победа Елюй Даши произвела сильное впечатление на самую могущественную мусульманскую империю того времени. Через Сирию эти новости достигли крестоносцев, которые вели войну с мусульманами в Палестине и Сирии. Однако история, которую услышали крестоносцы, подверглась существенному искажению. Якобы победа в степи Катван была одержана христианским принцем, легендарным Протопресвитером* Иоанном, который напал на мусульман с востока, направляясь в Иерусалим. В 1145 году прошел слух, что пресвитер Иоанн достиг Тигра⁵. Каракитаи, однако, не продвинулись на запад дальше Амударьи. Самарканд и Бухара оказались в их руках.

Государство каракитаев существенно отличалось от остальных кочевых государств. Правящие князья не уезжали в завоеванные земли; каракитаи требовали признания своего владычества и довольствовались ежегодной выплатой дани деньгами и имуществом⁶. В результате такой политики Караханиды смогли удерживать Самарканд и Бухару как своих вассалов. Несмотря на влияние исламской среды, каракитаи оставались верными буддизму. Хотя они допускали большую религиозную свободу в их государстве, соседние мусульманские племена считали их «погаными язычниками»⁷.

В конце XI века бывший раб, возвысившийся до военачальника, был назначен сельджукским правителем

* Протопресвитер (протоиерей) — старший православный священник. (Примеч. науч. ред.)

Хорезма*. После его смерти его место занял сын, который отличался такой же преданностью делам управления, как и его преемник, Атсыз, возглавивший государство в 1128 году. Атсыз стал основателем династии хорезмшахов⁸. В ранние годы своего правления Атсыз, как и его предки, показал себя верным подданным сельджукского султана Санджара. По прошествии лет он начал тяготиться своим зависимым положением, однако Санджар сумел удержать его в своей власти.

Государство каракитаев в последние годы своего существования сильно разрослось. Оно стало той силой, с которой надо было считаться (особенно после смерти султана Санджара в 1157 году, когда могущество Сельджуков начало сходить на нет). На востоке территория каракитаев простиралась до Лобнора и Хотана. На юго-западе были захвачены города Термез и Балх, в то время как на западе ему покорились Трансоксиана** и Хорезм. Атсыз был вынужден платить ежегодную дань гурхану⁹. После смерти Елюй Даши в 1142 году правящая династия начала терять власть. Поскольку преемник был слишком мал для того, чтобы управлять государством, регентшей при нем стала вдова Елюй Даши, а в 1150 году ее сын стал гурханом. После его смерти в 1163 году его сестра осуществляла регентство. В 1178 году

* Имелся в виду фактический основатель династии хорезмшахов Ануштегин (ок. 1077—1097). Его преемником был его сын Кутбад-Дин Мухаммед (1097—1128), который официально принял титул хорезмшаха (*Лэн-Пуль, Стэнли. Мусульманские династии.* СПб., 1899. С. 149—150). (*Примеч. науч. ред.*)

** Трансоксиана («то, что за Оксом») — калька с араб. «Мавераннахр» («то, что за рекой»). Последнее арабское наименование появилось к концу VII в., когда в ходе завоевания Ирана войска арабов подошли к берегам Амударьи (греч. Окс) и на какое-то время прервали свое наступление. С этого времени название «Мавераннахр» («Трансоксиана» в европейских источниках) закрепилось за областью междуречья Амударьи (Окса) и Сырдарьи (Яксарта). (*Примеч. науч. ред.*)

Елюй Даши, став гурханом, взял на себя управление страной. Во время его правления Кучлук, сын последнего Таян-хана найманов, потерпел поражение от Чингисхана и стал просить помощи у каракитаев в 1208 году. Кучлук сначала попытался обосноваться у уйгуров, но идикут прогнал его.

Когда Атсыз и Санджар умерли (в 1156 и 1157 соответственно), Атсыз все еще оставался вассалом Сельджуков. Он завещал мощное государство своему сыну, Алп-Арслану. Старый иранский титул хорезмшаха стал все чаще употребляться применительно к новой династии¹⁰. После смерти Санджара власть султанов — Сельджуков фактически больше не распространялась на восточную часть Ирана, в то время как мощь каракитаев и особенно хорезмшахов росла. Хотя Алп-Арслан все еще оставался в зависимости от каракитаев, он стал самым могущественным князем в восточной части мусульманского мира¹¹. После его смерти его сын Текеш взошел на трон*.

В растущей силе хорезмшаха халиф** Багдада видел возможность избавиться от власти Сельджуков. С середины XII века политическое и военное влияние халифата Аббасидов продолжало расти, поскольку власть Сельджуков была подорвана. После двух столетий подчинения Аббасиды стали только духовными лидерами мусульманского мира; они практически не обладали реальной властью¹². Ан-Насир, возглавивший халифат в 1180 году, вскоре стал центральной фигурой¹³. Он попросил Текеша напасть на султана Сельджуков¹⁴.

* О Хорезме XII—XIII вв. более подробно см.: *Бунятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинов. М., 1986. (Примеч. науч. ред.)*

** Х а л и ф — духовный глава мусульман суннитского толка. Указанный в данной главе халиф (из династии Аббасидов) ан-Насир правил в Багдаде в 1180—1225 гг. (*Примеч. науч. ред.*)

Текеш согласился, надеясь увеличить свои собственные владения за счет остатков некогда могущественного султаната сельджуков. В марте 1194 года султан был повержен близ Рея, взят в плен и казнен¹⁵.

Ан-Насир, рассчитывающий восстановить халифат Аббасидов, кажется, неверно расценил ситуацию. Текеш присоединил большую часть захваченных территорий к своему собственному царству, кроме Ирака-Араби, который отошел халифу. Он даже попытался узурпировать власть Сельджуков над мусульманами. Он попросил халифа о том, чтобы в Багдаде в его честь читалась хутба (пятничная проповедь), как это делалось для Сельджуков¹⁶. Отказ халифа стал одной из причин натянутых отношений, сложившихся между ним и хорезмшахом. Халиф в свою очередь давал поводы для взаимных подозрений, которые со временем усиливались. Эта вражда привела в конечном счете к крушению обеих династий¹⁷. Характерно, что во время нападений соперников на территории друг друга население подвергалось крайне жестокому обращению, с которым не могут сравниться даже зверства монголов, которые им предстояло еще испытать¹⁸.

В 1200 году, когда умер Текеш, власть династии достигла своего пика. Хотя уже тогда возникали предпосылки драматического конца. Сильная вражда между халифом Багдада и хорезмшахом означала, что последний не мог ожидать никакой поддержки от мусульманских правителей¹⁹. Другим неприятным обстоятельством стало то, что Текеш сформировал сильную армию, в которой преобладали тюрки. Эти пришлые наемники, частично немусульмане, часто чинили злодеяния, что создало им репутацию варваров²⁰.

Первое выступление Мухаммеда II, нового хорезмшаха, привело к отвоеванию Афганистана у Гуридов.

Хорезмшах получал помощь от каракитаев и хана Самарканда. Поражение, которое нанесли Гуридам, в частности, войска каракитаев, стало причиной того, что в 1206 году большая часть их государства должна была признать владычество Мухаммеда. В 1215 году шах закончил завоевание Афганистана²¹.

Мухаммед поблагодарил своего сюзерена, гурхана, за помощь в борьбе против Гуридов. Эта благодарность имела некоторое продолжение. После поражения гуридов Мухаммед стал самым могущественным светским правителем среди мусульман — в таком положении он не мог оставаться вассалом язычника. Хан Самарканда и Бухары, который также был подчиненным гурхана, разделял это мнение. В 1207 году Мухаммед воспользовался этим недоразумением, чтобы осадить и завоевать Самарканд и Бухару, после чего Караханиды стали вассалами хорезмшаха. Каракитаи отказались подчиниться, и в 1210 году гурхан и Мухаммед пошли войной друг на друга.

В период правления Елюй Чжулуху (1178—1211) престиж гурхана падал. На востоке многие вассалы не признавали больше его владычества и искали защиты у набирающего силу Чингисхана. Первым на это отважился идикут уйгуров в 1209 году. В 1211 году его примеру последовал Арслан, хан карлуков, и Бузар, вождь тюркского племени, жившего в верховьях реки Или.

Кучлук, бежавший к гурхану в 1208 году, женился на дочери своего защитника. Однако Кучлук имел намерения захватить власть в государстве каракитаев. Гурхан совершил безумный поступок, разрешив ему организовать военное подразделение из остатков племени найманов. Во время набега на хорезмшаха в 1210 году Кучлук восстал против тестя. Гурхан сопротивлялся этой узурпации, но Мухаммед поддержал

Кучлука, правда, без особого энтузиазма²², и некогда мощное государство каракитаев не устояло под этим натиском.

Армия гурхана, которому угрожали с двух сторон, направилась к столице Баласагуну. Исламское население этого города, надеясь на то, что от власти «язычников»-каракитаев их освободит хорезмшах, закрыло ворота перед гурханом. В 1210 году хорезмшах нанес поражение гурхану на реке Талас, или в районе Ферганы, но он не был в состоянии извлечь пользу из этой победы²³.

Из-за поражения, которое гурхан нанес армии Кучлука, Мухаммед не мог или не смел продвигаться дальше²⁴. Жители Баласагуна чувствовали, что их предал самый могущественный правитель ислама. Гурхан отвоёвывал свою столицу, после чего устроил обычное наказание. В 1211 году Кучлук взял гурхана в плен. Позволив тестю носить титул гурхана, фактически он взял власть в свои руки. Елюй Чжухулу умер спустя два года после передачи власти.

Непрекращающаяся война вызвала серьезные проблемы в Хорезме. Стало ясно, что Мухаммед был не в состоянии управлять войсками. Он едва мог защитить население от разбоя и злодеяний армии²⁵. Его воинов презирали; в 1212 году это побудило хана Самарканда и Бухары снова испытать судьбу и выступить против хорезмийцев. Войска Хорезма были уничтожены. Мухаммед подавил восстание, применив жестокость и не избежав кровопролития. Хан Самарканда был казнен, что означало прекращение династии Караханидов²⁶.

После этой победы Мухаммед в 1212 году перенес столицу из Гурганджа* в Самарканд. Он полагал,

* Столица государства хорезмшахов Гургандж (Ургенч) находилась на левом берегу реки Амударьи. Сейчас рядом с ее развалинами существует поселок Куля-Ургенч Республики Туркменистан. (Примеч. науч. ред.)

что настало время укрепить свои позиции: принял титул султана и назвал себя султаном Санджаром. Даже после смерти Санджара, помня его долгое и яркое правление, люди считали его государем, достойным уважения. Мухаммед также величал себя Искандером (Александром Великим), чтобы таким образом показать свое намерение стать властителем мира; на печати нового султана появились слова: «Тень Аллаха на земле»²⁷. Однако личные качества Мухаммеда явно не соответствовали тем именам, которые он давал себе.

После того как Кучлук вышел победителем в борьбе за власть в государстве каракитаев, их дружбе с султаном Мухаммедом II пришел конец. Кучлук игнорировал претензии своего бывшего союзника на определенные территории в качестве платы за оказанную помощь. Этот конфликт положил начало вражды между шахом Хорезма и новым правителем каракитаев. Во время войны, которую они вели друг против друга, оба лидера терроризировали население спорных областей. Мухаммед не смог одержать уверенной победы над противником²⁸. В результате река Сырдарья (от Худжанда до Аральского моря) стала приблизительной границей между этими двумя государствами²⁹.

Войны, которые Кучлук вел против султана Мухаммеда II, стали причиной его явной враждебности к исламу³⁰; как найман, он был убежденным несторианином, а под влиянием своей жены из каракитаев все больше склонялся к буддизму³¹. Слухи о конфликтах могущественного султана и Кучлука достигли крестоносцев в Палестине; в результате появилось еще одно предание, повествовавшее о легендарном Протопресвитере Иоанне, нападавшем на мусульман с востока.

На сей раз в роли Протопресвитера Иоанна оказался Кучлук*.

Кучлук, уроженец кочевого племени, стал в скором времени главой государства, население которого вело преимущественно оседлый образ жизни; неудивительно, что он не вызывал особой симпатии у этих людей. В 1211—1214 годы он терроризировал разные районы, преимущественно восточные, без явной причины³². Мусульманам часто приходилось делать выбор между буддизмом и несторианством; если они оставались верны своей религии, их обычно ждало кровавое возмездие³³. Имам Хотана, например, восставший против таких суровых мер, был прибит Кучлуком к двери его медресе (мусульманского среднего учебного заведения)³⁴. Кашгар и в особенности Хотан также стали жертвами враждебности Кучлука к исламу.

Вследствие этого на границе государств Кучлука и Чингисхана (который видел в первом своего личного врага) образовалась зона общественных волнений, жители были настроены против правителя каракитаев. Исламское население этой области, рассчитывающее на поддержку султана Мухаммеда II, было горько разочаровано, когда султан предоставил своих сторонников в Кашгаре, Яркенде и Хотане самим себе. Люди этого пограничного района с благодарностью приняли бы

* Трудно установить происхождение сказаний о Протопресвитере Иоанне. Помимо Елюй Даши и Кучлука, Тогрула (Ванхана кераитов) также считали персонификацией этой легендарной фигуры, по-видимому, потому, что среди кераитов было много сторонников несторианства. В период Крестовых походов (1217—1221) Чингисхан организовал кампанию против самого мощного исламского государства в Азии. Легенда о Протопресвитере Иоанне возродилась среди крестоносцев, которые рассчитывали на помощь восточных армий-победительниц; теперь со священным героем отождествлялся Чингисхан. (*Примеч. науч. ред.*)

любого правителя, который освободил бы их от произвола Кучлука.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЯМИ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Описания различными авторами первых контактов Чингисхана и султана Мухаммеда II трудно привести к единообразию³⁵, потому что историческая наука располагает малым количеством сведений относительно этого. Отправление посольств из одного государства в другое, однако, указывает на то, что оба правителя интересовались друг другом.

После падения Пекина хорезмшах пожелал больше узнать о завоевателе этого могущественного города. По этой причине он отправил к Чингисхану посольство во главе с Баха ад-Дином Рази³⁶ (см. гл. 6). Во время их первой встречи сына и министра императора Цзинь заковали в кандалы³⁷; это было сделано, конечно, с целью произвести впечатление. Чингисхан попросил Баха ад-Дина Рази передать Мухаммеду, что он считает султана правителем Запада, а себя правителем Востока³⁸. Он был убежден, что два правителя должны заключить договор о мире и беспрепятственной торговле между своими империями³⁹.

Чингисхан также отправил ответное посольство в 1218 году⁴⁰ во главе с двумя мусульманами: Махмудом из Бухары и Юсуфом Канкой из Отрара⁴¹. Махмуд — это, очевидно, Махмуд Ялавач, который позже станет одним из советников Чингисхана⁴². Это посольство привезло для султана Мухаммеда множество дорогих подарков, включая очень большой самородок золота из Китая⁴³. Весной 1218 года хорезмшах принял обоих послов в Трансоксиане (по-видимому, в Бухаре). Они сказали Мухаммеду, что Чингисхан наслышан о его власти и по-

бедах. Монгольский правитель предлагает султану не только мирный договор, но и отношение «как к самому любимому сыну»⁴⁴. Мухаммед, желавший получить сведения о Чингисхане, отдельно принял у себя Махмуда. Он сказал послу, что для него, как для подданного хорезмшаха, интересы его страны превыше всего; поэтому Махмуд должен быть при дворе Чингисхана как шпион хорезмшаха. Мухаммед объяснил, что он был очень разгневан на то, что неверующий назвал его, властителя мусульманской империи, «своим сыном» (другими словами, «вассалом»)⁴⁵. Махмуд уверил хорезмшаха, что Чингисхан не имел никакого намерения напасть на правителя Запада. Кроме того, монгольская армия не может сравниться по численности с войсками хорезмшаха*. Обрадованный этими новостями, Мухаммед принял предложенный мирный договор и дружбу Чингисхана⁴⁶.

На основании доступных источников нельзя заключить, что у Чингисхана было намерение вступить в войну с хорезмшахом⁴⁷. Его посольства, несомненно, предназначались для поддержания торговых отношений Средней и Юго-Западной Азии в связи с изменившейся политической ситуацией⁴⁸. Караваны, идущие в Монголию и из нее, старались избегать территории Кучлука⁴⁹. Правда, монгольским посольствам было также поручено собирать различного рода сведения⁵⁰; оригинальной уловкой стало использование для этой цели мусульман**.

Известно, что мусульманские торговцы играли существенную роль в распространении ислама. Но нельзя

* Представляется, что Махмуд Ялавач откровенно обманывал хорезмшаха, преуменьшая реальную силу войск Чингисхана. (*Примеч. науч. ред.*)

** Автор, несомненно, субъективен в оценке замыслов монгольского правителя. С самого начала Чингисхан планомерно готовился к захвату Хорезма, просто он вел себя гораздо умнее и хитрее, чем хорезмшах Мухаммед. (*Примеч. науч. ред.*)

преуменьшить их значение и как информаторов и агентов. Они как нельзя лучше подходили для шпионажа. Замаскированные под невинных торговцев, они держали ухо востро и, таким образом, получали много информации о стране, ее жителях, городах, численности отрядов, военной технике, общественном мнении и иногда даже о секретных планах⁵¹. Похоже, султану Мухаммеду было известно о таком положении дел. Повидимому, его возражения против свободной торговли с Монголией были вызваны прежде всего опасениями, что Чингисхан организует шпионаж.

Торговля с оседлыми соседними племенами была очень важна для кочевников. Одежду монголы приобретали преимущественно у них. После военных операций в Северном Китае (во время которых уничтожались большие участки пахотной земли) зерно должно было быть импортировано в Монголию из других районов. Посредниками в этой торговле выступали мусульмане⁵². Поэтому соглашение о свободной торговле между Центральной и Юго-Западной Азией было выгодно всем — и монголам, и купцам: таким образом Чингисхан обеспечивал себя поддержкой мусульман⁵³. Они же помимо прочего были убеждены, что монгольский правитель, хотя и исповедует иную религию, является терпимым и самым мощным монархом⁵⁴.

В свою очередь султан Мухаммед II не извлек из этого соглашения практически никакой выгоды. Он не только относился к нему с недоверием, но и не развивал торговые отношения с Русью и Китаем, которые могли бы принести большую прибыль⁵⁵. Разногласия с соседями хорезмшаха давали преимущества Чингисхану, и он использовал их в полной мере. Поддержавшие его мусульманские купцы доставляли ему множество сведений о султанате Мухаммеда⁵⁶.

После того как посольство Махмуда и Юсуфа Канки покинуло территорию Хорезма⁵⁷, доверху нагруженный караван из Монголии прибыл в 1218 году в пограничный город Отрар. Он состоял приблизительно из 450 человек (главным образом мусульман) и 500 верблюдов⁵⁸. Чингисхан отправил с этим караваном гонца Ухану⁵⁹, который вез послание для хорезмшаха. Правитель Отрара — Инальчик — состоял в родстве с матерью султана Мухаммеда. Он носил титул Кадыр-хана. Все члены каравана были взяты Инальчиком в плен, в частности из-за того, что один из торговцев (который был знаком с Инальчиком) обратился к нему, не назвав его титул, и из-за того, что правитель хотел заполучить ценные грузы⁶⁰.

Инальчик отправил Мухаммеду послание, в котором сообщалось, что его пленники шпионили в пользу монголов⁶¹. Он предложил казнить их всех. Неизвестно, поверил ли Мухаммед истории про шпионов, хотя это весьма вероятно, так как он подозревал мусульманских торговцев в шпионаже в пользу других правителей. Возможно, им, как и его вассалом, двигало желание заполучить ценную добычу. В любом случае он согласился на казнь членов каравана (включая посланника Чингисхана Ухану). Он приказал продать украденные товары в Бухаре⁶². Ответственность за это убийство лежала на султани Мухаммеде⁶³: его своевременное вмешательство могло бы предотвратить это преступление.

Один из погонщиков верблюдов сумел спастись, бежав к Чингисхану. Великий Монгол был разъярен. Он взошел на вершину горы (таков был шаманский обычай) и провел там три дня и три ночи. Во время своего пребывания там он сказал Тенгри: «Не я был виновником этой трагедии; дай же мне сил отомстить»⁶⁴.

Однако Чингисхан предпринял попытку избежать войны. Он отправил к султану Мухаммеду посольство, состоящее из одного мусульманина и двух монголов.

Он не только осудил поведение Инальчика, но и потребовал выдать ему правителя Отрара. Мухаммед отказался выполнить это требование. Он приказал казнить мусульманина (главного в посольстве), а обоим монголам сбрить бороды^{65*}. Чингисхан рассмотрел это второе убийство одного из его послов как страшное оскорбление, требующее отмщения.

Прежде чем пойти войной на султана Мухаммеда, Чингисхану предстояло уладить два дела: нанести поражение государству каракитаев и установить правила престолонаследования в Монгольской империи, которая становилась все более мощной.

«ОСВОБОЖДЕНИЕ» ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Перед тем как отомстить хорезмшаху, Чингисхан должен был завоевать государство каракитаев, расположенное между его страной и султанатом. Ему не нужно было найти *casus belli*** или выждать время. Сам факт того, что его главный враг Кучлук стал новым монархом в смежном государстве, был недопустим для Чингисхана. Этот тюркский найман во время войны Чингисхана с султаном Мухаммедом II представлял бы постоянную угрозу единству тюркско-монгольских племен, которое было достигнуто с большим трудом.

Последний гурхан каракитаев должен был смириться с тем обстоятельством, что некоторые из его вассалов отказались от его сюзеренитета и перешли к Чингисхану. После того как Кучлук стал правителем государства каракитаев, он попытался установить контроль над эти-

* По другой версии, послам Чингисхана «с корнем» вырвали усы и бороды. Как бы то ни было, по обычаям насильственное лишение мужчины усов и бороды было актом сильнейшего оскорбления. Оно «лишало лица» государя, послам которого была нанесена подобная обида. (Примеч. науч. ред.)

** *Casus belli* (лат.) — повод к войне. (Примеч. науч. ред.)

ми изменниками. В 1211 году Арслан (хан карлуков) и Сукнак-тегин (сын вождя Бузара) отправились с монгольским военачальником Хубилаем сообщать лично Чингисхану о своем подчинении⁶⁶. За это вождь Бузар, ставший вассалом Чингисхана, был убит Кучлуком, который пытался захватить столицу Бузара Алмалык⁶⁷. Вдова Бузара отказалась сдать город. Поэтому Сукнак-тегин стал настойчиво убеждать Чингисхана вступить в войну с Кучлуком⁶⁸. Судя по его действиям с карлуками, можно было предположить, что правитель каракитаев не намерен простить Арслану его дезертирство⁶⁹.

Кучлук, оказавшись в окружении двух враждебных к нему сил, очевидно, переоценил свои возможности. Бесчеловечная политика, которую он вел в своей собственной стране (особенно восточной ее части), заставившая исламское население перейти в другой лагерь, не могла характеризовать его как дальновидного государственного деятеля. Позже ему пришлось за это поплатиться.

Дружественные отношения между Чингисханом и мусульманскими торговцами давали определенные преимущества монгольскому правителю. У этих мусульман были все поводы желать скорейшего прекращения притеснений, которые вынуждены терпеть их единоверцы в Кашгаре, Яркенде и Хотане. Вероятно, Чингисхан получал от этих торговцев достаточно информации, которая требовалась ему для войны с Кучлуком.

Чингисхан также хотел устранить оппозицию в лице меркитов перед началом наступления на хорезмшаха. Остатки оппозиции возглавили сыновья Токтая-Беки, вождя меркитов, побежденного и убитого Чингисханом в 1208 году (см. гл. 3). После этого поражения меркиты бежали к уйгурам. Однако идикут не принял их. Нет единого мнения относительно места, где они обосновались впоследствии. Наиболее вероятно, что они по-

селились к северо-западу от Балхаша^{70*}. Хотя они не представляли серьезной угрозы, Чингисхан не желал рисковать: их враждебность могла затруднить кампанию против султана Мухаммеда. Монгольский правитель направил часть войск против Кучлука и часть против меркитов практически одновременно⁷¹. Армией, воевавшей против меркитов, командовали Субэдей и старший сын Чингисхана Джучи⁷²; на Кучлука шли войска во главе с Джебе⁷³. К сожалению, мы располагаем недостаточной информацией о численности этих двух монгольских соединений, поэтому не можем составить ясного представления о соотношении сил султана Мухаммеда II и Чингисхана. Предположительно численность соединения Субэдея была такой же, как у Джебе, войска каждого состояли из двух туменов⁷⁴.

Поскольку можно с уверенностью сказать, что Джебе напал на Кучлука в 1218 году, ход событий в этом году (две армии действовали синхронно) был приблизительно следующим. Маршрут Джебе известен⁷⁵. Он проходил через Алтай и горы Тарбагатай к Алмалыку, городу, который неудачно осаждался Кучлуком на протяжении долгого времени. Имеются некоторые сведения и о маршруте Субэдея. По-видимому, сначала он двигался в том же направлении, что и Джебе: после прохождения гор Тарбагатай он направился через территорию дружественных карлуков к югу от Балхаша. Один из принципов военной тактики Чингисхана заключался в том, что фланг, которому угрожают, должен быть постоянно защищен, эта мера часто принимала форму наступательного движения в направлении угрожающей силы. Монголы должны были принять во внимание, что, когда Кучлук будет побежден, хорезмшах

* Б а л х а ш — озеро на востоке современной Республики Казахстан. (Примеч. науч. ред.)

попытается предупредить аннексию государства каракитаев. Основные наступательные действия осуществлял, несомненно, Джебе, в то время как действия Субэдея были нацелены не только на уничтожение меркитов, но и на предотвращение любого нападения Мухаммеда на Джебе. Поэтому похоже, что Субэдей шел впереди Джебе; как только он достиг карлуков, то стал представлять опасность для находящегося в Семиречье Кучлука. Таким образом, действия Джебе и Субэдея были согласованы.

Где Субэдей и Джучи одержали победу над меркитами, нам неизвестно. Однако мы знаем об одном месте столкновения в связи с другими событиями. Хорезмшах должен был постоянно защищать свою территорию от нападений с севера; в свою очередь он осуществлял частые набеги на области к северу от Сырдарьи. Во время одного из этих сражений он столкнулся с монгольской армией Субэдея и Джучи, преследовавшей бегущих меркитов. Султан Мухаммед вступил в схватку с войсками Субэдея. С наступлением ночи это ничего не решающее сражение прекратилось, и монголы ушли. Мухаммед отметил их доблесть в бою.

Положение Кучлука становилось все более и более безнадежным по мере приближения Джебе. Субэдей и Джучи были на севере, а султан Мухаммед на западе. В Семиречье Кучлук предпринял тщетную попытку остановить Джебе⁷⁶. Баласагун сдался монголам без боя⁷⁷. Джебе выполнил задачу в своей характерной манере: он быстро проложил себе путь, не давая противнику возможности оправиться. Кучлук бежал в единственном открытом для него направлении: южном. Он пошел в Кашгар, исламское население которого ненавидело его за преследования мусульман. Горожане соответственно не предоставили Кучлуку никакого убежища и принялись помогать приближающемуся Джебе.

Чингисхан умело использовал сведения, полученные от мусульманских купцов. Монгольским войскам, приученным к полному повиновению, было приказано не трогать население; в результате монголы на этот раз не чинили мародерства и насилия. Всем было разрешено исповедовать любую религию, соответствующую убеждениям. Всюду, где проходил Джебе, он объявлял об этом⁷⁸. После жестокого произвола Кучлука люди Кашгара, Яркенда и Хотана посчитали приход монголов «одной из милостей Аллаха»⁷⁹. Реакция жителей Трансоксианы и Хорасана через два года будет прямо противоположной.

Кучлуку не давали никакой передышки. Войска Джебе преследовали его, «гнались за ним, как бешеная собака»⁸⁰. В общей сложности они преодолели расстояние приблизительно в 500 километров, что было поразительным достижением. Кучлук бежал через горную цепь Муз-Таг-Ата и Памир к пограничной области Бадахшан*. Горное плато с высотами 3000—5000 метров выше уровня моря представляло собой пустынную и засушливую местность с голыми пиками, глубокими ущельями и огромными ледниками. Место, где войска Джебе наконец догнали Кучлука, точно не определено⁸¹. На границе Бадахшана Кучлук подошел к долине, где и был пойман в ловушку группой местных жителей — охотников и отрядами монголов. Первые за большое вознаграждение передали его монголам, которые и казнили его⁸². Голова Кучлука была выставлена на всеобщее обозрение в Кашгарии. Возвращение Джебе превратилось в триумфальное шествие.

Новости об этих событиях, полученных от Джебе, породили тревогу в душе Чингисхана⁸³. Никто не знал

* Ба да х ш а н — провинция на севере современного Афганистана. (Примеч. науч. ред.)

об исключительном военном таланте Джебе лучше монгольского вождя; он боялся, что Джебе решит самостоятельно править в государстве каракитаев. Поэтому он послал ему предупреждение, чтобы тот не слишком гордился успехом. Как только власть Чингисхана была под угрозой, он становился очень подозрительным. Однако Джебе был слишком умен для того, чтобы становиться главой государства, окруженного (как земли Кучлука) двумя враждебными силами. Проницательный Джебе ясно дал Чингисхану понять, что он остается верен ему: он привез ему из покоренных земель 1000 гнедых лошадей с белыми мордами. Эти лошади были внешне похожи на ту, которую Джебе убил под Чингисханом во время завоевания тайджиутов (см. гл. 2). Джебе знал, что его сюзерен больше всего был привязан к той лошади⁸⁴. Этот жест, очевидно, помог развеять сомнения Чингисхана.

Победа Джебе и то, как именно она была одержана, произвели большое впечатление повсюду, что имело весьма неприятные последствия для султана Мухаммеда II. Сравнительно небольшая армия Джебе разгромила мощного противника ислама за удивительно короткое время. То, чего не смог сделать самый мощный исламский монарх, осуществил Джебе: дал мусульманам Семиречья, Кашгара, Яркенда и Хотана чувство безопасности и свободу вероисповедания. Это обстоятельство, а также резня сотен мусульман в Отраре позже лишили султана Мухаммеда возможности придать его борьбе с Чингисханом характер священной войны⁸⁵. При этом он не мог ожидать никакой поддержки и от халифа Багдада: Мухаммед пытался напасть на Багдад в 1217 году. Правда, этот акт агрессии не распространился дальше гор Загрос, частично из-за столкновения с курдами и частично из-за метели, но попытка взять его столицу только усилила враждебный настрой халифа⁸⁶.

Некоторые историки предполагают возможность того, что именно халиф попросил Чингисхана напасть на султана Мухаммеда II⁸⁷. В XIII веке такие слухи распространялись⁸⁸ как результат недружелюбных отношений между халифом и Мухаммедом. Первый, несомненно, искал контакта с восточными соседями хорезмшаха, но нет подтверждений того, что он отправлял посольство к Чингисхану⁸⁹. Если же халиф ан-Насир действительно просил у Чингисхана помощи, значит, этот мусульманский духовный предводитель не предполагал, какое ужасное бедствие он таким образом навлекает на ислам⁹⁰. Добилось ли посольство того результата, на который рассчитывал халиф, — вопрос открытый. Позволять другим правителям иметь над собой влияние было не в правилах Чингисхана.

Завоевание государства каракитаев сделало империю Чингисхана непосредственным соседом султана Хорезм. Хотя Мухаммед перекрыл торговые пути на восток⁹¹, он уже не мог препятствовать Чингисхану собирать сведения о Хорезме. Таким образом, богатство городов, сила армии, слабость правительства Хорезма и серьезные разногласия в семье султана — все становилось известно Чингисхану. После его завоевания каракитаев (которое в конечном счете произошло бы даже без инцидента в Отраре) монгольский правитель получал точные сведения обо всех слабых местах империи Хорезм. В такой ситуации вторжение должно было быть рано или поздно осуществлено⁹².

УГЕДЕЙ — НАСЛЕДНИК ТРОНА

Предстоящая война против Хорезма стала причиной беспокойства близких Чингисхана. В 1218 году ему было около 56 лет; ему предстояла кампания против удаленной и мощной империи. Одна из его жен, кра-

савица татарка Джису, убеждала его объявить имя приемника, прежде чем он уйдет на войну⁹³. Такому великому правителю, как Чингисхан, должно быть, требовалось большое самообладание, чтобы согласиться с этим разумным предложением. Его наследник должен был быть выбран из четырех сыновей его главной жены Бортэ.

Старшего сына, Джучи, нельзя было принимать в расчет ввиду неуверенности Чингисхана относительно своего отцовства. Однако нет ни одного свидетельства того, что Чингисхан не считал Джучи достойной сменой; напротив, он высоко его ценил. Чингисхан, большой знаток человеческой природы, поручал своему старшему сыну проводить серьезные военные кампании. Средний сын, Чагатай, в качестве хранителя Ясы показал себя щепетильным правдоискателем. Хотя Чагатай отличался спартанской дисциплинированностью, Чингисхан был не очень высокого мнения о нем. Он считал Чагатая упрямым и ограниченным⁹⁴. Кроме того, Чагатай постоянно конфликтовал с Джучи. Угедей был самым умным из всех четырех сыновей. Хотя он, несомненно, не был столь же гениален, как и отец, но имел прекрасные интеллектуальные способности и решительный характер*. Довольно тучный, он был не только добродушен и весел, но и необычно щедр. Одним из его самых больших недостатков была любовь к выпивке. Он никогда не отказывал себе в этом удоволь-

* По мнению В. В. Трепавлова, выбор Чингисханом третьего сына в наследники трона определялся не его характером и способностями, вопрос о которых является спорным, а тем, что Темучин должен был следовать жесткой реликтовой раскладке распределения компетенции царевичей: старшие сыновья (Джучи и Чагадай) — фактически соправители отца — Великого Хана, младший (Толуй) — наследник домена, т. е. собственно территории Монголии (Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. С. 106). (Примеч. науч. ред.)

ствии и не стыдился быть пьяным. Чингисхан несколько раз делал ему выговоры за пьяные дебоши. Младший сын Толуй имел большой военный талант и был опытным и храбрым полководцем. К сожалению, он пил даже больше, чем Угедей. Чингисхан несколько колебался, выбирая между Угедеем и Толуем⁹⁵. Хотя он, должно быть, видел в младшем сыне более одаренного военачальника, но считал его слишком импульсивным для того, чтобы возглавлять Монгольскую империю. Поэтому он выбрал Угедая⁹⁶. Чингисхан обсудил свое решение с сыновьями. Они обещали отцу уважать его пожелания и выполнить их⁹⁷. Чингисхан поставил одно условие, а именно: если наследники Угедая окажутся неподходящими для престола, он должен перейти к потомкам кого-то из его братьев⁹⁸.

8 Ураган с востока

КОЛОСС НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ

В 1218 году империя Мухаммеда II состояла из Хорезма, Трансоксианы, Афганистана, Систана, Хорасана, Мазендарана и Ирака-Аджеми*. Он планировал завоевать еще и Китай¹, когда в 1215 году получил известие о том, что Пекин захвачен Чингисханом, что расстроило его планы. Он предпринял слишком мало мер для того, чтобы объединить столь непохожие друг на друга земли его империи.

В течение двух предыдущих столетий в Центральной и Юго-Западной Азии происходили частые смены власти, престол переходил от одного правителя к другому, и каждый из них ставил во главу угла собственные интересы. Часто одну область натравливали на другую, чтобы было легче управлять всей территорией. К обычным людям относились прежде всего как к работникам, которые должны были беспрекословно подчиняться². Исламское население тех областей зна-

* С и с т а н — историческая область на юго-востоке Ирана; Х о р а с а н — историческое название Восточного Ирана; М а з е н - д а р а н — иранская область, находящаяся в Юго-Восточном Прикаспии; И р а к - А д ж е м и (Персидский) — историческая область в Западном Иране. (Примеч. науч. ред.)

ло только племенные отношения: для них не существовало понятия «национализм»*.

С приходом к власти султана Мухаммеда ситуация ухудшилась. Непрерывная война, которая сопровождала почти все правление его отца и не прекратилась с вступлением на престол его самого, заставляла страдать жителей большинства областей. В Трансоксиане и Афганистане война к тому времени только-только прекратилась. Армия Хорезма, состоящая главным образом из иностранных наемников тюркского (кипчакского) происхождения, терроризировала людей с дикой жестокостью. Эта наемная армия была, однако, единственной поддержкой власти Мухаммеда³, но в его собственных интересах было предпочесть защиту своих народов удовольствию армии. Любой ценой он должен был избежать конфликта с военной аристократией, которая сложилась в кругу высших военачальников.

Трудное положение, в котором оказался Мухаммед, усугубляло пагубное влияние его матери, Туркан-хатун. Эта упрямая и опасная женщина, кипчачка по происхождению, чувствовала себя частью кипчакской аристократии. Поэтому Мухаммеду было так важно исполнять все пожелания матери. Он согласился с ее мнением в вопросе о назначении преемника: наследным принцем стал не старший его сын Джелал ад-Дин, а младший (чья мать была родственницей Туркан-хатун). Выбор имел неудачные последствия для Мухаммеда. Джелал ад-Дин стал правителем Афганистана, а наследному принцу досталась центральная часть империи. На

* Явление «национализм» в Средние века на мусульманском Востоке не сложилось. Лишь в позднее Новое время, ближе к началу XX в., здесь стал возникать вопрос о национальной идентичности: арабской, турецкой и др. При этом понимание принадлежности всех мусульман к общей исламской общине (умма) твердо сохранялось. (Примеч. науч. ред.)

этой территории, включавшей области Хорезм, Хорасан и Мазендаран, власть фактически осуществляла Туркан-хатун⁴. Со свойственной ей злобностью она не принимала в расчет интересы сына. Чиновники, уволенные Мухаммедом, были демонстративно восстановлены в их должностях Туркан-хатун. Трения между матерью и сыном были неизбежны; в конечном счете они стали настолько серьезными, что на территории, где правила и имела свой собственный двор Туркан-хатун⁵, власть Мухаммеда больше не признавалась⁶. Эти конфликты создали напряженность в отношениях между хорезмшахом и его военачальниками.

Понятия центральной административной организации в империи Хорезм просто не существовало. После завоевания каких-либо областей Мухаммед убивал или увольнял их правителей и никого не ставил на их место; он считал себя единоличным правителем⁷. Ни население, ни хорезмшах не могли возвратиться к адекватной административной организации в трудных условиях, которые создало вторжение Чингисхана⁸. Мусульманская структура халифата Аббасидов и политическая организация Сельджуков были уничтожены. Мухаммед был неспособен создать систему, посредством которой он мог не только объединить империю, но и избавиться от пагубного влияния матери. В его распоряжении не было ни одного квалифицированного помощника, который мог бы сделать это для него.

В 1218 году султан Мухаммед II был правителем большой, но пестрой империи. Хотя он, по сравнению с Чингисханом, был достаточно образован, он был настолько поглощен иллюзией собственного величия, что вообразил, будто одного размера его империи достаточно для того, чтобы гарантировать ему влияние. Он не мог понять того, что он мог бы получать гораздо больше от жителей его империи, ведущих оседлый образ

жизни, если бы лучше заботился о них, и того, что постоянные зверства армии отчуждали его от его подданных.

После кровопролития в Отраре Мухаммед подготовился к нападению на Чингисхана. Даже перед самым приближением монгольской армии хорезмшах созвал своих военных советников, чтобы обсудить, какие меры следует принять против ожидаемого вторжения⁹. Его сын Джелал ад-Дин (или, возможно, другой член совета) предложил сконцентрировать силы на Сырдарье, чтобы напасть на монголов, как только они появятся там. Таким образом, противники были бы лишены возможности отдохнуть после длительного перехода. Джелал ад-Дин сказал, что может взять на себя командование армией на Сырдарье, если султан не решится сделать это самостоятельно. Большинство военных советников, посчитавшее, что лучше всего уйти за Амударью, а затем в направлении Газны или Ирака¹⁰, рассчитывало, казалось, на то, что битва не состоится.

Мухаммед решил не вступать в сражение с монголами восточнее Амударьи. Он понял, однако, что не может сдать Трансоксиану без боя. Во многих городах он оставил большие соединения войск. Жителям столицы Самарканда было приказано обнести город стеной; чтобы собрать необходимую для этого сумму, им пришлось заплатить налоги на три года вперед¹¹. Многие историки критикуют хорезмшаха за то, что он не собрал силы воедино, чтобы отразить нападение монголов; однако он не имел возможности сделать это, так как находился в очень тяжелом положении.

Чтобы справляться с возрастающим напряжением на восточной границе, Мухаммед должен был усилить армию. Для этого требовалось повысить налоги¹², что вызвало огромное недовольство жителей его недавно сформированной империи. Повсюду люди стали под-

нимать восстания, поэтому он не мог сконцентрировать все войска в одном месте; чтобы соблюдался общественный порядок, хорезмшах должен был размещать небольшие отряды по всей территории¹³ — Чингисхан быстро и умело использовал в своих интересах эту дислокацию хорезмской армии. Мухаммед не мог свободно располагать войска по своему усмотрению и потому, что они состояли из членов различных племен, которые часто враждовали между собой. В гарнизонах должен был соблюдаться баланс подразделений, ненавидящих друг друга¹⁴.

Монгольская армия произвела сильное впечатление на Мухаммеда после его битвы с Субэдеем и Джучи в 1218 году (см. гл. 7). Это сражение стало причиной того, почему хорезмшах впоследствии избегал вступать в бой с монголами¹⁵. При подготовке его робких и нерешительных планов операций важную роль играли сведения, полученные от его агента Баха ад-Дина Рази из Китая. В Северном Китае монголы, казалось, были непобедимы на поле брани, но сталкивались со многими трудностями, когда им предстояло завоевать укрепленный город. Монголы не прошли дальше Хуанхэ в Северном Китае.

Несмотря на то что Мухаммед не сомневался в собственном величии, он тем не менее боялся монгольского завоевателя, который сумел за 20 лет подчинить себе не только Центральную Азию, но и могущественную империю Цзинь. При этом Чингисхан не потерпел ни одного поражения. Мухаммед не осмеливался встретиться лицом к лицу с этим блестящим полководцем, завоевавшим всемирное уважение. Колосс на глиняных ногах начал рассыпаться даже до того, как его тронули.

Его решение уйти за Амударью и усилить гарнизоны в Трансоксиане было, вероятно, принято в надежде на то, что укрепленные города станут для монголов непреодолимыми препятствиями и что Чингисхан не продви-

нется дальше Амударьи. Мухаммед не знал, что Чингисхан нанял китайских инженеров, чтобы те изготовили и применили осадные орудия, вроде таранов, катапульт и византийского огня*. То, что хорезмшах позже даже не пожелал использовать Амударью как оборонительный рубеж, вызвало осуждение его современников¹⁶.

Существует немного надежных сведений о численности хорезмской армии. По всей вероятности, она была значительно больше армии Чингисхана¹⁷. Оценить в целом численность армии Мухаммеда мешает то, что часть войск была назначена на гарнизонную службу в городах. Современные источники противоречат друг другу, создается впечатление, что они дают завышенные цифры¹⁸. С уверенностью можно сказать только о том, что султан Мухаммед оставил сильный гарнизон в столице Самарканде; но это было, вероятно, наибольшим войсковым соединением в Трансоксиане, представленном самому себе.

ПОТОП В ТРАНСОКСИАНАЕ

На основании сведений, полученных от своих мусульманских советников, Чингисхан мог составить представление о силе «правителя Запада», поэтому он, конечно, в полной мере оценивал мощь своего предполагаемого противника. И война против империи Хорезм была им тщательно спланирована.

Летом 1219 года Чингисхан собрал свою армию на Черном Иртыше. С собой в кампанию он взял свою молодую жену Кулан из племени меркитов¹⁹ и своего со-

* Византийский огонь — зажигательный состав, применяемый в XII—XV вв. византийцами при осаде крепостей. Предположительно включал селитру, серу, смолу, нефть и другие вещества; не гасился водой. Он помещался в различного вида сосудах и метался в осаждаемые города. (*Примеч. науч. ред.*)

ветника Елюй Чуцай²⁰. Его младший брат Тэмугэ-отчигин остался в Монголии как «хранитель очага и дома»²¹. Осенью Чингисхан двинулся через Алтай и Тарбагатай к Каялыку (современный Талды-Курган на юго-востоке от Балхаша), где к нему присоединились Арслан, хан карлуков, Барчук, идикут уйгуров и Сукнактегин из Алмалыка²². Известно, что Арслан привел с собой 6000 человек, а идикут — 1 тумен²³.

Можно только строить предположения относительно численности армии Чингисхана. Русский востоковед Бартольд пишет: «Наши знания о распределении сил монгольской армии позволяют предположить, что армия Чингисхана насчитывала не меньше 150 000 и не больше 200 000 человек»²⁴. В главе 5 говорилось, что эта оценка Бартольда явно завышена. Людские резервы тюркских и монгольских племен, по идее, не могли составить такую многочисленную армию. Во время войны в Северном Китае монгольская армия, несмотря на ее завоевания, понесла значительные потери. Многие монголы, вероятно, умерли от эпидемий. Принимая во внимание оценку, данную в главе 5, а также численность армии Мухули в Северном Китае, я не могу предположить, что Чингисхан пошел на Хорезм с более чем 90-тысячной армией. То, что монголы были в состоянии бороться против более многочисленной армии, они доказали уже в Северном Китае.

Мы не знаем, какой план войны разработал Чингисхан. Не исключено, что он планировал только локальный поход (не дальше Амударьи). Однако почти сразу, как только монголы перешли Сырдарью, армия Хорезма не оказала серьезного сопротивления. Такой опытный стратег, как Чингисхан, вскоре обнаружил все недостатки своего врага. Вооруженный информацией, полученной от его мусульманских советников, он использовал ситуацию в своих интересах.

Террор как метод предотвращения антиправительственных выступлений, практикуемый Мухаммедом в прошлом, теперь начал работать против него. По мере приближения монголов многие из его подданных переходили на сторону Чингисхана. От них монгольский завоеватель получал точную информацию о политической ситуации в Хорезме и особенно о вражде султана Мухаммеда с Туркан-хатун и военачальниками. Успех рискованных операций Чингисхана говорит о том, что он хорошо знал обо всех значимых политических, военных и географических факторах. Во время кампании и он, и его сыновья имели поддержку дружественных мусульман, которые были знакомы с местными условиями и способны были выступить посредниками между армией монголов и местным населением²⁵.

В армии Чингисхана было много тюркских соединений. На первый взгляд кажется странным, что монголы в 1220 году не предприняли никакой попытки склонить тюркские войска хорезмшаха на свою сторону. Эти войска, очевидно, были готовы поступить к монголам на службу во время переговоров о сдаче города, если они могли таким образом спасти свои жизни. Циничные монголы принимали их предложение в расчете на то, что это ускорит сдачу города, но скоро после этого многих из наемников казнили как изменников²⁶. Тот факт, что тюркские войска могли предать своего султана в критической ситуации, говорил об их ненадежности. Чингисхан не был уверен, что дезертиры будут оставаться верными ему. Относительно небольшая численность армии, с которой он вторгся в Хорезм, требовала (по крайней мере, пока войска противника не были разгромлены) абсолютной верности подчиненных. В 1221 году, когда уже не было причин бояться врага и требовалось восполнить потери, тюрк-

ские войска из Хорезма действительно стали входить в состав монгольской армии, и даже в довольно большом количестве.

От Каялыка Чингисхан, перейдя реки Чу и Талас, направился через Семиречье в Отрар, расположенный на восточном берегу Сырдарьи. Он понял, что поход на Хорезм потребует много лошадей; чтобы сберечь их силы как можно дольше, он отдал специальное распоряжение, что никто не имеет права пойти на охоту по своему собственному желанию. Охоты организовывали только с целью пополнения припасов²⁷. Чагатай подготовил маршрут для передвижения монгольской армии; на участке между Сайрам-нор и Алмалыком было сооружено около 48 мостов, способных выдержать тяжелые подводы²⁸.

Поздней осенью 1219 года Чингисхан достиг границ Отрара. Здесь он разделил свою армию на четыре отряда. Чагатаю и Угедю было передано командование войсками, которые будут окружать Отрар; среди них были уйгуры, возглавляемые Барчуком. Джучи со своим отрядом должен был двигаться вдоль восточного берега Сырдарьи к городам Сыгнаку и Дженду. Соединение приблизительно в 5000 человек начало движение вверх по течению Сырдарьи на Бенакат²⁹.

Чингисхан вместе со своим младшим сыном Толуем принял командование основными силами и двинулся в юго-западном направлении. Монголы не испытали особых затруднений при пересечении Сырдарьи: реки к тому времени уже, вероятно, покрылись льдом³⁰. Первой крепостью, встретившейся им на пути, была Зарнук; она сдалась без сопротивления. Вместо того чтобы направиться напрямик к столице Трансоксианы Самарканду, Чингисхан, сопровождаемый несколькими туркменскими проводниками, выбрал менее

предсказуемый маршрут и двинулся по малонаезженной дороге к Нуру. Этот город также сдался, не оказав сопротивления войскам под командованием Субэдея³¹. Нур — один из немногих городов, который монголы не стали опустошать; они только потребовали сравнительно низкую дань³².

В феврале 1220 года Чингисхан достиг Бухары³³. После трехдневной осады гарнизон города попытался прорваться через монгольский фронт. Только небольшая часть сумела добраться до Амударьи и оказаться в безопасности; остальные были убиты монголами³⁴. Оставшийся без гарнизона, деморализованный город сдался. Цитадель за пределами города продолжала бороться, ее гарнизон в 400 конников мужественно продержался в течение еще двенадцати дней. Населению Бухары было приказано заставить цитадель сдаться. После сдачи все выжившие защитники без исключения были казнены³⁵.

Затем настала очередь расправы над самой Бухарой. Торговцы, которые приобрели военные трофеи с монгольского каравана (доставшиеся ему после уничтожения и разграбления Отрара), должны были вернуть их Чингисхану³⁶. Всем жителям было приказано оставить город, ничего с собой не забирая. Каждого скрывшегося в городе беспощадно убивали. Пустой город дал монголам много добычи. Жители были поделены на несколько групп. Ремесленников монголы забрали в качестве рабов; сильные молодые люди должны были следовать за армией, чтобы стать авангардом одноразового использования при штурме следующего города. Семьи были разделены навсегда. Женщин также не щадили. Часто можно было видеть душераздирающие сцены: монголы насиловали женщин на глазах у их соотечественников, которые могли только плакать от беспомощности. Многие предпочитали смерть таким ужас-

ным мучениям³⁷. Имам*, его сын и другие мусульманские лидеры не могли вынести таких страданий; зная, что обрекают себя на смерть, они восстали против безжалостных завоевателей. Последним ударом стал вспыхнувший в городе пожар. Большинство зданий были деревянными, и город почти полностью сгорел³⁸.

В марте Чингисхан оставил обездоленных людей и сгоревшую Бухару. Его следующей целью стал Самарканд, столица султана Мухаммеда. Ее правителем был Тургай-хан, брат Туркан-хатун. Хотя приказ хорезмшаха обнести город стеной был выполнен не полностью, укрепления Самарканда были очень мощными. Чингисхану сообщили и об этом, и о численности войск противника, когда он приблизился еще к Отрару. Это стало причиной того, почему он сначала взял Бухару, которая располагалась западнее Самарканда³⁹. Падение Бухары должно было деморализовать жителей столицы; кроме того, большое количество пленных можно было использовать для штурма более сильного Самарканда. Многие из этих обреченных пленников были, по сути, брошены на верную смерть.

Армия Чингисхана приблизилась к Самарканду с обеих сторон реки Зеравшан⁴⁰. После того как город был окружен, Чингисхан занялся осмотром укреплений и соседней местности⁴¹. Чтобы ввести защитников в заблуждение относительно численности его армии, он заставлял пленных также выстраиваться в боевом порядке. Поскольку Чагатай и Угедей присоединились к отцу, когда началась осада, и привели с собой свои войска и

* В XII — начале XIII в. Бухара управлялась своеобразной духовной династией руководителей городской мусульманской общины — «садрами», которая держала в своих руках светскую власть и в городе, и в его округе. Под «имамом» здесь подразумевается убитый монголами бухарский садр Меджд-ад-Дин Масуд (История Бухары. Ташкент, 1976. С. 94). (Примеч. науч. ред.)

большое количество пленных, у защитников создалось впечатление, что они окружены огромной армией⁴². Чингисхан, очевидно, решил не рисковать в Самарканде. Во время осады он укрепил основные силы за счет отряда, предназначенного для штурма Бенаката. Помимо хорошо защищенного города Чингисхан видел и еще одну опасность: хорезмшах мог попытаться приехать, чтобы спасти свою столицу. Султан Мухаммед, не рискуя встретиться с монголами лично, фактически уже осуществлял две такие попытки, посылая сначала 10-тысячную и позже 20-тысячную конницу. Но эти войска были вынуждены отступить еще до того, как они достигали Самарканда⁴³.

Чтобы усилить недоверие хорезмшаха к его военачальникам, Чингисхан подослал ему фальшивые письма. В этих письмах, адресованных Чингисхану, упоминались имена военачальников Туркан-хатун⁴⁴. Это обстоятельство стало последней каплей для султана. В отчаянии он бежал на запад империи. Во время осады Самарканда Чингисхан узнал, что хорезмшах перешел Амударью близ Термеза в полном страхе и отчаянии; только несколько преданных сторонников сопровождали его во время бегства⁴⁵. Позже, когда угрозы можно было практически не опасаться, Чингисхан отослал обратно некоторые соединения, хотя осада все еще продолжалась.

На третий день осады защитники Самарканда совершили вылазку. Монголы были верны своей обычной тактике; медленно отступив на некоторое расстояние от города, они подготовили засаду, откуда начали контратаку. Приблизительно 50 000 защитников Самарканда погибло в этом сражении. Во время нескольких штурмов осажденного города монголы, как обычно, использовали пленных для прикрытия своего наступления. На пятый день гарнизон и горожане решили

сдаться, хотя один отряд из приблизительно 2000 человек отказался капитулировать и укрылся в цитадели. Тюркская часть гарнизона под командованием правителя Тургай-хана предложила перейти на службу к монголам. Как оказалось позже, монголы приняли это предложение, только чтобы ускорить сдачу гарнизона. Защитники цитадели совершили одну вылазку, и 1000 человек смогли прорваться сквозь монгольский фронт. Остальные погибли в бою.

Тюркские дезертиры не избежали гибели. После падения цитадели монголы свели с ними счеты. Весь личный состав, насчитывающий 30 000 человек, включая Тургай-хана, был обречен на смерть⁴⁶. В Самарканде население было снова поделено на несколько групп: ремесленников отправили в Монголию; молодые люди были присоединены к армии для следующей осады; и женщин вынудили покориться насилию победителей. Все должны были оставить город, чтобы позволить монголам вволю мародерствовать. Мусульманские духовные лица были оставлены в живых, поскольку они не оказывали сопротивления. Завоевание Самарканда обернулось страшным бедствием для горожан. Когда китайский даос Чань-чунь останавливался в Самарканде в 1221 и 1222 годах, в большом городе оставалась только четверть от первоначального населения*. Перед монгольским вторжением в Самарканде проживало 100 000 семей⁴⁷.

Отрар осаждали дольше, чем любой другой город в Трансоксиане. Его правитель Инальчик имел все основания бороться до последнего. Здесь тюркские солдаты тоже дезертировали, но Чагатай и Угедей не стали тратить времени впустую, сразу приказав казнить пре-

* Руины домонгольского Самарканда находятся на городище Афрасиаб на северной окраине современного Самарканда. (*Примеч. науч. ред.*)

дателей. После сдачи города повторилась та же самая ситуация, что в Бухаре и Самарканде. Инальчик продолжал борьбу в цитадели в течение месяца. Чингисхан дал приказ взять правителя живым. Инальчик сражался до тех пор, пока не осталось ни одного человека, способного оказать сопротивление монголам. Он был взят в плен и приведен к Чингисхану, который заставил его заплатить сполна, припомнив ему 1218 год^{48*}.

Наступление Джучи на Сыгнак и Дженд прошло успешно. Эта область была закреплена за Джучи, и любая территория, которую он завоевывал, становилась частью его владений⁴⁹. Он послал мусульманина в Сыгнак, чтобы предложить его жителям сдаться без боя. Посланник был убит, и разъяренный Джучи приказал штурмовать город. После семи дней непрерывной борьбы монголы ворвались в город. Почти все жители были убиты. После небольшого отдыха Джучи продолжил путь к Дженду. Когда Джучи достиг его, приблизительно 20 апреля 1220 года, гарнизон уже оставил город. Горожане открыли ворота без сопротивления, и в награду Джучи сохранил им жизни. Однако они должны были оставить город на семь дней, чтобы монголы могли спокойно грабить его. Отправленный Джучи отряд захватил и город Джаникент⁵⁰.

Войсками, отосланными Чингисханом в Бенакат, командовал Алак-нойон. Бенакат сопротивлялся в течение трех дней. На четвертый день тюркские отряды сдались, умоляя взять их на службу к Чингисхану. Алак согласился выполнить просьбу, но после падения города все они были казнены. Есть свидетельство, что, после того как город был взят, Алак присоединился к Чингисхану во время осады Самарканда⁵¹.

* По распоряжению Чингисхана плененному правителю Отра-ра было влито в уши и глаза расплавленное серебро. (*Примеч. науч. ред.*)

Узнав о побеге Мухаммеда во время осады Самарканды, Чингисхан отправил три соединения для выполнения различных задач. Он уполномочил двух своих лучших военачальников, Джебе и Субэдея, преследовать хорезмшаха⁵². Об их кампании, которая оказалась одним из самых смелых набегов во всей военной истории, будет сказано позже. Алаку было приказано взять Куляб и Таликан.

Третий отряд, по-видимому, состоял из войск, которые взяли Отрар под командованием Чагатая и Угедея. Он пошел на Худжанд, столицу Ферганы⁵³, чей гарнизон не был сильным. Правитель, Тимур-Мелик, бежал приблизительно с 1000 человек к острову Сырдарьи, расположенному на большом расстоянии от обоих берегов. Там он находился в относительной безопасности, но в конечном счете должен был уехать, поскольку испытывал нехватку пищи и оружия. Ночью он и его люди покинули остров на множестве лодок, рассчитывая плыть вниз по реке. Монголы преследовали его на обоих берегах. Возле Бенаката они протянули цепь поперек реки, но Тимур-Мелик сумел разрезать ее. Приближаясь к Дженду, он обнаружил, что его преследователи тщательно подготовились: они построили наплавной мост и устанавливали катапульты на берегах. Храбрый Тимур-Мелик высадил войска на западном берегу, оставил все свои обозы и бежал в направлении Гурганджа. Он достиг этого города в сопровождении только нескольких своих товарищей⁵⁴.

После покорения Трансоксианы Чингисхан направился в гористую область к югу от Самарканды, чтобы его люди и лошади могли отдохнуть там до осени 1220 года⁵⁵. Из своей резиденции в окрестностях современного Карши он руководил восстановлением нормальной жизни в Трансоксиане⁵⁶.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СУЛТАНА МУХАММЕДА II

В то время как Чингисхан с основными силами отдыхал, корпус монгольской армии преследовал бежавшего хорезмшаха. Этот корпус состоял сначала из трех туменов, которыми командовали Джебе-нойон, Субэдей-баатур и Тогачар-баатур⁵⁷. Чингисхан приказал преследовать Мухаммеда и настичь его прежде, чем он сумеет собрать новые войска⁵⁸. Поскольку надо было двигаться как можно быстрее, осады и грабеж сводились к минимуму. Чингисхан назначил Джебе старшим командующим отрядов, которым было поручено преследовать Мухаммеда; Субэдей стал его помощником^{59*}.

Тот факт, что монгольский завоеватель отделил часть сил от своей армии и рискнул продвинуть ее в глубь империи Хорезм, указывает на то, что уже тогда он больше не ожидал выступления оппозиции. Он отослал три тумена после того, как получил надежную информацию от дезертиров о слабости армии султана⁶⁰.

Описания побега султана Мухаммеда и его преследования монголами не всегда согласуются у разных исследователей. Между серединой апреля и серединой мая 1220 года хорезмшах пересек Амударью и направился через Балх к Нишапуру⁶¹. Его преследователи использовали обычную свою тактику в таких операциях: они продвигались так быстро, как только могли, вступая в сражение, когда это уже становилось неизбежным. Их первой целью стал Балх, где они не встретили никакого сопротивления. В Нишапуре Мухаммеда, казалось, больше интересовали развлечения, чем война. Только когда ему сообщили, что монголы подтягива-

* По мнению исследователей, для Чингисхана было характерным создание временных оперативных объединений из двух туменов, в данном случае соединений Джебе и Субэдея. Представляется, однако, что в описываемом походе полномочия обоих монгольских военачальников были все же равными. (*Примеч. науч. ред.*)

ются к городу, он бежал со своим сыном Джелал ад-Дином в северо-западном направлении через Исфераин* к Рею. В итоге он сумел замести следы⁶².

В Заве (современный Турбат-и-Хайдери) преследователи оказались перед закрытыми воротами, а горожане отказались дать им пищу. Чтобы не терять времени, монголы собрались уходить, но жители Зава выстроились вдоль стен и принялись насмеяться над ними, после чего монголы штурмовали город, а многих жителей казнили⁶³. Следующим был взят город Нишапур. Джебе отдал приказ, чтобы в будущем местным населением пища выдавалась каждому монгольскому соединению⁶⁴. Джебе и Субэдей потеряли след султана близ Нишапура и пошли в разных направлениях в надежде отыскать его. Субэдей отправился на юго-восток к Джаму, а затем на северо-запад. Пройдя через Тус, Исфераин и Дамган (ни одного города он не пощадил), он достиг Рея. Маршрут Джебе лежал от Нишапура к Мазендарану, по дороге он разгромил область Амула⁶⁵. Часть войск он оставил позади, вдоль побережья Каспия. Позже в одном из местных замков они заключили под стражу Туркан-хатун и ее сторонников. Два монгольских военачальника снова встретились в Рее. Тем временем султан Мухаммед бежал из Рея в направлении Казвина, где его поджидал сын Рукн ад-Дин с 30-тысячной армией. Теперь у хорезмшаха появилась возможность ударить единым фронтом по рассеянным туменам Джебе и Субэдея, и он осуществил это. Своих жен, которые сопровождали его, он отправил в крепость Харун, расположенную к западу от Хамадана. Султан советовался с эмирами Ирака-Аджеми, в каком месте

* Город Исфераин находился в восточной части Ирана, впоследствии он был разрушен, сохранились лишь его развалины Шахри-Билькис (Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1971. С. 124). (Примеч. науч. ред.)

гор Загрос лучше всего оказать сопротивление приближающимся монголам. Но его возрастающая подозрительность, которая превратилась в навязчивую идею, помешала последовать какому-либо совету. Известие о том, что появление монголов неизбежно, заставило его в отчаянии обратиться за помощью к его большому врагу халифу Багдада; но на полпути туда он изменил свои планы и вернулся к крепости Харун.

В Рее Джебе и Субэдею сказали, что султан направился в Хамадан. Во время поездки Мухаммеда из Казвина в Харун монголы фактически столкнулись с ним, но не признали его. Султан сумел добраться до крепости Харун, но, когда монголы окружили город, он снова исчез⁶⁶. Близ Хамадана султан Мухаммед первый и последний раз в жизни вступил в бой со своими преследователями. С ним была 20-тысячная армия, которая столкнулась с туменом Джебе. Отчаявшийся Мухаммед держал в голове только одну мысль: спасти себя. Он оставил армию на произвол судьбы, и Джебе разгромил ее. Со своими сыновьями Мухаммед бежал через Эльбрус к побережью Каспия, это стало заключительным этапом его передвижений. Он направился к острову в заливе Астрабад (возможно, современный полуостров Ашурате). Страдая от пневмонии, вскоре после прибытия на остров султан умер. Это случилось в декабре 1220 года (или январе 1221)⁶⁷.

Неизвестно, что предприняли монголы после того, как хорезмшах бежал к побережью Каспия. Возможно, Джебе и Субэдей тогда не знали, что султан находится на острове⁶⁸. Когда они услышали о его смерти, то сообщили об этом Чингисхану. Джебе спрашивал, можно ли ему продолжить завоевания в течение года или двух, а затем вернуться в Монголию через Кавказ⁶⁹. В конечном счете ему дали разрешение; последовавшая за этим кампания, которая длилась до 1223 года и не имела ни-

какого отношения к преследованию Мухаммеда, стала одной из самых замечательных военных операций в мировой истории (см. гл. 9).

Трудно определить роль тумена Тогачара в преследовании. Согласно одному из источников Тогачар ослушался приказа Чингисхана не разрушать и не разграблять вражескую собственность, за что навлек на себя немилость монгольского завоевателя⁷⁰. Эта история, однако, кажется невероятной, поскольку тумены Джебе и Субэдея также мародерствовали в городах во время преследования⁷¹.

Очевидно, Чингисхан давал Тогачару иные приказы, чем Джебе и Субэдею. Тумен Тогачара должен был остаться в Хорасане, чтобы предотвратить (как выяснится позже) бегство на юг вражеских войск из Гурганджа, среди которых были сыновья умершего султана Мухаммеда. Во время этих операций Тогачар завоевал Нису, а затем совершил неудачную попытку взять Нишапур и, возможно, был убит во время осады. Его преемник, Беркей-нойан, оставил попытку взять город и пошел на Себзевар, который захватил через три дня. Жители этого города также дорого заплатили за свое сопротивление⁷².

УНИЧТОЖЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

После побега султана Мухаммеда его империя быстро распалась. В Хорасане и Газне, а позже и в Хорезме власть захватили местные правители или авантюристы, жаждущие прибрать княжество к рукам⁷³. В Гургандже Туркан-хатун управляла центральной частью султаната. Область Хорезма, которую с 1214 года не беспокоили вторжения вражеских армий и набеги соседних племен, превратилась в одну из самых процветающих частей империи⁷⁴; ее столица Гургандж, важный торговый центр

на пересечении караванных маршрутов, располагалась около болотистой дельты Амударьи. Это устье сформировало оазис посередине пустынь Каракумы и Кизил-Кум. Посредством системы каналов вода использовалась для орошения, в то время как плотины защищали город от наводнений⁷⁵.

Туркан-хатун, весьма уважаемая в армии, находилась в Гургандже во время монгольского вторжения. Чингисхан был хорошо осведомлен, что в этой части Хорезма располагается очень мощная армия, которая представляет для него угрозу. В то время войска Джучи в низовьях Сырдарьи были в опасном положении. Поэтому Чингисхан решил склонить Туркан-хатун на свою сторону. Он отправил посланника к матери Мухаммеда, чтобы сказать ей, что монголы вели войну только против ее сына, а не против нее. В то время как посланник прибыл в Гургандж, Туркан-хатун получила известие, что султан бежал на запад. Она заключила, что должна последовать его примеру. Перед отъездом она приказала утопить в Амударье двадцать принцев, которых взяли с подчиненных хорезмшаху территорий как заложников и держали под стражей в Гургандже. Со своей семьей она бежала в Мазендаран искать убежище в крепости; но та была позже захвачена войсками Джеббе*. Всю семью отправили к Чингисхану, который в тот момент находился в Талакане. Он немедленно приказал казнить всех мужчин, а женщин поделил между своими сыновьями и военачальниками. Туркан-хатун отправили как пленницу в Монголию. Когда она и другие женщины ее семьи должны были отправиться в

* По сведениям некоторых средневековых источников, Туркан-хатун пряталась от монголов или в крепости Ларджан, или в крепости Илаль, находившихся в труднодоступных районах Мазендарана. (*Примеч. науч. ред.*)

путь, монголы дали им унижительный приказ демонстрировать свое горе, крича как можно громче⁷⁶.

После того как Тимур-Мелик достиг Гурганджа, его войска сразу вступили там в бой. Летом 1220 года прежний правитель Худжанда напал на Джучи и даже отвоевал у монголов Джаникент. Разногласия в кругах высшего командования стали причиной того, почему храбрый Тимур-Мелик, сумевший дать отпор войскам Джучи, не продвинулся дальше по службе⁷⁷.

После смерти султана Мухаммеда трое его сыновей, включая Джелал ад-Дина и наследного принца Узлагхана, с некоторыми сторонниками отправились по Каспийскому морю к полуострову Мангышлак, а оттуда — в Гургандж, куда они прибыли зимой 1220/21 года⁷⁸. Наследный принц, который был выбран Туркан-хатун, отказался от права на трон в пользу Джелал ад-Дина. Даже безнадежная ситуация, в которой оказался султанат, не подвигла тюркских эмиров встать единым фронтом против монгольских захватчиков. Заговор против султана Джелал ад-Дина, в который был, вероятно, вовлечен Узлагхан, раскрылся⁷⁹. Новый султан в сопровождении Тимура-Мелика и эскорта из 300 конников оставил Гургандж. Два брата Джелал ад-Дина не стали дожидаться приближающихся к Гурганджу монголов и также бежали в южном направлении⁸⁰.

Чингисхан, вероятно ожидая попытки побега из Гурганджа, приказал тумену Тогачара блокировать север Хорасана. Джелал ад-Дин направился через Каракумы в Газну в Восточном Афганистане, область, которой он правил перед монгольским вторжением. Монгольский отряд из 700 человек неожиданно напал на Джелал ад-Дина и его конницу близ Нисы, но тот сумел вырваться и добраться до Нишапура. Братья Джелал ад-Дина были менее удачливы: их убили либо во время одного из сражений, либо в плену. Джелал ад-

Дин продолжал свое бегство, и монголы немедленно начали его преследование. Форсированные марши помогли ему достичь Газны⁸¹. Хотя, возможно, Тогачар навлек на себя немилость Чингисхана тем, что его тумен мародерствовал вопреки приказу, более вероятно, что монгольский завоеватель, узнав о бегстве Джелал ад-Дина, был возмущен тем, что Тогачар не смог его предотвратить.

Осенью 1220 года Чингисхан направился в Термез. Монголы потребовали от жителей сдать без боя, но получили отказ. Город пал после одиннадцати дней осады, после чего последовали обычные действия: частичная резня населения, мародерство и разрушения.

От Термеза монгольский завоеватель двинулся со своей армией на северо-восток, где на берегу реки Вахш провел зиму. Когда зима закончилась, он повел войска вдоль Амударьи. Балх сдался без боя; однако многих горожан казнили⁸². После падения Балха Чингисхан предоставил завоевание других областей своим сыновьям. Чагатай и Угедей направились в Гургандж, чтобы вместе с Джучи взять город. Толую было приказано захватить Хорасан. Сам Чингисхан остался между Балхом и Талаканом ждать новостей от сыновей.

Побег семьи султана Мухаммеда и перспектива быть пойманными в ловушку наконец привели к созданию единого военного руководства в Гургандже. Один из военачальников, Хумар Тегин, принял титул султана, поскольку настоящий султан оставил страну. Теперь, когда монголам предстоял штурм большого и прекрасно укрепленного города, Чингисхан не мог рассчитывать только на войска Джучи. Поэтому он приказал отрядам Чагатая и Угедея присоединиться к силам Джучи, чтобы завоевать Гургандж⁸³. Осада города, который был частично окружен болотами, была не из легких. Поскольку там не было крупных камней, монголы распиливали дере-

вья на куски, чтобы использовать их в качестве снарядов для катапульт⁸⁴. Новый глава правительства Гурганджа Хумар Тегин был настолько поражен силой вражеской армии, что сам пошел к монголам сдаваться⁸⁵.

После нескольких дней осады монголы смогли войти в город, но жители продолжали смело защищаться. Обе стороны понесли большие потери. Медленное продвижение монголов объяснялось желанием Джучи взять этот большой и важный город неповрежденным, поскольку позднее он должен отойти к его улусу. Джучи несколько раз требовал от людей сдаться и таким образом избежать разрушения их города. Чагатая очень раздражали бесконечные переговоры Джучи. Это привело к серьезной ссоре между братьями, которая не осталась незамеченной монгольскими воинами⁸⁶. Когда Чингисхану доложили о происходящем, он вмешался и назначил Угедея высшим военачальником⁸⁷. Угедей возобновил энергичную осаду. Отчаявшиеся жители смело продолжали неравную борьбу, женщины, дети и старики участвовали в битве, как могли. Монголам приходилось сражаться без передышки. Когда ситуация стала безнадежной и город загорелся, изможденные защитники стали сдаваться и молить о милосердии. Однако было уже слишком поздно, чтобы Джучи мог выполнить свои обещания. Город пал в апреле 1221 года.

Теперь пришло время Гурганджа разделить печальную судьбу городов Трансоксианы. Большое количество ремесленников было отправлено в Монголию. Дети и молодые женщины были взяты в плен; всех остальных убили. Участь столицы, перенесшей пожар и разграбление, была еще хуже, чем у большинства других городов. На Амударье сломалась плотина, неизвестно, имели ли к этому отношение монголы или так произошло само собой. Большая часть города была затоплена, и многие из тех, кто выжил после резни, утонули⁸⁸.

После падения Гурганджа Джучи оставался в районе Аральского моря. Чагатай и Угедей возвратились к Чингисхану. В феврале 1221 года завоеватель послал Толуя в Хорасан, приказав ему захватить эту территорию. Толуй исполнил приказ настолько рьяно, что область после этого так и не смогла восстановиться⁸⁹. Это обстоятельство представляет интерес в связи с тем, что младший сын Чингисхана отправился туда же с небольшой частью монгольской армии. Во время кампании он пополнял свои силы тюркскими войсками вражеской армии — дезертирами и пленными⁹⁰. Потери монголов были, по-видимому, столь велики, что такое подкрепление было необходимо. В конечном счете Толуй стал командовать армией, состоящей в значительной степени из прежних войск Хорезма⁹¹. Со временем это стало обычным явлением для всей монгольской армии, и все больше тюркских войск переходило на сторону Чингисхана⁹².

Толуй сначала пошел на запад, пересек реку Мургаб, взял города Маручак и Серахс, а затем Мерв⁹³. Мерв был важным центром с развитой хлопковой и шелковой промышленностью. Это был город «Тысячи и одной ночи»*, бывшая столица Сельджуков. 25 февраля Толуй стоял перед его воротами. В течение шести дней он делал все необходимые приготовления, а на седьмой день дал приказ штурмовать город. Хотя горожане сопротивлялись, они понимали, что оказались в безнадежном положении. Правитель города предложил сдачу при условии, что человеческие жизни будут сохранены, Толуй принял это предложение, чтобы ускорить капитуляцию. Однако после сдачи города он на-

* Имеется в виду знаменитый сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь», сложившийся в основном к XV в. Действие многих сказок, включенных в состав этого замечательного памятника арабской словесности, происходило в Мерве. (*Примеч. науч. ред.*)

рушил свое обещание. Жители были выведены за ворота, и каждому монгольскому воину выдавали 300 или 400 жертв для казни. Тюркским дезертирам, перешедшим на сторону Толуя, также дали поработать палачами⁹⁴. Только 400 ремесленников не стали убивать, а отправили в Монголию как рабов. Мавзолеею султана Санджара был подожжен, а его могила разграблена⁹⁵. Оросительные сооружения возле Мерва были серьезно повреждены⁹⁶. Но и на этом бедствия города не закончились. Те, кому, так или иначе, удалось избежать казни, вернулись в Мерв после ухода монголов, но тут неожиданно нагрянул отряд монгольского арьергарда, ложными обещаниями он заставил оставшихся в живых выйти за стены города, где они уже не смогли избежать ужасной участи. Мерв, когда-то один из самых больших мусульманских городов, потерял большую часть своих жителей⁹⁷.

Следующим большим городом, встретившимся монголам на пути, стал Нишапур. Летом 1220 года его жители не оказали никакого сопротивления Джебе и Субэдею, но позже они повели себя более агрессивно. В ноябре 1220 года нападение тумена Тогачара было отражено, а сам Тогачар убит. Увидев большую армию Толуя, жители захотели вести переговоры о капитуляции, но Толуй отказался разговаривать с их представителями. Захват начался 7 апреля 1221 года. После трех дней осады монголы ворвались в город⁹⁸. Как и в Мерве, горожан вывели за стены, где их убивали. Чтобы отомстить за смерть своего шурина Тогачара, Толуй дал приказ разрушить город до основания так, чтобы земля, на которой он стоял, могла быть вспахана. Даже кошки и собаки были убиты. Вдова Тогачара принимала участие в резне горожан. Из отрезанных голов складывали пирамиды. Головы мужчин, женщин и детей клали в отдельные кучи⁹⁹.

После этой жестокой расправы в Нишапуре, в результате которой никого не осталось в живых, Толуй направился в Герат. Он послал небольшой отряд в Тус, где был разрушен и разграблен мавзолеем халифа Харуна-ар-Рашида¹⁰⁰ *. Гарнизон в Герате приготовился к сражению, но жители не стали рисковать и открыли ворота. На этот раз Толуй сохранил жизни горожан, но многие солдаты из гарнизона были казнены. Он поручил монголу и мусульманину управлять городом, после чего возвратился к отцу в Талакан. Младший сын Чингисхана справился со своей задачей и покорил самые важные города в Хорасане меньше чем за три месяца¹⁰¹. Во время кампании Толуя было безвозвратно уничтожено многое из того, что составляло славу исламской цивилизации.

До возвращения Толуя Чингисхан оставался в окрестностях Талакана — крепости, расположенной на пересечении путей к Хорасану, Систану и Газне. В крепости находился сильный и отважный гарнизон, ранее осада крепости успеха не имела. Чингисхан решил теперь лично руководить осадой. По-видимому, он не имел достаточно войск, чтобы заставить крепость сдаться, но летом 1221 года, вскоре после прибытия Толуя, город все же оказался в руках монголов¹⁰².

Султан Джелал ад-Дин Манкбурны** предпринял шаги к тому, чтобы собрать в Газне несколько местных правителей, и с их помощью сформировал хорошо укомплектованную армию численностью приблизительно 60 000—70 000 человек. Правда, ее нельзя было

* Имеется в виду легендарный халиф из династии Аббасидов Харун-ар-Рашид (763 или 766—780). (*Примеч. науч. ред.*)

** Султан Джелал ад-Дин, имевший родинку на лице, получил прозвище Манкбурны (от слова «манк» — «родинка на лице») (*Ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джелал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973. С. 302.*) (*Примеч. науч. ред.*)

назвать хорошо сплоченной из-за того, что в состав отряда входили представители разных племен¹⁰³. Зимой 1220/21 года Джелал ад-Дин оставался в Газне, но в начале весны 1221 года он двинулся в северном направлении. Около реки Гори он напал на небольшое монгольское соединение, нанеся им большой урон, и заставил отступить. Чингисхан отреагировал немедленно: он послал Шиги-Кутуку с армией, чтобы наказать султана. Джелал ад-Дин, направляющийся в Парван, двинулся навстречу Шиги-Кутуку. Только у стен Парвана они начали сражение. Пешие войска Джелал ад-Дина очень мужественно боролись. Битва была прекращена с наступлением темноты. На следующий день Шиги-Кутуку попробовал использовать чучела для того, чтобы создать впечатление, будто он получил подкрепление. Джелал ад-Дин, однако, не пытался избежать сражения, и его пешие войска снова вступили в бой. В выбранный султаном момент он приказал своей коннице атаковать врагов. Монголы были напрочь разбиты, и Шиги-Кутуку был вынужден с остатками своей армии бежать к Чингисхану¹⁰⁴.

Эта победа несколько обнадежила чудом выживших, униженных жителей Трансоксианы и Хорасана. В то же время она стала поводом для возобновления разногласий в правящих кругах умирающей империи Хорезм. Союзники Джелал ад-Дина начали ссориться из-за добычи. Страсти настолько накалились, что часть армии покинула султана¹⁰⁵, вследствие чего численность войска значительно уменьшилась.

Во время осады Талакана к силам Чингисхана присоединился не только Толуй. После падения Гурганджа Чагатай и Угедей также возвратились к отцу. Новость о победе Джелал ад-Дина возле реки Гори вынудила Чингисхана двинуться в юго-восточном направлении. Его маршрут проходил через город Бамиан, жители кото-

рого отказались сдаться монгольской армии в ответ на ее требования. Осада, которая стала в таком случае необходима, была для Чингисхана большой помехой¹⁰⁶, к тому же во время битвы был убит один из его любимых внуков, сын Чагатая Мутаген¹⁰⁷. Когда город пал, Чингисхан приказывал никого не брать в плен: он отомстил за смерть внука казнью всех жителей Бамиана. Мечом пронзали даже тела эмбрионов в животах беременных женщин¹⁰⁸. Месту, на котором стоял Бамиан, дали название «Проклятый город», и никому не разрешалось там жить. Этот запрет никогда не нарушался: с тех пор прошло семь веков, а руины все еще внушают страх.

Возле Бамиана Чингисхану сообщили о поражении Шиги-Кутуку. Он воспринял новость спокойно¹⁰⁹, но знал, к чему может привести это поражение. Чтобы не дать поверженным землям вновь поверить в свои силы и, возможно, даже поднять восстание, он со всевозможной скоростью направился в Парван, не останавливаясь ни днем ни ночью¹¹⁰. Там он осмотрел поле брани. Покритиковав диспозицию, выбранную Шиги-Кутуку, он решил, что его пасынку-татарину больше не следует действовать самостоятельно.

Близ Газны Чингисхан получил сведения о том, что Джелал ад-Дин выводит свою изможденную армию в направлении Инда. Поэтому он в тот момент оставил Газну нетронутой¹¹¹. Возле Динкота (в окрестностях современного Калабаха) в конце 1221 года он встретил Джелал ад-Дина на западном берегу Инда. Султан был занят: он собирал лодки, чтобы пересечь реку. С отчаянной храбростью его войска вступили в бой. Какое-то время его исход был под сомнением, но в конце концов стража Чингисхана начала новую атаку, вскоре после чего сражение завершилось¹¹². В самом конце битвы Джелал ад-Дин, самоотверженно командовавший войсками, прыгнул на лошади в Инд и стал переплывать

реку под градом стрел. Чингисхан, отдавший приказ взять Джелал ад-Дина в плен, был восхищен храбрым поступком своего врага¹¹³.

После сражения приблизительно 4000 человек смогли спастись на восточном берегу Инда. Позже к ним присоединились 300 конников, ушедших на юг¹¹⁴. Джелал ад-Дин без особого успеха пытался просить помощи у султана Дели. Только в 1222 году Чингисхан послал один или два тумена к восточному берегу Инда, но жара мешала монголам одерживать победы. Они достигли Мултана, но были не в состоянии взять город¹¹⁵.

Победа Джелал ад-Дина в Парване дала надежду людям Хорасана, и некоторые города даже восстали против монгольских завоевателей. Чингисхан был последователен относительно того, какая судьба ожидает восставших. Герат, который Толуй пощадил весной, был одним из непокорных городов. Монгольскому военачальнику Илчидаю было приказано взять город и казнить его жителей. Он вступил в долгую и отчаянную битву, и только в июне 1222 года Герат сдался. Илчидай точно исполнил приказ Чингисхана: все горожане без исключения были казнены — это заняло семь дней. Как и прежде, когда монголы закончили расправу и отбыли, они отослали одно соединение назад, чтобы своим внезапным появлением застать жителей врасплох и казнить тех, кому до этого удалось спастись.

Тем временем семьи, вернувшиеся в Мерв, совершили безумство, убив мусульманского правителя, назначенного Толуем. Шиги-Кутуку было приказано разобратся с ними. Несмотря на его поражение при Парване, Чингисхан не лишил милости своего пасынка-татарина. Соединение его армии под командованием Торбея взяло город¹¹⁶. Вырезание жителей производилось с большой тщательностью, здесь снова

осуществили проверенный маневр: после того как все были убиты и монголы ушли, одно соединение вернулось, чтобы застать случайно оставшихся в живых и добить их.

Помимо Герата и Мерва были, вероятно, и другие восставшие города. Жители Балха спасли себе жизни весной 1221 года, поскольку не оказали никакого сопротивления, когда появилась армия Чингисхана; осенью, однако, они решили восстать, в результате все население было вырезано.

После поражения Джелал ад-Дина Чингисхан пошел на север вдоль Инда, чтобы начать знаменитую кампанию. Его целью стала область к югу от Гиндукуша, где он устроил зимние квартиры. В этой суровой гористой стране, таящей большое число все еще мощных крепостей, обычный набег был бы сомнительным предприятием. То, что армия Чингисхана больше никогда не сталкивалась с трудностями, служит показателем его блестящего военного таланта¹¹⁷.

Весной 1222 года Угедей получил приказ взять Газну и принять все меры для того, чтобы город не мог стать новой военной базой для Джелал ад-Дина. Большая часть жителей города была уничтожена, а сам город подвергся методичному разрушению¹¹⁸.

9 Великий рейд

КАВАЛЬКАДА СМЕРТИ

Ожидая ответа Чингисхана на свою просьбу разрешить поход через Кавказ (см. гл. 8), Джебе вместе с Субэдеем продолжили череду разрушений в Ираке-Аджемии и Азербайджане¹.

Рей первым встал на их пути: город был беспощадно razoren, а население частично уничтожено. После этого, подстрекаемые суннитами, монголы учинили большой погром в Куме, главном городе шиитов². Радость суннитов продлилась недолго, потому что они сами стали следующими жертвами монголов. Хамадан сдался без боя, его жители смогли спасти город от мародеров, только выплатив монголам компенсацию. Затем пришла очередь Зенджана и Казвина. Оба города были разграблены и частично разрушены, в то время как горожане стали жертвами зверства монголов и понесли большие потери. Узбек, атабек Азербайджана, живший в Тебризе, заплатил за неприкосновенность своего города значительную денежную сумму и предоставил захватчикам одежду и большое количество лошадей³. Монголы, сполна воспользовавшись преимуществами этой договоренности, несколько раз возвращались в Тебриз за новыми выплатами⁴.

Из Тебриза Джебе и Субэдей отправились на север, устроив зимние квартиры в Муганской степи. В этом

районе обычно стоит теплый январь⁵. Пока монголы находились на зимних квартирах, кочевые племена — курды и туркмены — пришли к ним из соседнего гористого района, чтобы предложить свои услуги. В действительности они умели только грабить и думали, что для них нет ничего лучше, чем поступить на службу в победоносную монгольскую армию. Но в Муганской степи внимание Джебе и Субэдея было сосредоточено на другом. В январе и феврале 1221 года они наведались по реке Куре в Грузию⁶. В их намерения входило не столько нападение на страну, сколько ее разграбление. Курды и туркмены, присоединившиеся к монголам, шли в авангарде⁷. Для защиты своей страны царь Георгий IV Лаша (1212—1223) направил им навстречу приблизительно 10-тысячную армию. Две армии сошлись южнее Тифлиса (Тбилиси), где монголам был дан мощный отпор⁸. Джебе и Субэдей отступили, но решили ослабить грузинскую армию постоянными набегами⁹. В конце концов монголы перешли к нападению и нанесли сокрушительное поражение своему изможденному врагу.

В марте 1221 года два монгольских военачальника возвратились в Азербайджан. Привычным способом они осадили Меропе, поставив пленных как свое прикрытие в авангард. В конце месяца они вошли в город и казнили многих его жителей. Джебе и Субэдей планировали пойти в Багдад, чтобы потребовать выкуп от халифата Аббасидов, что должно было привести халифа к бедственному положению. Его маленькая армия находилась в северной части Ирака-Араби* и в любом случае не могла дать отпора монголам. Крестonosцы, которые только что взяли Дамьетту, несомненно, воспользовались бы поражением халифа. Однако Джебе и

* Имеется в виду населенная арабами часть исторической области Ирак, прежде всего междуречье рек Тигра и Евфрата, т. е. территория современной Республики Ирак. (Примеч. науч. ред.)

Субэдей решили захватить Хамадан, который на этот раз не сдался без боя. Его жители боролись до самого конца и так подорвали силы монголов, что те начали сомневаться, стоит ли продолжать осаду¹⁰. Когда наконец город пал, его население ожидала ужасная судьба: большая его часть была убита, а город подожен¹¹.

Через Ардебил, который тоже был опустошен, монголы осенью 1221 года снова направились в Грузию. Когда они прибыли туда, Джебе и Субэдей увидели, что в окрестностях Тифлиса сформирована сильная грузинская армия; однако в ноябре 1221 года¹² они снова проникли в это небольшое христианское государство, расположенное вдоль реки Куры. Храбрая грузинская конница выехала им навстречу, но Субэдей отступил, заманив ее в засаду, подготовленную Джебе¹³. Еще раз грузины понесли тяжелое поражение. Спасшиеся бегством воины рассеянной армии нашли прибежище в Тифлисе. Монголы не стали брать этот город, но разграбили южную часть Грузии¹⁴, после чего направились в исламский Ширван. Там они завоевали и разорили город Шемаху, а затем двинулись в северном направлении по узкому проходу вдоль восточного берега Каспия через Дербент.

После получения разрешения от Чингисхана они покинули Закавказье. Теперь, после того как монголы разрушили и разграбили Ирак-Аджеми, Азербайджан и Грузию и уничтожили массу жителей этих земель, они могли не опасаться никакой угрозы. Со свойственной им изобретательностью и смелостью Джебе и Субэдей прокладывали себе путь по Кавказу. Когда Дербент отказался сдаться, они пообещали оставить город в покое, если им предоставят десять проводников, чтобы те указали им дорогу в горах. Монголы настоятельно попросили проводников не пытаться обмануть их. Казнив одного из них, они показали, какая судьба ожида-

ет остальных в случае, если они укажут неверный путь. На севере от Кавказских гор монголы впервые ступили на европейскую землю. Русь стала первой европейской страной, которой предстояло познакомиться с этими неизвестными доселе людьми.

В целом историки дают примерно одинаковые оценки численности объединенных армий Джебе и Субэдея. Каждый из этих двух военачальников командовал одним туменом, когда они оставили свои позиции при Самарканде в 1220 году. К осени 1221 года состав этих армий, естественно, изменился вследствие потерь и подкреплений; однако маловероятно, что их максимальная численность когда-либо превышала 20 000 человек. Большая армия была бы неспособна на длинные походы и быстрые передислокации, которые монголы совершали на Кавказе. Глубокие долины, плохие дороги и узкие перевалы Кавказа не подходят для маневрирования большими соединениями¹⁵. Источники указывают на то, что Джебе и Субэдею приходилось проводить неожиданные операции в гористой местности. Их войска часто шли без полной выкладки, и чем глубже они проникали во вражескую территорию, тем больше лишнего груза им приходилось выбрасывать¹⁶.

ПЕРВОЕ ВТОРЖЕНИЕ МОНГОЛОВ НА РУСЬ

В начале VII века тюркское племя — хазары — обосновалось в русских степях. Они основали мощную империю, но в IX веке ее значение начало уменьшаться. Хазары были в состоянии продержаться до начала X столетия, после чего они были вытеснены тюркским племенем печенегов. Их в свою очередь со степей в междуречье Эмбы и Урала прогнали огузы, после чего печенеги обосновались в области, простирающейся от Дона до Молдавии. Хазары остались в землях, лежащих между Доном, Волгой

и Кавказом. Примерно до 1030 года Хазарская империя, после совместных нападений Византии и киевского князя, потеряла всю свою прежнюю мощь. В 1036 году Киев нанес сокрушительное поражение печенегам, которые потом потребовали компенсации от Византии за территории, которые им пришлось отдать Киеву. Последующие войны были очень продолжительными. В них Византии помогали иммигранты в лице тюркского племени кипчаков, или куманов (половцев). К концу XI века половцы отбросили печенегов к Дунаю. Совместное нападение Византии и половцев в 1091 году так подорвало силы печенегов, что впредь это племя не представляло какой-либо угрозы. Половцы стали полными владельцами Южной Руси.

Куманы, или кипчаки, известны в истории под различными названиями. Русские называли их половцами, в то время как в Византии их называли «Куманой», вследствие чего получилось название «куманы». Название «кипчаки» также сохранилось после того, как они были побеждены монголами. Позднее Монгольское ханство в Центральной Азии получило название Кипчак (Дешт-и-Кипчак)*.

После того как Джебе и Субэдей вышли на Северный Кавказ через Дербент, аланы**, черкесы и лезгины (племена, жившие на Северном Кавказе) объединились против неизвестных захватчиков. Половцы также присоединились к союзу. Первое сражение монголов против этой лиги не закончилось чьей-либо определенной победой¹⁷, но Джебе и Субэдей не хотели этого так оставлять. Посредством искусных дипломатических переговоров они убедили половцев сохранять нейтралитет; они напоми-

* Это Монгольское ханство размещалось на территории современного Казахстана и части Восточного Туркестана (совр. КНР). (Примеч. науч. ред.)

** А л а н ы — предки современных осетин. (Примеч. науч. ред.)

ли им о тюркско-монгольском товариществе и пообещали часть добычи в том случае, если кавказские племена будут побеждены. Когда договоренность была достигнута, Джебе и Субэдей напали на аланов и их союзников с такой жестокостью, что сопротивление было скоро сломлено. Тогда монголы обратились против половцев, которые также были побеждены. Без особой поспешности монголы преследовали половцев, отступающих в северо-западном направлении.

В начале 1222 года монгольское соединение направилось в Крым, где располагались венецианские и генуэзские фактории. Монголы подвергли самый большой порт, генуэзскую Солдайю, страшному разграблению¹⁸. Побежденные половцы ушли в направлении Галича и Киева, где стали просить помощи у русских князей. Русь тогда была поделена на множество княжеств; она не простиралась на юг дальше Киева (см. гл. 14). Русские князья не были постоянными союзниками половцев; они считали их грабителями, совершающими бесконечные набеги на южные границы Руси. Возможно, если бы русские князья проигнорировали проблемы половцев, Джебе и Субэдей оставили бы русских в покое.

Однако хан половцев Котян был тестем одного влиятельного русского князя Мстислава Галицкого¹⁹, который продолжил объединение княжеств, включая могущественный Киев, против монголов. Князь Владимиро-Суздальский также обещал поддержку, но поскольку у него не было особых причин помогать своим противникам и решать их проблемы, то он не торопился с реальной помощью²⁰. Князья объединяли силы против монголов главным образом потому, что никто на Руси не знал, откуда эти неизвестные люди прибыли, кем они были, на каком языке говорили и какую религию исповедовали²¹.

Когда монголы узнали, что русские князья согласились помочь половцам, они послали десять делегатов, чтобы уверить русских, что монголы не имеют никаких враждебных намерений против них. Они были в состоянии войны только с половцами, которые причинили и русским много беспокойства. Все монгольские посланцы были казнены²². Четырьмя годами ранее аналогичный поступок хорезмшаха обернулся для него большой трагедией.

Русское войско с подкреплением половцев, насчитывающее приблизительно 30 000 человек²³, было сосредоточено на Днепре. Единственное, что русские могли противопоставить железной дисциплине и большому военному опыту монгольских войск, — это свое численное превосходство; но к этому монголы давно привыкли. С самого начала в кругу русских князей не было единого мнения о том, как следует вести бой с монголами. Разногласия между князьями Мстиславом Галицким и Мстиславом Киевским не позволили русскому войску выступить слаженно²⁴.

Джебе и Субэдей быстро узнали, о том, что численность их противника больше. Поэтому они решили отступить. Арьергард следил за действиями русских. Монголы с их опытными и дисциплинированными войсками могли продолжать отступление в течение длительного времени. Девять дней два монгольских военачальника ускользали от русских²⁵, которые постепенно оказывались все дальше и дальше от собственных границ. Монголы снова отправили посланников к русским, на этот раз чтобы опротестовать убийство их десяти переговорщиков. Они также упрекали русских в том, что те желали напасть на них без причины. На этот раз посланники вернулись. Они доставили послание, в котором говорилось о том, что русские не будут удовлетворены, пока монгольская армия не уйдет туда,

откуда пришла, поскольку они боятся, что после завоевания земель половцев монголы вторгнутся в их собственные княжества.

Первое нападение закончилось победой русских. Князь Галицкий в сопровождении князя Волыни разгромил монгольский арьергард восточнее излучины Днепра. Князь Мстислав Галицкий, желая прославиться, пересек со своей армией, волынянами и половцами небольшую реку Калку, впадающую в Азовское море²⁶, не предупредив других князей. Он оказался слишком самонадеянным и после перехода через реку забыл об осторожности. Князь Киевский с остальной частью русской армии был все еще на некотором расстоянии от Калки. Джебе и Субэдей использовали ситуацию в своих интересах и снова отступили; в конце мая 1222 года²⁷ они перешли в наступление*. Они напали одновременно и на русский фронт, и на фланги**. В болотистой местности князь Галицкий имел немного возможностей для маневра, и в любом случае русские не могли противостоять той свирепости, с которой сражались монголы. Половцы бежали, чем привели русские войска в

* Принято считать, что это сражение произошло 16 июня 1223 года (Греков и Якубовский, 1939, с. 193; Spuler, 1965, с. 13). Однако маловероятно, что это случилось в июне этого года. В таком случае после перехода через Кавказский хребет Джебе и Субэдей должны были бы пробыть в Южной Руси в течение полутора лет. Вряд ли они готовились к битве на Калке так долго. Эти два монгольских военачальника возвратились к Чингисхану, когда он находился на правом берегу Сырдарьи. Завоеватель мира прибыл туда в январе 1223 года и отправился обратно в Монголию осенью того же года (см. гл. 10). (*Примеч. науч. ред.*)

** Практически все отечественные историки, начиная с Н. М. Карамзина, не приемлют 1222 г. как дату сражения при Калке, считая данную версию датировки сомнительной, и полагают, что битва при Калке произошла весной 1223 г. (более подробно см.: *Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 186—189.*) (*Примеч. науч. ред.*)

замешательство. Князь Галицкий, видя, что его положение безнадежно, решил отступить. Он сумел бежать с небольшим отрядом. Среди половцев также выжило меньшинство.

Князь Мстислав Киевский, наблюдающий за ходом событий с западного берега Калки, не мог или не хотел помочь своему тезке. После поражения князя Галицкого Мстислав Киевский понял, что в битве с таким врагом отступление неминуемо. Поэтому он занял прочное положение на вершине холма, но, прежде чем он закончил возводить военные укрепления, Джебe и Субэдей напали на него. После трех дней битвы осажденный князь предложил сдачу при условии, что ему разрешат вернуться в Киев с его армией. Как обычно, монголы приняли это предложение, чтобы ускорить капитуляцию. Как только русские были разоружены, их убили. Монголы казнили князя Мстислава Киевского и его соратников так, как они обычно лишали жизни царственных особ: без кровопролития. Монголы придавили русских князей насмерть под настилом из досок, на котором военачальники войска Джебe и Субэдей восседали, устроив пир в честь победы²⁸.

Князь Галицкий с остатками своей армии смог оторваться от преследователей на другом берегу Днепра. Чтобы монголы не смогли пересечь эту широкую реку, он разрушил столько судов, сколько смог отыскать. Войска менее подвижного князя Владимиро-Суздальского продвинулись на тот момент не далее Чернигова*. Но того, чего опасались русские, не случилось: Джебe и Субэдей действительно преследовали князя Галицкого, но, разграбив несколько городов на юге, они

* Вопрос о реальности отправки владимирской «подмоги» южнорусским князьям в 1223 г. достаточно спорен. (*Примеч. науч. ред.*)

повернули назад. Возле будущего города Царицына (Сталинград, с 1961 — Волгоград) они пересекли Волгу. Затем в конце 1222 года устремились в северо-восточном направлении на Волжско-Камскую Булгарию.

Монголы оказались в засаде, подготовленной булгарами, и там потерпели поражение²⁹. После этого Джебе и Субэдей вернулись к Чингисхану по пути, проходящему к северу от Каспийского и Аральского морей. В 1223 году их два тумена, численность которых к тому времени, вероятно, изрядно сократилась, воссоединились с основной монгольской армией³⁰, находившейся в степях к востоку от Сырдарьи³¹. Чингисхан высоко оценил деятельность двух своих военачальников. Особой похвалы удостоился Джебе, который был назначен старшим военачальником в этой кампании, но заслуги Субэдея также отметил³². Джебе не прожил долго после этой кампании³³. Человек, который был, вероятно, самым великим командующим конницы в мировой истории, исчез из истории Монгольской империи, и мы можем предположить, что он умер в 1223 году или вскоре после этого. Субэдею, который был несколько моложе Джебе, было суждено проявить свои исключительные способности в экспансионистской внешней политике Монгольской империи в следующей четверти века.

Преследование султана Мухаммеда II и прохождение через Кавказ к Южной Руси было уникальным достижением, шедевром храбрости, настойчивости и уверенности в себе. Никогда прежде такая маленькая армия не осмеливалась проникнуть так глубоко в неизвестную и враждебную страну на несколько лет. Этот фантастический набег в значительной степени был положен в основу легенды о том, что монгольская конница была непобедима и способна находиться в нескольких местах одновременно.

На Кавказе и Руси монгольское вторжение было расценено как эпизод, с которым эти страны уже сталкивались ранее. Однако набеги кочевых племен до тех пор не оказывали особо заметного влияния на политическую структуру Восточной Европы³⁴. Важно отметить, что русские князья, казалось, не извлекли никакого урока из поражения, которое им нанесли монголы. Постоянные серьезные междоусобицы уменьшали их шансы в будущем дать отпор захватчикам. Зависть и враждебность этих князей по отношению друг к другу приносили монголам столько пользы, сколько русским вреда.

10 Затишье после бури

ЗАВОЕВАТЕЛЬ МИРА И ГОРНЫЙ ДИКАРЬ

После завоевания Трансоксианы в 1220 году всем показалось, что Чингисхан начал жить более спокойной жизнью. Он предоставил подчинение остальной части империи Хорезма своим сыновьям и военачальникам. Самостоятельно он руководил только кампанией, целью которой было отомстить за поражения, которые Джелал ад-Дин нанес его военачальникам. В 1220 году Чингисхану исполнилось 58 лет, в то время это был почтенный возраст. Перед началом наступления на Хорезм он решил уладить вопрос с наследником.

Во время войны в Северном Китае Чингисхан обратил внимание на ученого-даоса монаха Чань-чуня, которого высоко ценили при дворах Цзинь и Сун¹. Даосизм развился в Китае на основе религиозной мистики; хотя это учение было позднее развито в возвышенную систему метафизики, оно не смогло освободиться от своего таинственного источника. Даосская алхимия искала эликсир жизни, который бы даровал бессмертие; этим учение привлекало многих. Чань-чунь, однако, был философом и поэтом, который не имел ничего от вульгарного фокусника; благодаря своему интеллектуальному аскетизму он завоевал популярность и уважение.

Неграмотный монгольский завоеватель мира, которого интересовал «философский камень» с его тайной бессмертия, желал использовать в своих интересах волшеб-

ные силы известного монаха, в ком он, вероятно, видел волшебника. Он хотел узнать, действительно ли Чань-чунь обладает эликсиром бессмертия, и, если это так, намеревался заставить небесные силы, которые имели власть над жизнью и смертью, выполнить его желание.

В 1219 году, когда Чингисхан готовил свою армию на Черном Иртыше для нападения на Хорезм, он попросил Чань-чуня, жившего в области Шаньдун, посетить его. 71-летний даос, понимая, что отказаться невозможно, решил отправиться к завоевателю мира². Чингисхан послал специальный эскорт из 20 человек для того, чтобы сопровождать Чань-чуня от Шаньдуна³. Чинкаю, одному из советников монгольского завоевателя, было поручено привести монаха и позаботиться о нем во время поездки. В день своего отъезда престарелый даос сказал ученикам, что он будет отсутствовать в течение трех лет⁴.

Во время кампании монгольское войско постоянно выбирало любовниц из побежденных народов для Чингисхана и его военачальников⁵. Ученый-отшельник был очень возмущен, когда узнал, что он должен будет путешествовать в компании множества «девушек из гарема»⁶. Его возражения были услышаны, и любовницы никуда не поехали.

В Пекине монаху говорили, что Чингисхан в настоящее время отбыл в Хорезм. В марте 1221 года Чань-чунь начал свой нелегкий путь по Азии к месту встречи с Чингисханом. Один из его компаньонов, Ли Чи-Чанг, вел дневник, который стал важным историческим источником. В нем, однако, содержались не только исторические факты. Дневник дает ценные сведения о географии, этнографии, климатологии, о флоре и фауне Центральной Азии. Через Далайнор компания направилась к лагерю младшего брата Чингисхана Тэмугэ-отчигина, который расположился на реке Калке. 30 апреля Тэмугэ

принял Чань-чуня. Далее она двинулась через долину Керулена к верховьям Орхона, где даже летом было очень холодно. Погодные условия сказались на здоровье даже самых выносливых людей в этой группе⁷. Дальше путь лежал через Алтай, северное подножие Тянь-Шаня, Сайрам-нор и Алмалык к Самарканду, куда путешественники и прибыли 3 декабря 1221 года⁸.

Из-за зимних холодов Чань-чунь остался на несколько месяцев в Самарканде. В середине апреля 1222 года Чингисхан призвал его, и 26 апреля учитель-даос выехал в сопровождении эскорта из Самарканда. Он проследовал через Балх в лагерь Чингисхана, расположенный к югу от Гиндукуша. Престарелый китайский ученый прибыл на встречу 15 мая. Он был радушно принят завоевателем мира, который поблагодарил монаха за то, что тот ради него проделал путь в 10 000 ли (один ли равен 573 метрам). Чань-чунь ответил, что приказ Чингисхана — это воля Неба и что у него, как у «горного дикаря», не было права выбора, он мог только повиниться (как символ смирения отшельника монах выбрал себе имя «горный дикарь»). Чингисхан предложил даосу сесть и перешел прямо к делу, спросив старого монаха, правда ли, что он обладает эликсиром бессмертия. Чань-чунь ответил, что есть много способов продлить жизнь, но никакого эликсира бессмертия не существует. Чингисхан был, несомненно, глубоко разочарован: он надеялся победить смерть. Однако он скрыл свои истинные чувства и поблагодарил монаха за честный ответ. Завоеватель мира приказал установить два шатра к востоку от его собственного для учителя и его компаньонов.

Чингисхан также хотел, чтобы Чань-чунь рассказал ему о философии даосизма, но военная деятельность в Афганистане заняла все его внимание. Поэтому Чань-чунь по собственному желанию направился к Самарканду, куда прибыл в середине июня 1222 года⁹.

Когда Чингисхан призвал монаха во второй раз в сентябре 1222 года, его лагерь переместился к юго-востоку от Балха. Чань-чунь прибыл туда 28 сентября, начав продвижение на север без промедлений в сопровождении императорской семьи. Только в октябре у Чингисхана появилась возможность услышать рассказ учителя о даосизме. В роскошном шатре, установленном специально для этой цели, Чань-чунь был еще раз встречен Чингисханом с большой любезностью¹⁰. Завоевателю пришлось прибегнуть к услугам переводчика. Им был Елюй Ахай, член семьи киданского министра Чингисхана Елюй Чуцая. Чингисхан выслушал рассказ Чань-чуня с большим вниманием. После этого старый монах возвратился в Самарканд, но впоследствии сопровождал Чингисхана какое-то время в его походах. Монгольский завоеватель хотел, чтобы Чань-чунь сопровождал его на обратном пути в Монголию, но учитель испросил разрешения уехать раньше: он обещал своим друзьям в Китае вернуться через три года¹¹.

Прежде чем уехать в Китай, монах посоветовал Чингисхану заботиться о себе более тщательно. В марте 1223 года, во время охоты, Чингисхан подстрелил вепря, но в этот момент его лошадь споткнулась, и завоеватель упал. Раненый вепрь остановился и не нападал, так что слуги смогли спасти своего обессилевшего господина. Учитель использовал этот инцидент для того, чтобы указать Чингисхану на то, что жизнь драгоценна, и предложить ему, ввиду его возраста, охотиться поменьше. Чингисхан не мог отказаться от привычного образа жизни. Он признал правоту монаха, но добавил, что монголы учатся ездить верхом и использовать лук и стрелы в раннем детстве, так что отказаться от этой привычки очень сложно. Однако он пообещал Чань-чуню, что будет иметь в виду его совет¹².

В апреле 1223 года Чань-чунь получил разрешение уехать. Он возвращался примерно тем же маршрутом, что и приехал. В январе 1224 года его компания достигла Пекина¹³. Через пять месяцев учитель получил послание от Чингисхана, в котором говорилось, что он не забыл своего старого друга; завоеватель мира надеялся, что монах будет также помнить его¹⁴.

Чань-чунь умер в 1227 году, в тот же год, что и Чингисхан.

РАЗРУШЕННЫЙ МИР ОСТАЕТСЯ ПОЗАДИ

Восстановив свое войско¹⁵, Чингисхан решил в феврале 1222 года покинуть область между Гиндукушем и Индом, где он провел зиму¹⁶. В его планах было возвратиться в Монголию через Индию, Гималаи и Тибет¹⁷. С этой целью он отправил посольство к султану Дели¹⁸. Вскоре он осознал, что на его пути встретятся высокие горы и густые леса; кроме того, климат Индии не подходил для монголов¹⁹*. Поэтому Чингисхан решил возвратиться тем же маршрутом, что и попал в Среднюю Азию. Тот факт, что король Си-Ся в 1220 году отказался прислать подкрепление, должно быть, еще больше убедил его в правильности принятого решения. По прибытии в Монголию армия должна была оставаться в силе, чтобы наказать правителя тангутов.

Через Кабул и Бамиан он направился в Баглан, где пришлось оставить большую часть грузов²⁰. Сражение на Инде стало последней на данном этапе военной операцией, в которой Чингисхан принял непосредственное участие. Он отдал своим военачальникам приказы

* Достаточно быстро монголы на практике убедились, что жаркий и влажный климат Южного Китая, Юго-Восточной Азии и Индии мало подходит как для них самих, так и, что особо важно, для их лошадей. (*Примеч. науч. ред.*)

разрушить остающиеся укрепления в Афганистане, поддерживать связь и охранять обозы с добычей. Все это было выполнено, несмотря на тяжелые климатические и природные условия. Караван, нагруженный огромным количеством военной добычи и сопровождаемый большим числом пленных, постоянно становился целью вражеских нападений²¹.

В октябре 1222 года Чингисхан перешел через Амударью²². На зиму он остался в окрестностях Самарканда. В конце января 1223 года завоеватель находился уже на правом берегу Сырдарьи²³. Здесь весной он собрал курилтай, на котором присутствовал не только оставшийся с ним Толуй, но и Чагатай с Угедеем, охотившиеся на птиц в долине Зеравшана в течение этой зимы. Как раз там, находясь к востоку от Сырдарьи, Чингисхан упал с лошади во время охоты, после чего Чань-чунь посоветовал ему быть осторожнее в будущем.

Чингисхан провел лето 1223 года со своей основной армией в области ущелья Кулан-баши, находящегося в междуречье Отрара и Таласа²⁴. В этом месте он в первый раз за долгое время встретился со своим старшим сыном Джучи. Во время его пребывания на равнинах близ Кулан-баши было организовано множество больших облав. Джучи вел стада диких ослов из степей, расположенных к северу и к западу от Аральского моря, в направлении Кулан-баши²⁵. Он также привел для отца 20 000 лошадей²⁶.

Осенью 1223 года Чингисхан оставил ущелье Кулан-баши. Чагатай, Угедей и Толуй возвратились вместе с отцом. Джучи остался на равнинах, расположенных около Аральского и Каспийского морей, которые он получил в награду. Там он находился до самой смерти, не принимая участия в судьбе империи; он практически прекратил общаться с отцом. Возможно, выбор Уге-

дея в качестве преемника разочаровал его. Эта отчужденность породила слухи о том, что Джучи желает восстать против отца.

Летом 1224 года Чингисхан со своей армией достиг Черного Иртыша, а весной 1225 года прибыл в Монголию²⁷; его возвращение не было сопряжено с какими-либо проблемами. К сожалению, мы не знаем, о чем в тот момент думал Чингисхан. Он постарел и больше не мог выдерживать тяжелую жизнь монгольских походов. Об этом, в частности, говорит его медленное продвижение во время возвращения на родину. За четверть века он возвысился от простого племенного вождя до правителя большей части мира. Встреча с Чань-чунем показала ему, что смерть непобедима. Многие товарищи его ранних дней были уже мертвы. Незадолго до своего возвращения в Монголию он потерял самых талантливых из них, Мухули и Джебе. Чингисхан, должно быть, предполагал, что и он подходит к концу жизни.

Чингисхан оставил завоеванные области прежде, чем бывшая империя Хорезм была полностью завоевана. В Трансоксиане и Хорезме никто уже не мог усомниться в монгольском верховенстве²⁸, но по-другому было в Хорасане, Афганистане и Ираке-Аджеми. В этих странах Джелал ад-Дин позже пытался восстановить султанат своего отца (см. гл. 13). В результате этого города Трансоксианы и Хорезма восстанавливались после войны быстрее, чем города Хорасана и Ирака-Аджеми²⁹. Сильно разрушенная область Хорезма быстро вернулась к нормальной жизни под властью Джучи. В скором времени на правом берегу Амударьи появился новый город около того места, где был до основания разрушен Гургандж. Монголы изменили название Гургандж на Ургенч³⁰, город стал одним из самых важнейших торговых центров на пути из Европы в Азию³¹.

Немного известно о непосредственном участии Чингисхана в создании правительства на завоеванных территориях. Уйгур Тататунга объяснил ему основные принципы государственной организации и продемонстрировал важность помещения императорской печати на документах, что помогало подтвердить их подлинность. Таким же незаменимым советником в административных делах стал Чинкай, кераит, который уже был помощником Чингисхана при отступлении к озеру Балджуна во время войны за господство в Монголии. Когда Чинкай сопровождал Чань-чуня в его поездке из Китая в Афганистан, даосский монах называл его чарби (управляющий)³².

После завоевания Гурганджа Чингисхан спросил двух мусульман, Махмуда Ялавача и его сына Масуда, о значении и ценности городов. Вероятно, оба Ялавача, как и Елюй Чуцай до них, пытались объяснить Чингисхану, в чем состоит ценность городской культуры. То, что Чингисхан прислушался к их советам и создал правительство, что было применимо не только для кочевой жизни, отмечает новую эпоху в истории мировой империи монголов. В кругу верховной власти осознали, что, постоянно расширяя территорию своего государства, монголы должны выполнять серьезные обязанности.

В Монгольской империи появились два правительственных органа: канцелярия уйгуров во главе с Тататунгой и Чинкаем и китайская канцелярия Елюй Чуцай. Ялавачам было поручено управление Трансоксианой, Хотаном и Кашгаром³³. Махмуд Ялавач позже занимал государственный пост в Пекине³⁴. Самарканд и Бухара находились в ведении непосредственно центральной монгольской канцелярии. Правителем Самарканда стал кидань Елюй Ахай, который был переводчиком Чань-чуня. Его младший брат Елюй Ту-хуа был одним из командующих Мухули в Китае³⁵. В недавно

завоеванных областях уйгуры играли особенно важную роль в создании государственной системы. Монголы плохо подходили для этой цели. Поэтому среди крупных чиновников (даруги) было много уйгуров и мусульман. В связи с этим существовало два государственных языка: местный, распространенный в данной области, и уйгурский.

То, что Хорезм был завоеван монголами без особых усилий, объясняется частично его внутренней слабостью и частично более совершенной организацией монгольского войска. Дисциплинированные монгольские воины не стремились к личной славе; они просто точно следовали приказу. Монгольские военачальники были опытными и послушными исполнителями приказов Чингисхана. Если ситуация того требовала, военные подразделения могли бороться как отделенные отряды или соединяться в одну силу, чтобы приспособиться к быстро меняющимся обстоятельствам. С другой стороны, в войске Хорезма были военачальники вроде Джелал ад-Дина и Тимура-Мелика, которые часто проявляли свою индивидуальность в военных операциях. Однако они, как оказалось, были неспособны управлять большими силами или поднять свои полиэтнические армии на национальное сопротивление против монгольских захватчиков³⁶.

Примечательно, что монголы столкнулись с меньшими трудностями при захвате городов в Трансоксиане и Хорасане, чем в Северном Китае. Помимо того что в Хорезме они использовали стенобитные орудия, применение террора оказалось очень эффективно в этой стране. Китайцы не одно столетие подвергались варварским набегам, поэтому они меньше боялись террора. Монголы, несомненно, быстро отметили, что их враги реагируют на одни и те же приемы по-разному. Поэтому, осаждая города Хорезма, они чаще использовали пленных, бросая их впереди своего войска, чем

в Китае. Эта военная уловка позволяла сравнительно небольшому монгольскому войску заставить даже большие города сдаваться.

Монголы постоянно практиковали устранение из города дееспособных мужчин. Этот метод был удобен сразу в двух отношениях: часть городского населения, способного к сопротивлению, устранялась и использовалась при штурме в следующем городе. Если городского населения не хватало для осады, к ним присоединяли жителей ближайшей деревни. Эта форма террора иногда приводила к тому, что люди боялись даже подумать о сопротивлении³⁷.

В источниках обычно упоминается только о резне китайского и иранского населения. Объединение Монголии произошло (как всегда в Центральной Азии) только после длинных и кровавых войн. Во время борьбы за господство Чингисхан уничтожал целые племена, если он считал это необходимым. Поэтому трудно определить, где его армия уничтожила больше человек: в Китае и Иране или в степях Центральной Азии³⁸.

Восточный Иран так и не смог полностью оправиться после монгольского нашествия. В некоторых городах до сих пор остаются следы разрушений; эти города не смогли снова стать центрами исламской цивилизации³⁹. Даже возвышение Тимуридов в XV «золотом» веке не могло полностью восстановить этот разрушенный мир. В этих местах Чингисхана считают самым большим врагом арабо-персидской цивилизации. Мусульманские авторы называют его «проклятым»⁴⁰.

Вторжение Чингисхана не сопровождалось, однако, заселением монголов на завоеванных землях, как это было, например, несколькими столетиями ранее с Сельджуками. Большинство монгольских воинов, как и сам Чингисхан, возвращалось в Монголию⁴¹.

11 Последняя кампания

В 1219 году до нападения на Хорезм Чингисхан приказал своим вассалам подготовить для него войска. Монгольскому посланнику, доставившему послание с этим приказом в Нинся, сказали, что, если Чингисхан недостаточно силен для того, чтобы бороться против Хорезма, ему не следует стремиться к роли императора¹. Хотя Си-Ся не было полностью вассальным государством, тангутский правитель после своего поражения в 1210 году пообещал стать «правой рукой» Чингисхана, подразумевая, таким образом, что он был готов признать свое зависимое положение. На тот момент Чингисхан не мог предпринять ничего существенного против Си-Ся; неизбежная война с Хорезмом требовала много внимания и сил. Только в 1225 году, возвратившись в Монголию, он подготовился к мести.

Отказ прислать войска был не единственной причиной захвата Си-Ся. Осенью 1225 года тангуты заключили союз с императором династии Цзинь. Чтобы помешать Си-Ся и Цзинь соединить свои силы, Чингисхан решил действовать оперативно. После уничтожения государства тангутов Чингисхан собирался обратиться к империи Цзинь, но, чтобы перейти ко второй части своего плана, монголам требовалось установить полный контроль над Ордосом, Шенси и Ганьсу. Прежде чем уйти на войну, Чингисхан направил другого посланца к правителю тангутов с требованием выдать ему одного из сыновей в качестве заложника. Правитель снова ответил отказом².

В кампанию против тангутов Чингисхан взял с со-

бой свою жену — татарку Джису. Его также сопровождали сыновья Угедей и Толуй, канцлер Елюй Чуцай, старый и преданный друг Боорчу и самый способный из его оставшихся в живых военачальников Субэдей. Чагатай остался в Монголии³. Чингисхан считал эту операцию очень важной. Несмотря на свой преклонный возраст, он решил лично командовать армией; это говорит о том, что Чингисхан сохранял физическую форму и умственные способности до конца своих дней⁴. Вероятно, он решил возглавить войско потому, что думал, что в густонаселенном Китае, жители которого уже показали, что могут переносить телесные муки, можно попасть в трудное положение. Война против Цзинь все еще продолжалась, и, возможно, Сун ожидала своего шанса. Он не мог доверить ни одному из своих сыновей или военачальников командование армией. Поставил бы он Мухули или Джебе во главу войска, будь они живы, — повод для раздумий историку.

Точно не установлено, когда именно началось передвижение войск в 1226 году: осенью⁵ или весной⁶; последнее более вероятно. Чингисхан направился к оазису на реке Эдзин, к северу от Кара-Хото⁷. По этой реке монголы проделали путь в Си-Ся. В мае 1226 года они приблизились к первым крупным городам: Сучжоу и Ханчжоу. Как это случилось в империи Цзинь и султанате Хорезм, армия тангутов тоже отступила к укрепленным городам. Поэтому монголы могли решить для себя, где им лучше сконцентрировать силы. Кроме того, у них было большое количество метательных машин, которые существенно облегчали задачу. Однако осада обычно занимает много времени. Сучжоу был взят через пять недель, в то время как Ханчжоу покорился через пять месяцев⁸.

Поскольку стояла очень жаркая погода, Чингисхан продолжил движение по северным вершинам Нан-Шаня⁹. Эти горы с пиками высотой приблизительно

5000—6000 метров («Снежные горы»)¹⁰ не позволяли продвинуться на юг. Во время войны в Си-Ся монголы снова беспощадно применяли террор. Хотя тангуты в целом оказывали достойное сопротивление¹¹, жестокие методы их врагов имели эффект. Многие тщетно пытались укрыться в горах и пещерах; монголы оставляли после себя поля, усеянные трупами¹².

Осенью монгольская армия двинулась в восточном направлении к городу Ланьчжоу, который она осадила и взяла штурмом. После монголы устремились через пустыню Алашань к Лиангчжоу, резиденции правителя¹³, располагающейся на восточном берегу Желтой реки. Правитель Си-Ся планировал снять осаду этого города при помощи сильной армии, но Чингисхан, поджидая его, дал приказ пересечь реку Хуанхэ и атаковать армию, наступающую со стороны Нинся. Тангуты понесли тяжелое поражение¹⁴.

Поскольку приближалась зима, Чингисхан устроил зимние квартиры в Люпаншани. В феврале 1227 года возобновилась осада Нинся, где была сосредоточена большая часть тангутской армии. Монгольский завоеватель был на тот момент так уверен в своих силах, что отправил часть войск на другие задания. Субэдей завоевал долину Таохэ и область Ланьчжоу; Угедей и Чаган (тангутский полководец на службе у монголов) атаковали территорию Цзинь вдоль реки Вэй и южный Шенси¹⁵. Монголы даже послали несколько соединений по хребту Циньлин, чтобы таким образом создать угрозу столице Цзинь Кайфыну. Это вынудило императора династии Цзинь высказать предложение о перемирии¹⁶.

Во время облавы на охоте лошадь Чингисхана рванула и неожиданно встала на дыбы; завоеватель упал и получил травму. Ночью его состояние ухудшилось настолько, что Джису посчитала необходимым вызвать Толуя и военачальников, чтобы сказать им, что у Чингисхана тяжелая лихорадка. Один из военачальников пред-

ложил возвратиться в Монголию и подождать, пока их предводителю не станет лучше: тангуты вели оседлый образ жизни, и их завоевание можно было отложить. Другие члены совета согласились с таким предложением, но Чингисхан не дал разрешение. Он считал, что в этом случае тангуты сочтут их трусами и отреагируют соответствующим образом. Он приказал отправить в Нинся посланника с требованием удовлетворения его требований. Когда тот вернулся ни с чем, больной завоеватель мира отдал распоряжение продолжать кампанию¹⁷.

Во время осады Нинся Чингисхан оставался в области Люньтэ в Люпаншани¹⁸. Тангутский царь (который известен в китайской истории под именем Ли Сян) сначала не стал даже говорить о капитуляции. Однако в июле — августе 1227 года, когда запасы продовольствия в осажденном городе закончились, ему ничего не оставалось, кроме как сдаться. Чувствуя, что не может рассчитывать на милосердие со стороны монголов¹⁹, он попросил у Чингисхана месяц отсрочки, чтобы подготовить подарки для своего завоевателя.

После того как Елюй Люге, введенный в должность Чингисханом в 1212 году, умер в Ляояне (потомственная земля прежней китайской династии) в 1220 году, его вдова управляла территорией. Его сын и преемник поехал с Чингисханом на войну против Хорезма и Сися. Во время осады Нинся он был командующим одного из соединений. Его мать попросила, чтобы Чингисхан позволил ему возглавить правительство области Ляохэ, и после падения Нинся сын Елюй Люге получил разрешение вступить в должность отца.

Во время осады Нинся Чингисхан узнал, что его старший сын Джучи умер в феврале 1227 года. Существует много противоречащих друг другу версий о причинах охлаждения в отношениях Чингисхана и Джучи, которое возникло после того, как они видели друг друга в последний раз в Кулан-баши. Считается, что Джу-

чи намеревался полностью отделиться от Монгольской империи и ответил отказом на просьбу своего отца приехать навестить его. В некоторых источниках высказывается версия о том, что Джучи не приехал к отцу из-за болезни²⁰. То, что Джучи умер вскоре после этого инцидента, свидетельствует о том, что он не симулировал болезнь и что в окружении Чингисхана были люди, желающие очернить Джучи*.

Примечательно, что в монгольских и китайских источниках о смерти Чингисхана сообщается очень кратко. В одном из них просто констатируется факт: «В год Свиньи Чингисхан поднялся к Небесам»²¹. По-видимому, эта тема была табуированной у монголов²². Однако впоследствии было написано довольно много о возможной причине смерти. Большинство исследователей склонны предполагать, что внутренняя рана, вызванная падением с лошади (эту версию подтверждает то, что у него перед смертью была высокая температура), ускорила конец завоевателя мира²³. Точно известно, что Чингисхан умер на юге от Люпаншани²⁴**. Существуют три предполагаемые даты его смерти в 1227 году: 18 августа, 25 августа и 28 августа²⁵. Трудно сказать с уверенностью, какая дата соответствует действительности²⁶. Если год рождения Чингисхана 1162, то умер он в возрасте полных 64 лет²⁷.

Чингисхан, очевидно, чувствовал, что жизнь его подходит к концу. На своем смертном одре он рассказал Толую (единственному сыну, который был с ним в последние дни жизни), как надо напасть на империю

* По сведениям некоторых средневековых авторов, Джучи был отравлен по тайному распоряжению Чингисхана (*Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. С. 205*). (*Примеч. науч. ред.*)

** По мнению отечественного биографа Чингисхана Е. И. Кычанова, Темучин, возможно, скончался на берегу реки Чжамхак во Внутренней Монголии (совр. КНР). (*Примеч. науч. ред.*)

Цзинь²⁸. Он объяснил, что лучшие войска государства Цзинь находятся в надежно укрепленном Тункуане. Эта цитадель преграждала доступ в провинцию Хэнань с запада, с севера она была защищена Хуанхэ, а с юга — хребтом Циньлин. В атаку на Цзинь следует идти с юго-запада по реке Таньхэ в направлении Кайфына²⁹; для выполнения этой операции проникновение на территории Сун неизбежно.

Перед смертью Чингисхан приказал казнить правителя тангутов³⁰. В монгольской хронике «Сокровенное сказание монголов» государь тангутов Ли Сян значитесь под другим именем — Илуху-Бурхан, что означает «Благородный Будда»³¹. В буддистском Си-Ся цари были также и служителями культа. Чтобы казнь тангутского царя не была истолкована как невосприятие буддизма (устранение «Благородного Будды» могло создать такое впечатление), Чингисхан изменил его имя Илуху-Бурхан на Шидургу³², означающее «Верный сторонник». Таким образом, было подчеркнуто его подвластное положение; Будда не мог быть убит, но вассал мог³³.

Чингисхан желал, чтобы его смерть осталась тайной, если ему суждено умереть до сдачи Нинся³⁴. После месячной отсрочки, предоставленной тангутскому царю, последний в сентябре сдался монголам. В монгольском лагере ему сказали, что завоеватель мира болен, и поэтому царь не может преклонить колени в императорском шатре. Тангутский правитель принес с собой в качестве подарков много золота и серебра, а также привел мальчиков и девочек. Ли Сян должен был сделать жест почтения перед входом в палатку, где лежало тело Чингисхана. Три дня спустя он и его семья были осуждены на казнь.

Город Нинся был беспощадно разграблен и сильно разрушен; это означало конец тангутского царства Си-Ся, которое существовало с 1030 года. Чингисхан намеревался истребить всех тангутов после поражения

Си-Ся³⁵, но Елюй Чуцай отговорил его от этого ужасного плана. Он объяснил завоевателю мира, что подвластные люди, покинувшие свою страну, принесут монголам больше пользы, чем земля, освободившаяся после массовой резни³⁶.

Тело Чингисхана отвезли в Монголию. При этом каждый, кто встретился на пути этой процессии, был убит³⁷, завоевателя похоронили на священной горе Бурхан-Халдун, это место он лично выбрал при жизни для своей могилы, как того требовала монгольская традиция³⁸. Конкретное место захоронения остается неизвестным³⁹; возможно, оно находится в верховьях Онона⁴⁰.

То, что местоположение могилы завоевателя не могут найти, возможно, объясняется монгольскими обычаями тайно хоронить прославленных людей. После захоронения на это место приводилось большое число лошадей, которые затапывали могилу, почва на которой потом покрывалась естественной растительностью (см. гл. 1). Через некоторое время даже члены семьи не знали, где находится могила. К началу XIV века место захоронения Чингисхана было утеряно окончательно. На той земле образовались заросли, через которые невозможно было пробраться⁴¹.

После того как Угедей стал Великим Ханом в 1229 году, он приказал отобрать сорок красивых девушек из самых знатных семей. Одетые в роскошные наряды и украшенные драгоценностями, они были принесены в жертву на могиле завоевателя мира, чтобы явиться его душе в ином мире. Множество отборных лошадей также принесли в жертву⁴². В этом же самом месте — «великой запретной границе»⁴³ — позже будут захоронены тела нескольких чингисидов. Доподлинно известно, что Толуй, его жена Соркактани и их сыновья Мункэ и Ариг-Буга также покоятся в самом святом месте Бурхан-Халдун⁴⁴.

12 Завоеватель мира и его империя

ЗАВОЕВАТЕЛЬ МИРА

В нашем распоряжении есть только спорадические упоминания о внешности Чингисхана. Самую подробную информацию на этот счет дают люди, видевшие Чингисхана во время войны в Хорезме. Завоевателю мира было тогда приблизительно шестьдесят. Он отличался статной фигурой и плотным телосложением. У него были кошачьи глаза и волосы с проседью¹.

Чингисхана можно оценивать только в контексте его времени и среды. В XII и XIII веках монголы, как уже говорилось, были гораздо менее цивилизованными, чем их соседи. Поэтому для развитых китайцев Чингисхан был не больше чем варвар*. Однако этот варвар обладал многими качествами, которые позволили ему стать одним из самых великих завоевателей в истории мира.

Его необычное самообладание и способность сохранять спокойствие были поразительны². Хотя он никогда не опускался до предательства в частной жизни и в личных отношениях, он был, несомненно, хитер и расчетлив, на войне даже коварен. Он ненавидел предате-

* Понятия «варварство» и «цивилизованность» достаточно условны. Они являются продуктом культуры оседлоцентрических обществ. В последние десятилетия в научной литературе появилось определение «варварская цивилизация», часто употребляемое при характеристике образа жизни и быта кочевников. (*Примеч. науч. ред.*)

лей: вассалов своих противников, предавших господ, чтобы заслужить его расположение, он приказывал немедленно казнить. Мы можем предположить, что подобное отношение к дезертирам лишь отчасти объясняется принципиальностью Чингисхана. В то время переходить на сторону сильнейшего было обычной практикой. Чингисхан, должно быть, полагал, что такие перебежчики оставят и его, если фортуна от него отвернется. Чтобы ясно дать понять, какая судьба ждет предателя, если он снова попадет в его руки, он не проявлял никакого милосердия к дезертирам. Тем же солдатам вражеского войска, кто искренне служил своему предводителю до последнего, он часто сохранял жизнь и даже брал к себе на службу. Сторонники, которые оставались верными ему при любых обстоятельствах, были щедро вознаграждаемы.

Другой особенностью характера Чингисхана была его природная подозрительность. Это ярко демонстрируют арест его брата Хасара после наветов шамана Кокэчу, его выговор Джебе после быстрого и блестящего триумфального похода этого полководца против Кучлука. Вследствие своей подозрительности Чингисхан не позволял никому приближаться к власти. По мере укрепления собственной власти он все больше боялся ее потерять³.

Как и все его современники, Чингисхан заботился исключительно о себе, своих потомках и самых близких товарищах. Нет свидетельств того, что он думал о благосостоянии народа⁴, таких положений не содержится даже в Ясе. При этом Чингисхан не ощущал себя вождем целого народа: он был главой монгольской аристократии, которую сначала объединил, а затем дал власть и богатство. Особенность Чингисхана состояла в том, что, хотя он завоевал часть мира, а остальную часть заставил бояться, ему не было свойственно головокружение от успехов. Даже культурные китайцы

изумлялись благородству этого так называемого варвара⁵.

Как и его соотечественники, Чингисхан любил выпить, а охота была его любимым занятием. Хотя завоеватель мира, несомненно, временами бывал пьян, его нельзя обвинить в злоупотреблении алкоголем. В то время как Угедей и Толуй были настоящими рабами алкоголя⁶. Пьянство для монголов было своего рода проявлением мужества и доблести (см. гл. 1). Поэтому было трудно запретить этот широко распространенный порок в Ясе.

Женщины играли важную роль в частной жизни Чингисхана. Четырьмя главными женами Чингисхана были Бортэ, Кулан, Джису и Джису-ген. Он держал орду для каждой из них. Помимо этих женщин у него были и другие: дочь императора династии Цзинь, дочь короля Си-Ся и Гурбесу, прежняя жена завоеванного Таянхана найманов. Он также имел множество наложниц. Всякий раз во время отдыха Чингисхан хотел, чтобы его окружали привлекательные женщины, и всегда любил смотреть на девушек за работой. В продолжительные кампании он брал с собой одну из главных жен. Ему нравилось, когда его развлекал оркестр из 17 или 18 прекрасных исполнительниц⁷.

Хотя в юности Чингисхан показал, что может быть храбрым и смелым, и часто рисковал, позже, будучи военачальником, он уже никогда не выказывал бесстрашия. В его понимании роль вождя в сражении намного важнее роли бойца; все формы романтического героизма были чужды его природе⁸. В этом отношении он сильно отличался от другого азиатского завоевателя Тимур-ленга (Тамерлана). Чингисхан осуществлял военные операции лично; но он не считал, что работа верховного военачальника заключается в том, чтобы сражаться в первых рядах конницы.

Однако Чингисхана нельзя обвинить и в недостатке мужества. Тот факт, что он проделал путь от простого племенного вождя до одного из самых могущественных повелителей в мировой истории, показывает, насколько он был храбр. Он никогда не оказывал давления на вассалов и всегда выжидал время, понимая, как опасно потерять расположение союзников. Хотя Чингисхан старался действовать с большой осторожностью, он очень сильно рисковал, нападая с сравнительно небольшой армией на мощную империю Цзинь и позже на огромный султанат Хорезм. То, что обе эти войны были успешны, говорит о гениальности Чингисхана как полководца.

Чингисхан не использовал никаких оригинальных приемов ведения войны. Он просто усовершенствовал методы своих предшественников-степняков. Жесткая дисциплина гарантировала строгое выполнение приказов. Даже основная организация монгольской армии не была придумана завоевателем мира. Однако не вызывает сомнений то, что он сыграл уникальную роль в создании этой безупречной структуры.

Глубокое знание человеческой психологии помогло ему выбирать подходящих военачальников. Обычно при выборе происхождение и возраст не имели для него никакого значения. Военачальникам, которых он выбирал, часто поручались задания, которые те должны были выполнить самостоятельно, в отдалении от основных сил монголов. Ни один из полководцев, на которых завоеватель мира возлагал надежды, никогда не подвел его. Это было следствием его абсолютной власти и уважения, которое он вызывал у всех. Его выбор гражданских советников также говорит о его поразительном умении разбираться в людях. Все они без исключения были способными и верными служащими.

Кроме того, Чингисхан внимательно слушал то, что говорили ему советники. В этой связи показателен тот факт, что, хотя он сам был неграмотным и мог говорить только на монгольском языке⁹, он признал необходимость и ценность введения уйгурского письма в качестве официального алфавита монголов, которые до этого не знали письменности.

До прихода к власти Чингисхана монгольское общество жило в атмосфере вседозволенности. Чтобы установить в государстве общественный порядок, требовалось ввести определенные нормы поведения. При помощи свода законов Ясы и требования полного повиновения Чингисхан оказал огромное влияние на мораль монголов, которые до этого жили в слабоорганизованном обществе. Существенно, что францисканский монах Джованни дель Плано Карпини, посетивший Монголию спустя 19 лет после смерти Чингисхана, заметил, что монголы следовали законам Ясы более неукоснительно, чем европейские католические священники соблюдали свои догматы.

Естественно, гений Чингисхана был не всемогущ. Попытка примирить две противостоящие культуры — кочевую и городскую — стала слабым звеном в его системе, а позже одной из главных причин распада Монгольской империи¹⁰. Но административные системы, которые он создавал в своих подвластных областях, продолжали функционировать в течение 40 лет после его смерти. Это выдающееся достижение; тем более потому, что ни один из его сыновей или внуков не унаследовал его гениальности¹¹. То, что Чингисиды были в состоянии удерживать власть в отдельных государствах, входивших в состав Монгольской империи после ее распада, частично объясняется огромным авторитетом Чингисхана, который сохранялся и после его смерти*.

При жизни его бесспорная власть была силой, связывающей различные лагеря в единую империю. Религиозная терпимость, которая обеспечивала стабильность его власти, была тоже важным фактором, особенно в Средней Азии.

Только четыре сына его первой жены Бортэ имели право наследовать титул отца. Он не был введен в заблуждение военными талантами Толуя или твердостью, с которой Чагатай воплощал в жизнь принципы своего отца. Чингисхан остановил выбор на Угедее, которого многие ценили за благородство и приветливый характер. Поскольку никто из сыновей не унаследовал силы воли отца, возникла необходимость создания правящей коалиции Чингисидов. Единство империи должен был поддерживать тот, кто мог сплотить всех членов. По этой причине старшего сына Джучи нельзя было рассматривать в качестве преемника, поскольку не было уверенности в том, что он сын Чингисхана. Раз среди наследников не оказалось людей с сильной волей и незаурядным интеллектом, престол должен был перейти к человеку с хорошим характером. В правление Угедая империя стала более сплоченной, таким образом сын показал, что смог оправдать надежды своего выдающегося отца¹².

Многие видели в Чингисхане изверга, возвышение которого было сопряжено с кровью; считается, что после его нашествий на месте некогда процветающих городов и центров торговли оставались горы трупов мирных граждан и руины. В особенности мусульмане счи-

* Огромную роль в сохранении Монгольской империи после кончины Чингисхана сыграли его военачальники, сохранившие верность делу великого завоевателя и тем самым продлившие еще на несколько десятилетий единство основанной Темучином державы. (Примеч. науч. ред.)

тали его одиозным убийцей, погрузившим в мертвую тишину больше чем полмира¹³.

Различные источники указывают на кровожадность Чингисхана в его военных операциях. Однако современный беспристрастный исследователь должен сделать вывод, что ни как Темучин, ни позже как монгольский правитель Чингисхан не превосходил своих современников в жестокости и беспощадности¹⁴. Гениальный Чингисхан оставался человеком своей эпохи. Его произвол следует рассматривать в контексте времени и преобладающих социальных условий; было бы неправильно судить об этих поступках с позиции современности. Имена многих других правителей, не уступавших Чингисхану в жестокости, едва известны, это говорит о том, что их деятельность не имеет никакого значения для истории. Во время своих завоеваний монголы убивали невообразимое количество людей и разрушали города, но это было в какой-то степени необходимо, так как они преодолевали огромные расстояния. Численность армии Чингисхана всегда была меньше, чем у его противников. Как и все степные племена, монголы управляли подвластными территориями при помощи террора, а не оккупационных войск. У монголов при Чингисхане оставалось много общего с варварами, и это отражалось и на их приемах ведения войны. Эти кочевники и лесные охотники понятия не имели об оседлом образе жизни. Поэтому они не признавали ценности земледелия.

Чингисхан никогда во время своих масштабных кампаний не совершал больших варварств, чем было свойственно его времени¹⁵. Но, как и завоеватель любого периода, Чингисхан действовал по принципу «цель оправдывает средства» и мог в случае необходимости жертвовать бесчисленными человеческими жизнями и опустошать целые страны.

ИМПЕРИЯ

Монгольская империя не только превосходит по размеру все государства, которые знает история; монгольские завоевания также имели и самые радикальные последствия. После смерти Чингисхана в состав империи входила приблизительно половина открытого на тот момент мира¹⁶. Однако резня людей и разрушения городов не были единственными особенностями операций Чингисхана. Между странами, объединенными под его правлением, начали возникать тесные контакты, которые были невозможны до этого из-за природных условий и беспокойной обстановки. Империя включала два старых культурных центра — Китай и Персию, которые теперь были связаны между собой как области одного государства. Вся Азия была освоена; купцы в особенности выиграли от нового порядка*. Это было возможно, так как после завоевания законы, прописанные в Ясе, автоматически переносились на подвластные территории. Несомненно, кое-где Чингисхан перегибал палку, зато таким образом удавалось достичь безопасности и мира, носящего название *Pax Mongolica*. Персидский историк того времени писал, что в области между Персией и Турфаном обеспечена такая общественная безопасность, что путешественник может беспрепятственно проделать путь от Леванта до Средней Азии с золотым блюдом на голове¹⁷.

Руководитель большого военного соединения был также ответствен за безопасность конной службы гонцов (Яма). Ямы помогали осуществлять сообщение не только между военными и правителями¹⁸ — торговля также получала прибыль благодаря этой службе. По

* Резкий упадок хозяйства стран, покоренных и разоренных войсками Чингисхана, в конечном счете привел к заметному сокращению объема международной евразийской транзитной торговли. Купцы, ранее поддерживавшие завоевания Темучина, в итоге также оказались в числе проигравших. (Примеч. науч. ред.)

безопасным дорогам хлынули потоки товаров, информации, открытий и идей. На смену насилия пришла свобода торговли и передвижения по стране. В последующие годы на территории от Юго-Западной Азии до Китая оказалось огромное количество посольных, торговцев и миссионеров¹⁹. Благодаря *Pax Mongolica* особенно энергично стала развиваться торговля.

Хотя монгольский завоеватель хорошо знал о важности международной торговли, сами монголы не принимали в ней участия. В течение многих лет они торговали только с Китаем: в обмен на меха и кожи они получали от большой соседней страны одежду, пищу и изделия из металла. Наиболее оживленная торговля происходила между средиземноморскими странами и Китаем. Прибыль от этой торговли оставалась долгое время одним из главных финансовых доходов Монгольской империи.

Мнение, что монголы хотели превратить все завоеванные территории в степи, не подтверждено фактами. Описание путешествия китайского философа Чаньчуня показывает, что монголы начинали помогать побежденным странам восстановиться вскоре после окончания сражений. Советники Чингисхана Тататунга, Елюй Чуцай и оба Ялавача смогли убедить его, что он сможет получить больше дохода от преуспевающей страны с развитой городской и земледельческой культурой, чем от кочевников²⁰. В управлении огромной империей, населенной людьми разных наций и представителями различных конфессий, Чингисхан полагался на знания и опыт более развитых стран. Монголы господствовали, но они не были действительно правящим классом. Большую часть административной работы выполняли принятые на службу иностранцы из завоеванных земель²¹. Как все кочевники, монголы не были приспособлены к постоянной работе. Поэтому число монголов на государственных постах было неве-

лико. Эти функции обычно выполняли уйгуры, кидани, китайцы и персы.

До конца жизни Чингисхан был убежден, что уйгурская культура как нельзя лучше подходит для его империи. Мнение завоевателя мира не изменилось даже после того, как он познакомился с китайской и персидской цивилизациями. Елюй Чуцай также не мог его переубедить в этом. Китайская и персидская культуры, естественно, оказывали влияние на монгольское общество, но Чингисхан хотел, чтобы даже после его смерти правящие Чингисиды сохранили кочевой образ жизни и следовали законам Ясы. Для этих целей лучше всего подходила уйгурская культура²². Чингисхан, предполагая, что его род останется у власти навсегда, требовал, чтобы его потомки и монгольская аристократия не прекращали степную жизнь. Этот образ жизни прост и пригоден для любой местности. А Яса, которая, по его мнению, будет актуальна во все времена, как раз регулировала такую жизнь. Таким образом, правящий род сможет господствовать над оседлыми народами.

Даже после того, как под властью Чингисхана оказались более развитые государства, он продолжал придерживаться того же политического курса, что и во время объединения племен Центральной Азии. Каковы бы ни были истинные политические и экономические причины монгольских завоеваний, Чингисхан всегда считал, что действует по приказу Тенгри (Вечного Неба). Преемники Чингисхана последовали его примеру и усовершенствовали эти построения. В их глазах Монгольская империя была не просто государством, но «империей, которая должна стать мировой». Ее создание — воля Тенгри. Согласно этой концепции право управлять миром Вечное Небо даровало Чингисхану и его потомкам. Жителям других государств приказывали повиноваться монгольскому представителю Бога на Земле. Отказ от капитуляции рассматривался как бунт против высших божественных сил²³.

Чингисхан считал государство собственностью своего рода. Основной закон, действующий в его империи, позволял ему, его семье и верным соратникам присваивать себе столько богатства, сколько требуется. Во времена Чингисхана в высших кругах не признавали моральных принципов. Управление страной считалось удовольствием, поэтому Чингисиды называли трон «местом радости»²⁴. Жители цивилизованных стран были для Чингисхана вечными рабами его империи, работа которых заключалась в том, чтобы создавать своим господам приятную жизнь²⁵.

Только потомки Чингисхана могли претендовать на власть. Принцип доминирования Золотого рода никогда не вступал в противоречие с личной властью того, кто стоял во главе империи. Государство должно было оставаться организацией с ханом во главе. Этот хан был в то же самое время главой императорского рода. «Мой титул, — сказал Чингисхан, — может быть унаследован только одним сыном. Мое решение окончательно; я не позволю его нарушить»²⁶.

О том, что владение империей было совместным, говорит распределение племен и земель (улусов) между членами семьи Чингисхана. Размер этих владений варьировался: они могли быть больше или меньше в зависимости от возраста члена семьи. Существовала установленная иерархия, согласно которой каждому члену Золотого рода выдавались воинские соединения, ремесленники и художники. Улусы образовывались только в тех областях, где проживали кочевники. В странах вроде Китая и Персии не было улусов Чингисидов. Однако доходы от Китая и Персии были поделены между Великим Ханом и членами его семьи²⁷. Такими странами, как Китай и Персия, управляли чиновники (даруги), которые были подотчетны центральной монгольской канцелярии. Другие члены Золотого рода не могли вмешиваться ни в финансовые, ни в правительственные дела. Ве-

ликий Хан, имевший свой собственный улус, ремесленников и художников, был, однако, единственным, кто имел власть над ханской гвардией.

Принцип разделения владений между Чингисидами был введен на курилтае (собрании императорского рода и военной аристократии Монголии). На нем же Чингисхан проводил политику сохранения власти над курилтаем за тем, кто стоит во главе империи и правит от имени Вечного Неба.

Контроль различных ветвей Золотого рода передавался из поколения в поколение. Но поскольку улусы начали жить отдельной жизнью и больше не зависели друг от друга, единство огромной империи начало ослабевать. Возникли различные ветви Чингисидов, что привело к стремлению каждой из них уничтожить претендентов на власть. Однако во всех независимых земельных владениях административные установления Чингисхана сохранялись в течение долгого времени. Это еще одно доказательство огромного организаторского таланта монгольского завоевателя.

Желания Чингисхана были в конечном счете позабыты. Его империя разрушилась, и монголы, вышедшие на мировую арену благодаря военному и организаторскому гению своего самого великого соотечественника, не смогли удержать свои позиции. Они были поглощены или вытеснены бесчисленными цивилизованными и кочевыми народами, жившими по соседству. Позже многие монголы вернулись к тому состоянию, в котором жили до рождения их блестящего вождя²⁸. Надеждам Чингисхана на то, что его род навсегда останется у власти в империи, не суждено было сбыться. Яса как свод законов не обладала достаточным влиянием для того, чтобы утвердить ее правовые нормы навсегда и сохранить единство Чингисидов²⁹.

13 По стопам отца

НАСЛЕДОВАНИЕ

После смерти Чингисхана регентом, по обычаю монголов, стал его младший сын Толуй. Как отчигин (хранитель очага и дома) он получил в качестве земельного владения исходную территорию монголов (которая располагается между Ононом и Керуленом). Поэтому Толуй собрал курилтай, который весной 1229 года назначил преемника покойного завоевателя мира. Как отчигин Толуй управлял императорскими резиденциями членов семьи Чингисхана¹ и 101-тысячной монгольской армией во время своего регентства.

Нет сомнения, что Чингисхан завещал свои завоевания к западу от Монголии трем старшим сыновьям. Еще при жизни отца Джучи, Чагатай и Угедей уже имели право на предоставленные им земельные владения. Однако неясно, где проходили их границы. Также непонятно, какими именно правами обладали сыновья, пока Чингисхан находился у власти².

Джучи досталась область между Уралом и Иртышом. На юге его улус простирался до западного побережья Аральского моря, Сырдарьи (до Сигнака) и озера Балхаш; он включал часть восточного побережья Арала³. К моменту смерти Чингисхана улус Джучи уже был разделен среди его сыновей. Орду, старший его сын⁴, получил во владение правый берег Сырдарьи и земли вокруг Сарысу⁵. Бату, второй и самый способный сын Джучи⁶, унаследовал в 1227 году северное побережье

Каспийского моря до реки Урал. Его владение значительно увеличилось после завоевания Южной Руси. Улус пятого сына Джучи, Шейбана⁷, был расположен к северу от владений Бату и Орду и включал в себя область от верховьев Урала до Иртыша; границами улуса были реки Тургай и Иргиз⁸.

Второй сын Чингисхана, Чагатай, получил в наследство территорию бывшего государства каракитаев, а именно области рек Талас, Чу и Или, и Иссык-Куль⁹, но без Самарканда и Бухары. Трансоксианой непосредственно управляло центральное монгольское правительство.

Улус Угедея, унаследовавшего титул отца, включал Ала-куль, Тарбагатай, Черный Иртыш и область, которая простиралась от Алтайских гор до озера Байкал¹⁰. Его резиденция располагалась недалеко от бывшего города Эмиля, в окрестностях Ала-куля¹¹.

Каждый из братьев Чингисхана также получил по владению. Потомкам Хасара достался улус близ рек Аргунь и Хайлар¹². Улус к юго-востоку от Буир-нора, который, по-видимому, включал Корею¹³, отошел к Тэмугэ.

Владения членов семьи Чингисхана иногда вмещали феодалы вассалов. Из одного из указаний Чингисхана явствует, что земли феодалов Ляос (Ляоян) должны были войти в улус Бельгутея¹⁴. Помимо своих собственных владений сыновьям и братьям Чингисхана принадлежали так называемые наследственные феодальные поместья, с которых они получали доходы, хотя и не управляли ими¹⁵. Эти поместья позже стали поводом для многочисленных распрей*.

* Постепенно в XIV в. в Средней Азии и Иране подобные земельные пожалования Чингисидов превратились в так называемые «суюргалы» — наследственные земельные владения, хозяева которых обладали полным налоговым и административно-судебным иммунитетом над своей собственностью и своими крестьянами. Более подробно см.: *Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.; Л., 1960. С. 272—274. (Примеч. науч. ред.)*

НОВЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

По окончании своего регентства¹⁶ Толуй собрал курилтай в 1228 году, на котором должен был быть выбран преемник его отца. Курилтай происходил близ Кодеу-Арала, равнины на левом берегу верховьев Керулена¹⁷. Самые знатные люди империи собрались с одной-единственной целью — исполнить волю Чингисхана, назначившего Угедея правителем Монгольской империи. На курилтае присутствовали Чагатай, Угедей, Тэмүгэ и Бельгутей, каждый с сыновьями, а также сыновья Джучи и Хачиен¹⁸.

Курилтай предложил Угедею «в соответствии с приказом Чингисхана» стать преемником отца¹⁹. Угедей отказался и предложил кандидатуру Толуя, который всегда сопровождал Чингисхана в его походах. Однако собрание не согласилось пойти против желания покойного завоевателя мира, и осенью 1229 году Угедей стал правителем Монгольской империи. В то время как члены курилтая снимали шапки и перебрасывали пояса через плечо, Чагатай и Тэмүгэ стояли по разные стороны от нового хана и вели его к трону отца. Толуй держал в вытянутой руке кубок, а все присутствующие три раза преклонили колени и пропели хором: «Да будет государство благословенно при новом хане»²⁰. Неизвестно, когда именно Угедей получил или присвоил себе титул Великого Хана²¹.

Нет точных сведений о датах рождения сыновей Чингисхана; предполагается, что Угедей родился в 1186 году²². Сначала ему дали другое имя, но, так как оно мальчику не понравилось, его называли Угедеем, что означает «вверх» (подъем)²³. Как и его отец, Угедей был равнодушен к женщинам²⁴. У нового хана было две главные жены, Боракчин и Туракина. Как ни странно, большее влияние имела его вторая жена Туракина. Существует довольно острое замечание о ней: «Туракина не была красавицей, но имела властолюбивый харак-

тер»²⁵. Новый правитель не унаследовал блестящих талантов своего отца, но он был, несомненно, самым умным из сыновей Чингисхана*. Он стал спокойным, добросовестным и проницательным правителем, хотя плохо проявлял себя как руководитель и инициатор. Монгольская империя продолжала свое существование лишь благодаря Ясе и способным министрам Чингисхана. Угедей, активно сотрудничавший с Толуем²⁶, был терпим и великодушен²⁷, но из всех монгольских правителей он имел наибольшую тягу к алкоголю²⁸.

В вопросах политики Угедей в значительной степени полагался на Елюй Чуцая и Чинкаю. Елюй Чуцай оказывал сильное влияние на состав и функционирование администрации, созданной по китайской модели. Он прославился благодаря административным усовершенствованиям, произведенным под его руководством во время правления Угедея, и его постоянным попыткам смягчить безжалостные монгольские порядки в Северном Китае. Задача, которую он сам себе поставил, была сопряжена с огромными трудностями. Никакие реальные преобразования не были возможны без предварительной подготовки Великого Хана и объяснения ему социальной ситуации, с которой он должен был иметь дело в его недавно завоеванной империи. Монголы не интересовались обычаями завоеванных стран, они просто использовали их территории и ресурсы²⁹.

Правитель киданей набирал на государственные посты китайских, тангутских и уйгурских чиновников. Долгое время в администрации преобладали уйгуры, но постепенно китайцы приобрели большее влияние. Помимо Елюй Чуцая, важную роль в центральном правительстве играл кераит Чинкай (один из главных советников Чингисхана). Ни один указ не мог быть принят в Северном Китае, если Чинкай не утвердил его на уйгурском письме³⁰. Вероятно под влиянием своих советников, Уге-

дей провозгласил множество законов во время курилтая, проведенного в 1235 году³¹. Елюй Чуцай хотел ввести бюджет в Монгольской империи и поэтому должен был стандартизировать налоги, которые платили различные народы. Оседлое население должно было платить 10% от своего дохода или урожая, в то время как кочевники должны были сдавать в качестве налога одно животное из каждой сотни. Киданский советник желал запретить чиновникам Монгольской империи принимать от людей подарки. Это противоречило монгольской традиции, поэтому Угедей не мог понять, в чем смысл принятия этого закона. «Пока чиновник не вымогает подарки, почему он не должен их принимать?» — сказал он³².

Хотя известно, что конная служба гонцов (Ям, см. гл. 4) была организована по приказу Чингисхана³³, Угедей принял ряд мер по ее усовершенствованию вскоре после того, как стал новым ханом³⁴. На курилтае 1235 года он объявил о расширении сферы действия этой службы, этот год иногда дается как дата официального открытия Яма³⁵. Чагатай сыграл активную роль в ее становлении³⁶. По всей империи были установлены дорожные станции, каждой из которых управляло несколько чиновников, на каждой имелись лошади, крупный рогатый скот и пища³⁷. В Средней Азии колодцы были вырыты вдоль дорог. Самые важные пути сообщения в империи пролегли между резиденциями Угедея, Чагатая и Бату³⁸. Елюй Чуцай и его помощники обеспечивали дорожные станции запасами зерна³⁹. Усовершенствование и расширение конной службы гонцов, а также выкапывание колодцев Угедей считал своими самыми большими достижениями как правителя⁴⁰.

К 1219 году Чингисхан уже выбрал себе место главной резиденции. Оно располагалось в верховьях Орхона, возле основанного уйгурами в VIII—IX веках города Орда-Балык (Хара-Балгас). Примечательно, что это место находилось не в междуречье Онона и Керулена, но в пограничных районах улусов Угедея и Толуя, по-

лученных ими позже. Мы можем предположить, что с 1220 года это место было центром всей Монгольской империи. Угедей в 1235 году окружил бывшую резиденцию отца стеной; он, как предполагают, является основателем монгольской столицы⁴¹. Он даже посылал за мастерами в Китай, чтобы те украсили Каракорум, как была названа столица⁴². Каракорум никогда не был большим городом. Францисканский монах Виллем Рубрук, который посетил монгольскую столицу в 1254 году, описал ее следующим образом: «Что касается города Каракорума, я могу сказать вам, что, не считая ханского дворца, он меньше деревни Святого Дениса, а монастырь Святого Дениса в десять раз больше этого дворца»⁴³. После того как Хубилай перенес свою резиденцию в 1260 году в Пекин, Каракорум быстро пришел в упадок. В 1585 году на месте или около руин бывшего центра могущественной империи был основан буддистский монастырь Эрдени Ю⁴⁴.

Учреждение постоянной резиденции для правительства помогло Елюй Чуцаю сделать центральную власть более сильной⁴⁵. Но даже после основания столицы истинный монгол Угедей (как и его преемники Гуюк и Мункэ) не мог быть привязан к одному месту. Весной Угедей находился в Каракоруме приблизительно до 21 апреля. Затем он направлялся к озерам и болотам Орхона, к северу от столицы. В конце мая или в начале июня он возвращался в Каракорум, но вскоре после этого двигался в горы к юго-востоку от Каракорума. В конце августа он шел на юг к реке Онгиин, где располагались его охотничьи угодья и зимняя резиденция. В феврале он снова возвращался в Каракорум⁴⁶.

ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРСИИ И КАВКАЗА

Когда Чингисхан направлялся в Монголию после разгрома Хорезма, позади него оставались опустошенные,

полностью разрушенные Хорасан, Афганистан, Центральная и Восточная Персия. На этой территории царила анархия, особенно в областях, разоренных Джебе и Субэдеем, которые после себя оставили полный хаос⁴⁷. В этих провинциях больше не было центрального правительства для того, чтобы восстановить порядок; поэтому реконструкция администрации могла быть осуществлена только на местном уровне. Жители городов, против которых был в основном направлен террор монголов, снова оказались жертвами этой запутанной ситуации.

Очевидное безразличие монголов создало вакуум, чем Джелал ад-Дин Манкбурны, сбегавший в Дели в 1221 году, воспользовался для того, чтобы отвоевать Фарс и Керман в 1224 году. Его младший брат Гияс ад-Дин тем временем обосновался в Исфахане, который Джелал ад-Дин также присоединил к своему султанату. Узбек, атабек Азербайджана, который во время набега Джебе и Субэдея купил неприкосновенность своей земли за счет высоких выплат, должен был в 1225 году признать сюзеренитет нового правителя тех областей⁴⁸. Чтобы укрепить свою власть в Азербайджане, Джелал ад-Дин совершил ряд успешных нападений на христианское государство Грузия между 1225 и 1228 годами. В 1227 году Тифлис (Тбилиси) оказался в его руках⁴⁹. От правителя Георгия IV Лаша, умершего в 1223 году, престол перешел к его сестре Русудан.

Джелал ад-Дин сумел в некоторой степени восстановить свою империю, разрушенную Чингисханом. В 1230 году она включала области Фарс, Керман, Ирак-Аджеми, Азербайджан и Мазендаран; столицами были Исфахан и Тебриз⁵⁰. Во время борьбы за власть новый султан ни минуты не колебался при совершении злодеяний, не менее ужасных, чем сам терпел от монголов; простые люди, уже познавшие жестокость монголов, теперь должны были снова терпеть страдания от рук

необученных воинов хорезмийского султана. Чтобы укрепить свои позиции, Джелал ад-Дин приказал убить своего брата Гияс ад-Дина, которого он считал соперником⁵¹. Сын султана Мухаммеда II был, несомненно, храбрым военачальником, но как государственный деятель он был так же недальновиден, как и его отец. Вместо того чтобы подготовить Персидское царство к возможному возвращению монголов, он выступил против халифа Багдада, который и так уже смотрел на реставрацию султаната Хорезма с большим подозрением. Кроме того, у него были враждебные отношения с султаном Сельджуков Рума и Аюбидами в Сирии⁵².

Тем временем серьезная угроза Джелал ад-Дину появилась на востоке. В 1230 году Угедей послал 30-тысячную армию под командованием Чормагуна-нойона, чтобы положить конец неожиданному возрождению бывшего султаната Хорезма. Армия Чормагуна быстро продвигалась через Хорасан и Рей в Азербайджан, его авангард, достигнув окрестностей Тебриза, застал защитников врасплох⁵³. Джелал ад-Дин был достаточно благоразумным, чтобы как можно быстрее заключить соглашение с Сельджуками Рума и Аюбидами⁵⁴. Примечательно, что достаточно храбрый султан решил уклониться от встречи с монголами. Он бежал к равнинам Мугани и Аррана, затем к Дийар-Бакру. Монгольская конница следовала за ним по пятам точно так же, как десять лет назад она преследовала его отца. Во время побега Джелал ад-Дин терял все больше сторонников⁵⁵. Неизвестно, где султан нашел свою смерть, вероятно, он был убит курдами в 1231 году, когда остался практически в одиночестве. В течение нескольких лет после этого появлялись авантюристы, выдававшие себя за Джелал ад-Дина в надежде воспользоваться его правами⁵⁶.

Чормагун стал военным губернатором в завоеванной им области Персии. Он устроил себе резиденцию на равнинах Мугани и Аррана, которые очень подхо-

дили для зимних квартир для конной армии⁵⁷. Правителем в Хорасане и Мазендаране стал Чин-Тимур, происходящий из каракитаев; он занимал этот пост до смерти в 1235 году. В 1239 году управление Хорасана и Мазендарана было поручено Коргузу; этот уйгур, христианский несторианин и большой друг Чинкая⁵⁸, был компетентным правителем⁵⁹. За десять лет правления Чормагуна (1231—1241) он покорил соседние земли, пользуясь известными монгольскими средствами. Однако его продвижение проходило медленно, частично из-за того, что большое число государств на Кавказе было расположено в неблагоприятных природных условиях. Кроме того, он зачастую получал достойный отпор, особенно от грузин⁶⁰. Дийар-Бакр и его окрестности, где Чормагун проводил военные операции в 1233 году, испытали такие же страдания, как города Трансоксианы и Хорасана в 1220 и 1221 годах⁶¹. Затем Чормагун сосредоточил свое внимание на Кавказе, разрушив Гянджу и вторгшись в 1236 году в Грузию. Царица Русудан бежала из Тифлиса в Кутаиси, и Грузия вошла в состав Монгольской империи как вассальное государство. Одной из последних операций Чормагуна стало взятие городов Карс и Ани⁶².

Чормагун предоставил свободу вероисповедания и христианам, и мусульманам. В 1241 году он внезапно потерял дар речи; титул правителя должен был перейти к его жене до прибытия нового командующего, Байджу-нойона. Байджу, как и его предшественнику, суждено было на долгое время остаться правителем в Персии и на Кавказе (до 1256 года), но он был менее терпим к христианам⁶³. Самым главным достижением Байджу стало окончательное уничтожение власти Сельджуков Рума в Анатолии.

Султанат Коньи, который отделился от государства Сельджуков приблизительно в 1075 году, со временем подвергся такому сильному греческому влиянию, что

практически мусульманский фанатизм его исламского населения смягчился и вся страна фактически приняла христианскую культуру^{64*}. После периода расцвета (1200—1237) государство начало быстро терять свое влияние во время правления султана Кай Хусроу II, который пришел к власти в 1237 году и вскоре показал себя человеком слабохарактерным⁶⁵. В 1242 году монголы вторглись в султанат Коньи. Город Эрзурум был окружен, но его жители оказали сильное сопротивление⁶⁶. Он пал в конце 1242 года и после тотального разграбления был подожжен. Поскольку приближалась зима, монголы возвратились к Муганской равнине⁶⁷. Сельджуки Рума не могли рассчитывать на серьезную поддержку со стороны халифа Багдада и Аюбидов в Сирии и Египте; те должны были решать собственные проблемы.

В начале лета 1243 года Байджу вернулся в Анатолию с 30-тысячной армией, чтобы полностью подчинить Сельджуков Рума. Султан Кай Хусроу II вышел навстречу монголам с 80-тысячной армией, в которую входило подкрепление из вассальных государств. 26 июня 1243 года две армии сошлись возле горы Кеседаг, к северо-востоку от Сиваса⁶⁸. Авангард сельджуков был разгромлен; услышав эту новость, Кай Хусроу бежал на запад со своими основными силами⁶⁹, войска Байджу продолжили наступление и взяли Сивас и Кайсери. Султан отправил к Байджу (который тем временем вернулся к Муганской равнине) посольство с обещаниями выплачивать Великому Хану ежегодную дань, эквивалентную признанию монгольского господства над Сельджуками Рума⁷⁰.

На юго-востоке Анатолии находилось маленькое армянское христианское государство Киликия. Его правитель, царь Хетум I (1226—1269), был способным

* Последний вывод автора достаточно сомнителен. О состоянии культуры в Малой Азии того времени см.: *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. (*Примеч. науч. ред.*)

и проницательным монархом. Как вассал султана Кони, он не мог избежать столкновения с монгольской армией и потому решил добровольно признать сюзеренитет монголов. Таким образом, он предотвратил вторжение армии Байджу. Его примеру последовал атабек Мосула⁷¹.

ВОЙНА В КИТАЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

После смерти Мухули в 1223 году правители Цзинь воспользовались отсутствием Чингисхана для того, чтобы отвоевать многие свои территории у монголов, преимущественно в долине Вэйхэ и в Шенси. В Шенси в их руках оказался город Фучжоу. Чингисхан всегда знал, что империя Цзинь — это противник, к которому нужно относиться со всей серьезностью⁷², этот совет он дал сыновьям на смертном одре⁷³. Он предупредил их, что лучшие войска Цзинь находятся в Тунгуане, укрепленном городе, расположенном между Хуанхэ и горами Чин-Линг, которые возвышаются при подходе к Хэнани. Поэтому Чингисхан советовал сыновьям использовать в своих интересах столетнюю вражду династий Сун и Цзинь. По территории Сун можно добраться до Кайфына. За двенадцать лет до смерти Чингисхан вел переговоры с правителями Сун по этому вопросу⁷⁴; правительство Цзинь узнало об этом и предприняло шаги для того, чтобы сконцентрировать войска в Хэнани.

В 1230 году началось наступление монголов. Сопровождение войск Цзинь было для них неожиданностью. Прежний боевой дух чжурчжэней вернулся. Генерал Цзинь Ван-йен Йи отражал атакующих сперва в восточной части Ганьсу, а затем в долине Вэйхэ. Весной 1231 года монголы под командованием теперь уже Субэдея осуществили еще один набег. Фынсян оказался в их руках, но на юго-востоке от Сиани они снова были отброшены назад Ван-йеном Йи⁷⁵.

Угедей теперь решил последовать совету отца. Он отправил к правителям Сун посла, который был убит. Второй посланник, преодолев существенные трудности, смог заключить соглашение⁷⁶. Угедей вместе с основным корпусом своей армии и комплектом метательного оружия направился в Шанси. После взятия важного в военном отношении города Фучжоу⁷⁷ он двинулся в восточном направлении на северный берег Хуанхэ. Толуй выполнил широкий фланговый охват с 30-тысячной конной армией, сознательно нарушая границы владений Сун⁷⁸. Во время этого марша его войска терпели немалые трудности из-за нехватки пищи и неблагоприятных погодных условий⁷⁹. Толуй сначала пересек Вэйхэ, затем реку Хон, завоевал город Ханьчжун на земле Сун, после чего направился к югу по реке Цзялинцзян. В Сычуани он снова повернул к северо-востоку, в конце января 1232 года снова пересек реку Хон и внезапно появился на территории империи Цзинь⁸⁰.

К февралю 1232 года Угедей пересек Хуанхэ между Туньчуанем и Лояном и захватил Лоян. Возле Ючиена две монгольские армии соединились и почти сразу же сошлись с 15-тысячной армией Цзинь под командованием способного Ван-йена Йи. После ожесточенного сражения, исход которого долгое время оставался неизвестен, чжурчжэни были побеждены. Ван-йена Йи монголы взяли в плен. Толуй, не понаслышке знавший о способностях этого генерала, хотел убедить его пойти на службу к монголам. Гордый чжурчжэнь отказался, даже когда Толуй пытался силой заставить его согласиться. Ван-йен Йи предпочел мучительную смерть службе во вражеской армии⁸¹. После этого проигранного сражения Цзинь сосредоточила все свои войска в Кайфыне и его окрестностях, предоставив победителям остальную часть территории. Угедей окружил столицу; он потребовал от императора Айцзуна отказаться от своего титула и в качестве правителя Хэнани при-

знать сюзеренитет монголов. Цзиньский монарх, чувствуя, что принять это предложение недостойно, ответил отказом.

Угедей и Толуй предоставили осаду Кайфына Субэдею. Эти два брата пошли к северу, в горы, чтобы там провести жаркое лето⁸². Осада Кайфына была сопряжена для монголов со многими проблемами. Мало того что жители столицы государства Цзинь мужественно защищались, они также угрожали монголам тем, что они могут взлететь на воздух: «У Цзинь есть большие минометы, которые режут как гром в небесах»⁸³. Потери монголов были настолько велики, что Субэдей попытался достигнуть своего рода соглашения с императором Айцзуном.

Вероятно, большие потери были не единственной причиной беспокойства Субэдея. Угедей, находившийся с Толуем на севере от Лиин-хутае, серьезно заболел. Неизвестно, что именно произошло с двумя братьями в то время, когда они были там. Через некоторое время Угедей выздоровел, но вскоре после этого умер Толуй, вероятно, из-за непомерного употребления алкоголя⁸⁴. Когда потомки Толуя стали правителями империи, им необходимо было придумать ему более благородную причину смерти, таким образом, была создана легенда, что Толуй пожертвовал собой ради Угедая. Согласно этой легенде тяжелое состояние Угедая вызвало большие опасения. К нему вызвали шаманов для того, чтобы те отогнали болезнь при помощи заклинаний и заговоров. Это не принесло результатов, тогда у Тенгри спросили, может ли какой-либо член семьи умереть вместо Угедая. Был получен положительный ответ, и после этого Толуй решил пожертвовать собой ради брата. Поручив жене и детям заботиться об Угедее, Толуй выпил глоток волшебного напитка и умер⁸⁵. А Угедей вскоре выздоровел. Толуй умер 9 октября 1232 года в возрасте приблизительно 39 лет⁸⁶. Для последующих событий важно то, что Уге-

дей все время советовался с вдовой Толюя, Соркактани⁸⁷. Проницательная Соркактани была, таким образом, в состоянии оказывать некоторое влияние.

В то время как два высших командующих бездействовали, Субэдей должен был взять на себя ответственность за принятие решения. Император Айцзун отклонил его предложение о примирении. Чтобы раз и навсегда положить конец империи Цзинь, Субэдей решил возобновить отношения с Сун в Ханчжоу. Правители Сун были готовы помочь монголам в обмен на Хэнань и Кайфын. Вскоре после того как стороны пришли к соглашению, 20-тысячная армия под командованием генерала Мэн Хуна достигла Кайфына⁸⁸. Сто лет назад Суны совершили ту же самую ошибку: они помогли чжурчжэням во время завоевания киданей; чжурчжэни, как выяснилось позже, оказались куда более агрессивными, чем их предшественники кидани. Теперь, когда господству чжурчжэней подходил конец, китайцы поддерживали новых варваров с севера. То, каким бедствием это обернется для них, станет ясно через тридцать лет.

Ситуация в Кайфыне становилась все более безнадziejной. В 1233 году император Айцзун сумел бежать из осажденной столицы к городу на востоке, окруженному водной преградой. Там он безуспешно пытался убедить Сун изменить свои планы⁸⁹. Весной 1233 года Кайфын покорился Субэдею⁹⁰, предательство цзиньского генерала Цуй-ли ускорило сдачу. Субэдей казнил всех мужчин из династии Цзинь, так же как и всю семью Ваньена Йи. Женщин из императорской династии он сослал в Каракорум. Субэдей также предложил истребить все население столицы, но благодаря своевременному вмешательству Елюй Чуцая эта резня не была осуществлена. Однако разграбление, насилие и поджог были неизбежны после такой долгой осады. Войска Сун также принимали участие в этих действиях⁹¹.

Пока император оставался в живых, нельзя было сказать, что его правление окончено. Монголы и Суны начали преследование Айцзуна, который бежал на юг. Он совершил самоубийство весной 1234 года. Последнее сопротивление Цзинь было подавлено в том же году возле Юнани⁹². Поражение ненавистного врага было торжественно отпраздновано в Ханчжоу. Сун в благодарность за помощь монголы предоставили юго-восточную часть Хэнани и северо-западный Аньхой. Кайфын дарован не был. Монголы, ставшие теперь бесспорными правителями в Северном Китае, сохранили бывшую столицу для себя. После того как Угедей назначил перебежчика Цуй-ли правителем Кайфына, часть монгольских войск ушла в северном направлении. До и во время этого ухода положение населения Цзинь было мучительным, но Елюй Чуцай смог положить этому конец.

Присутствие враждебных монголов на северной границе империи Сун представляло для них серьезную угрозу, но южные китайцы, по-видимому, недостаточно хорошо осознавали это. Император Сун Лицзун (1225—1264) под влиянием нескольких чрезмерно фанатичных советников решился на отчаянный поступок — занять всю Хэнань. В июле и августе 1234 года Лоян и Кайфын покорились Сун, не оказав сколько-нибудь серьезного сопротивления⁹³. Жители бывшей столицы Цзинь убили губернатора Угедея Цуй-ли. Угедей в 1235 году собрал в Каракоруме курилтай и решил наказать Сун. Три монгольские армии вторглись в Китайскую империю. Первая армия под командованием второго сына Угедея, Коктена, пошла на Сычуань. Вторая армия во главе с другим сыном Угедея, Кашином, в марте 1236 года захватила Синьян на реке Хон⁹⁴. Тангутский военачальник Чаган с третьей армией достиг Янцзы возле Ханькоу⁹⁵, затем двинулся против восточной части Хубэй и западного Аньхоя. Сун имели очень квалифицированного полководца в лице Мэн Хуна; он

смог достойно отразить атаку монголов. В 1236 году он нанес им решительное поражение возле Цзянли в Хубэе и освободил 20 000 пленных. В 1239 году Синьян снова оказался в руках Сун⁹⁶.

Успехи южных китайцев не помешали монголам совершать грабительские набеги по всей территории до Янцзы. Действия южных китайцев были несогласованными, что позволило в 1241 году монголам на время завладеть Чэнду в Сычуани⁹⁷. Но это медленное продвижение монголов к югу было лишь предвещением того, что ожидало Сун в будущем.

МУЧЕНИЯ КОРЕЙЦЕВ

Корея (Као-ли) вместе с династией Цуй-ли, которая пришла к власти в 918 году, сформировала независимое государство. С 1170 года правители Кореи только формально были главами государства; реальная власть находилась в руках военных губернаторов⁹⁸.

Первые столкновения монголов и корейцев произошли в 1216—1218 годах. Монголы преследовали на Ляодунском полуострове мятежные войска киданей, которые искали убежища за рекой Ялуцзян, где они захватили множество городов. Монголы попросили корейцев, чтобы те помогли им наказать киданей⁹⁹, и, используя свое вторжение в Корею, обязали корейцев выплачивать дань, которая со временем становилась все более обременительной¹⁰⁰. Смерть Мухули в 1223 году и отсутствие Чингисхана дали возможность сбросить монгольский хомут не только Цзинь, но и Корею. В 1225 году, когда монгольский посланник, передавший все требования, был убит при возвращении домой, обстановка накалилась. Однако монголы в тот момент принимали активное участие в карательном походе в другом месте: выяснение отношений с корейцами пришлось отложить на несколько лет.

Став Великим Ханом, Угедей решил направить войска против Кореи, которую монголы считали частью улуса Тэмугэ¹⁰¹. В конце августа 1231 года сильная монгольская армия под командованием Сартака пересекла реку Ялуцзян — так начался период, в течение которого монголы постоянно пересекали Ялуцзян, чтобы требовать с Кореи дань¹⁰². После захвата Пхеньяна и уничтожения его жителей монголы в конце декабря 1231 года достигли столицы Кореи города Кэсон. Во время своего продвижения захватчики зверски терроризировали местных жителей¹⁰³. После выплаты значительной денежной суммы монголы согласились на предложение корейцев о перемирии и в 1232 году ушли, по пути продолжив грабеж. Военный губернатор решил заключение мира использовать в своих интересах, чтобы переместить резиденцию правительства Кореи на остров Кангва, который находился на некотором расстоянии от западного побережья¹⁰⁴. Позже окажется, что удаление правительства от монгольских захватчиков было мудрым решением.

Для сбора дани монголы оставили приблизительно 70 чиновников в северо-западной части Корейского полуострова¹⁰⁵. Когда большая часть из них была убита, монголы в августе и сентябре 1232 года совершили новое вторжение, снова под командованием Сартака. Это нападение прошло гладко, войска агрессоров без особых трудностей достигли реки Ханьшуй. Сартак погиб во время битвы; корейцы, воодушевленные этим происшествием, оказали яростное сопротивление врагу¹⁰⁶.

На курилтае 1235 года было решено положить конец постоянным всплескам сопротивления в Корее. В сентябре 1235 года монгольская армия под командованием Тангута-баатура и Онг-Погвана снова пересекла Ялуцзян¹⁰⁷. Войска направились сначала к восточному побережью полуострова, а весной 1236 года начали наступление. Монголы достигли Кучжу через Анджу в

сентябре и к началу зимы были уже к югу от реки Ханьшуй. Корейцы не предприняли никакой попытки открыто встретить монголов, их сопротивление приняло форму партизанской борьбы. Однако этот метод борьбы с захватчиками был неэффективным, главным образом потому, что само корейское население несло большие потери. Просьба заключить перемирие увенчалась некоторым успехом, поскольку монголы ответили на него согласием и отвели часть армии; но оставшиеся войска продолжили терроризировать население. Порабощенные корейцы пытались изменить ситуацию, возобновив партизанскую борьбу¹⁰⁸, но потери, которые они при этом несли, были так велики, что корейские лидеры были вынуждены в 1238 году снова пойти на переговоры с завоевателями. В течение двух лет посланников отправляли в Каракорум и отсылали назад; только после того, как родственник правителя был прислан в столицу Монголии в качестве заложника, в 1241 году с корейцами был заключен мир¹⁰⁹.

14 Монгольские захватчики в Европе

РАЗОРЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В начале X века Киевское княжество стало самым мощным на Руси. Во время правления Святослава (964—972) территория его значительно увеличилась. После смерти князя велись споры о преемнике, и в 980 году на престол вззошел его сын Владимир. Самым важным его достижением стало принятие Русью христианства; к концу X века почти все русское население приняло эту религию*. Во времена Ярослава (1036—1054) Киев достиг наибольшего расцвета; его точные границы неизвестны, но можно с уверенностью сказать, что оно простиралось до Ладоги на севере, Владимира и Суздаля, Рязани и Курска на востоке, до Днестра на юге и Минска на западе¹.

После смерти Ярослава в 1054 году его княжество было поделено между сыновьями на множество фактически самостоятельных областей. В XII и начале XIII века самыми важными из них стали Киев и Чернигов на юге, Галич и Волынь на западе, Смоленск в центре и Владимир, Суздаль и Рязань на северо-востоке. На севере находилась независимая Новгородская республика². После этого разделения Киев продолжал

* Как известно, реальный процесс христианизации Руси был гораздо более длительным. Еще в XIV в. в сельской местности были сильны позиции фактически неизжитого язычества. (*Примеч. науч. ред.*)

сохранять значимость как культурный и религиозный центр, но его политическое господство в некоторой степени уменьшилось. Раскол Руси привел к постоянной подозрительности и вражде между княжествами, и русские князья не стеснялись обращаться к другим народам с просьбой помочь им в их спорах.

Среди тех, кто использовал в своих интересах это отсутствие единства, были тюркские кочевые племена, совершавшие набеги на Южную Русь. Одними из них, пытавшихся извлечь выгоду таким образом, были половцы, вторгшиеся на южнорусские равнины в конце XI века и основавшие там большое государство. Хотя половцы и русские князья часто вели войны друг против друга, к концу XIII века ситуация изменилась и князь Мстислав Галицкий даже женился на дочери половецкого хана Котяна (см. гл. 9). На северо-западе Руси в XII веке также возникла опасность — вторжение рыцарей Тевтонского ордена в Прибалтику. Однако ничто не могло заставить русских князей прекратить их бесконечные междоусобицы. Даже нападение монголов под командованием Джебе и Субэдея в 1223 году не подтолкнуло их к объединению, теперь же им предстояло столкнуться с одной из самых серьезных угроз в истории Руси: вторым вторжением монголов.

После курилтая 1229 года Угедей послал опытного военачальника Субэдея на запад для проведения разведки¹. Ее результаты неизвестны. По-видимому, она была нацелена на сбор информации для крупной операции, которая должна была начаться через семь лет. Во время курилтая 1235 года было решено послать большое войско к западу для завоевания волжских булгар, половцев и русских. Командование этой армией было поручено Бату, второму сыну Джучи. Его приблизительно 50-тысячная армия сформировала основное войсковое подразделение, которое шло на запад. По приказу Угедея другие улусы прислали подкрепления. Общая численность армии Бату,

должно быть, составляла приблизительно 120 000 человек^{4*}. По всей вероятности, войска преимущественно состояли из тюркских племен, в то время как высшее командование было целиком в руках монголов. Самой важной фигурой в этой кампании был Субэдей, тогда ему было около шестидесяти лет. Командующими при Бату стали его братья Орду, Берке** и Шейбан, два сына Угедея, Гуюк и Кадан, сын и внук Чагатая, Байдар и Бури, и, наконец, два сына Толуя, Мункэ и Бечак⁵. Помимо Субэдея в армии были и другие военачальники. Не все имена бывших командующих Чингисхана известны; одним из них был Бурундай⁶. Первоначально Угедей намеревался лично руководить проведением этой операции⁷.

Кампания была подготовлена Бату и Субэдеем заранее с большой скрупулезностью, как было принято при Чингисхане. Разведчики были отправлены для сбора сведений⁸. Первой целью монголов стал Булгар — столица волжских булгар. Это племя в течение нескольких столетий принимало активное участие в торговле между Средней Азией и Восточной и Северной Европой⁹. Осенью 1236 года Булгар был завоеван Бату и Субэдеем¹⁰; разрушенный город был быстро восстановлен¹¹. Часть булгар бежала на запад искать убежища, которое и было им предоставлено на Руси¹².

Одновременно с завоеванием булгар монголы осуществили нападение на половцев (или кипчаков), которые жили на Волге. Они также были побеждены. Бачман, командующий половецкими войсками, бежал к острову на Волге. Зимой 1236/37 года Мункэ нашел его там и взял в плен, после чего он был жестоко казнен¹³.

* Приводимая автором данная цифра вызывает большие сомнения. Большинство исследователей склоняется к тому, что у Бату реально было войско в 60—70 тысяч человек. (*Примеч. науч. ред.*)

** Берке не принимал непосредственного участия в данном походе на Русь (*Бартольд В. В. Беркай // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 503.*) (*Примеч. науч. ред.*)

Большая часть половцев бежала на запад, но многие из них признали господство монголов. Этот тюркский народ, союз племен, позже сформировал ядро Монгольского ханства в Южной Руси: оно было даже названо по имени этого народа. Одно из названий, под которым владение (улус) Бату известно в истории, — Кипчакское ханство¹⁴.

Хотя русские князья понимали, что завоевание волжских болгар было подготовкой к вторжению в их собственные земли, они не предприняли никаких шагов для отражения монгольской угрозы. Даже не стояло вопроса о создании объединенного войска. Эта военно-политическая раздробленность облегчила задачу монголов. В декабре 1237 года они совершили первое нападение на русское княжество. Когда рязанский князь категорически отверг предложение сдаться добровольно, его столицу окружили и 21 декабря, после всего пятидневной осады, захватили. Князь Юрий и его жена были казнены¹⁵. Затем монголы двинулись дальше к Коломне, где княжил Роман (брат Юрия). Князь Владимиро-Суздальский тщетно пытался снять осаду Коломны. Во время этой осады был убит Калган, сын Чингисхана, и его мать, вдова Темучина — меркитка Кулан¹⁶. После недолгой осады этот город также пал. Во время битвы князь Роман был убит¹⁷. В Рязанском княжестве монголы разрушили множество городов до основания, после чего они исчезли навсегда со страниц истории, их руины многие годы представляли грустное зрелище¹⁸.

Традиция Чингисхана нападать на важный город только после того, как множество соседних городов будет захвачено, была поддержана Бату и Субэдеем на Руси. Поэтому тогда они не тронули Владимир, столицу князя Юрия II. Бату пошел на Москву, тогда не представляющую особой значимости. После непродолжительной осады город пал и после традиционного раз-

граблениа был подожден¹⁹. Князь Юрий оставил Владимир и вместе с войском направился на север. Его столица была окружена монголами и 8 февраля взята штурмом. После чего последовали привычные злодеяния. Большинство горожан пряталось в церквях, надеясь, что там они будут в безопасности. Однако монголы, не знавшие о значении церквей*, поджигали их, и люди внутри сгорали²⁰. Семья Владимиро-Суздальского князя была казнена²¹. В то же самое время Бату окружил Суздаль, вскоре и этот город пал.

Тогда монголы повернули на северо-запад, туда, где их поджидал князь Юрий II со своей армией. Переяславль, Ярославль и Тверь последовательно оказались в руках монголов. Юрий, находившийся на реке Мологе, был, таким образом, изолирован от своих собственных княжеств. 4 марта 1238 года его армия была разгромлена на реке Сить, и сам он погиб в сражении²². На севере оставалась только торговая Новгородская республика. Ничто, казалось, не могло остановить продвижение монголов или предотвратить завоевание этой республики. Город Торжок, однако, не желал сдаваться без боя. Он сдался только после двух недель осады, 23 марта 1238 года. Эти две недели стали решающими для дальнейших операций на севере. Начиналась оттепель, сделавшая невозможным дальнейшее продвижение монгольской конницы**. Новгород был спасен, ему не суждено было понести поражение от рук монголов²³. Бату вынужден был скорее двигаться на юг, чтобы не оказаться отрезанным бездорожьем.

* Утверждение автора о том, что монголы не представляли культурного значения христианских храмов, в том числе православных церквей, неубедительно. (*Примеч. науч. ред.*)

** В отечественной литературе встречаются и другие версии объяснения отказа монголов от дальнейшего наступления на север. Так, некоторые историки считали, что монголы тогда вообще не планировали захвата Новгорода Великого. (*Примеч. науч. ред.*)

Город Козельск также представил серьезное препятствие: монголы осаждали его в течение семи недель²⁴.

Завоевав некоторые княжества в Северо-Восточной Руси, Бату решил в оставшиеся месяцы 1238-го и в следующем году подчинить половцев Южной Руси и племена Северного Кавказа²⁵. Операции против половцев проводил брат Бату Берке. После непродолжительной борьбы половцы в 1238 году признали господство монголов²⁶. Хан Котьян бежал с 40 000 соотечественников в Венгрию, чтобы там искать убежища²⁷. В то время как Шейбан и Бури пошли в Крым, Мункэ и Кадану было приказано ослабить племена на Кавказе²⁸. Жившие там аланы и черкесы в 1239 году были вынуждены принять сюзеренитет монголов²⁹.

Весной 1240 года войска Бату, реорганизованные и пополненные новыми подкреплениями, возобновили продвижение на запад. Земля половцев стала плацдармом для наступления Киевское княжество. Хотя точные факты и их последовательность неизвестны, предполагается, что, перед тем как напасть на крупный Киев, летом 1240 года монголы взяли Чернигов и Переяслав³⁰. Михаил — князь Киевский и Черниговский — бежал в Венгрию, а оттуда в Силезию³¹. Командование войсками обороны Киева перешло к воеводе Дмитрию. Мункэ, которому Бату приказал напасть на Киев, хотел сохранить такой важный город³² и спросил, согласны ли его жители сдаться добровольно. В ответ последовал категорический отказ, а его посланники были казнены³³. Этот поступок решил судьбу тех, кто его совершил.

Большая часть монгольской армии, включая всех принимавших участие в этой кампании Чингисидов, собралась перед большим городом³⁴. Защитники во главе с Дмитрием доблестно боролись, но были неспособны противостоять нападению. 6 декабря 1240 года после нескольких дней осады Киев пал³⁵. Город, имевший

для русских огромное значение, был разграблен и разрушен. Джованни дель Плано Карпини, который через шесть лет во время своей поездки в Монголию проезжал через Киев, так описал то, что осталось от некогда роскошного города: «Многие ценные произведения искусства и архитектурные памятники превратились в обломки»³⁶. Поражение означало конец Киева как резиденции великого князя и митрополита Руси³⁷. Древняя Русь лишилась своего сердца.

После этого важного успеха монголы прошли дальше на запад. Множество городов было захвачено: одни — силой оружия, другие — хитростью³⁸. Среди них были Каменец (Подольский), Владимир (Волынь) и Галич. Земли между Владимиром и Галичем, граничащие с Польшей, сдались добровольно, и именно там Бату устроил зимние квартиры. Большинство русских князей, включая Даниила Галицкого, бежало в Венгрию и Польшу³⁹, это обстоятельство заставило монголов обратить свой взор на эти две страны. В особенности на Венгрию, как страну, принявшую изгнанных куманов, тем самым пробудившую интерес к ней монголов. Дорога к этим центральноевропейским государствам была открыта для азиатских завоевателей. Традиционно считается, что пленный киевский воевода Дмитрий сказал Бату, что монголы были достаточно мудры, чтобы напасть на Венгрию⁴⁰ *.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА НА КРАЮ ПРОПАСТИ

В начале XIII века Центральная Европа была поделена на множество не совсем спокойных монархий. Эти слабые государства поддерживали частые контакты со Священной Римской империей германской нации. Одно из них, Богемия, стало в 1212 году с помощью германского императора независимым государством. Король

* Данная фраза носит сугубо легендарный характер. (Примеч. науч. ред.)

Богемии Венцеслав I с большим почтением относился к своему мощному соседу, особенно после женитьбы на принцессе из императорской семьи. Однако Богемия не достигла настоящего единства. Расположенное в сердце Европы, это государство было ослаблено внутренними проблемами.

На равнинах возле Вислы герцоги Пясты создали довольно могущественное государство во второй половине X века. С аннексией Силезии, достигнутой Болеславом Храбрым (992—1025), территория герцогства существенно увеличилась. После того как герцог Болеслав Храбрый смог освободиться из-под господства германского императора, он стал королем Польши. Бесконечные ссоры о преемнике ослабили его власть. Во время нашествия монголов на Русь власть короля Болеслава IV фактически не распространялась дальше герцогства Сандомежа и Кракова. В Польше было три герцога, которые больше не признавали Болеслава сюзереном. Из них герцог Силезии Генрих II (Благочестивый) был самым могущественным. Двумя другими были Конрад Мазовецкий и Мечислав, герцог Опельна и Ратибора (современные польские Ополе и Рацибуж). Король Болеслав IV предпринимал постоянные попытки вновь установить власть над этими тремя герцогами, поэтому в стране не прекращались междоусобицы, что привело Польшу к ситуации такой же раздробленности, как и на Руси. Воинственный Тевтонский орден оказался на Балтийском побережье большей угрозой для Польши, чем когда-то для Руси. Поляки не только были оттеснены рыцарями с побережья, но еще и литовцы, которые также были вынуждены уйти с берегов Балтики, решили восполнить свои территориальные потери за счет Польши.

Более мощным, чем эти две монархии, было государство Венгрия, которое образовалось в начале XI столетия. Постепенно венгерские короли сумели расширить

свою территорию до Карпат и Трансильванских Альп. На юге они даже достигли Адриатического моря. Как и в Польше, каждое вступление на венгерский престол давало начало серьезной вражде среди членов королевской семьи, это обстоятельство позволяло германским и византийским императорам в свою очередь вмешиваться в дела Венгрии. С восшествием на престол короля Бела III (1173—1196) начался славный период в истории Венгрии. Бела был превосходным предводителем, в управлении государством он полагался на знание византийской и французской культуры. Настоящим ударом для Венгрии стало тридцатилетнее правление Андраша II (1205—1235). Этот легкомысленный и беспринципный монарх, казалось, хуже всех подходил для того, чтобы продолжить начатое Белой III. Крупные феодалы воспользовались слабой королевской властью⁴¹. Венгерская корона все больше покорялась власти знати. Когда король Бела IV вззошел на трон в 1235 году, он столкнулся с ситуацией почти полной анархии, вызванной независимым поведением аристократии.

Бела IV начал свое долгое правление с самыми лучшими намерениями. К сожалению, хотя он и достиг многого как поборник мира, хорошим военачальником он не был⁴². В 1239 году хан Котян просил венгерского короля позволить половцам, бежавшим из Южной Руси, поселиться в его государстве. Бела согласился при условии, что половцы примут католичество и присягнут в верности королю. Они должны были обосноваться в центральной части Венгрии. Но одна проблема существенно затруднила интеграцию половцев: венгерское население, которое в XIII столетии жило главным образом сельским хозяйством, было неспособно принять кочевников из южнорусских степей⁴³. Король принял их в надежде пополнить свою армию этими кочевыми конниками⁴⁴.

Бату послал Беле ультиматум. «Я услышал, — сказал он, — что Вы приняли половцев, теперь мои подданные

под Вашей защитой. Я приказываю Вам отослать их, поскольку, отняв их у меня, Вы стали моим врагом. Им легче бежать, чем Вашим людям. Они живут в шатрах, в то время как Вы живете в домах и городах». Бату также выражал недовольство в своем послании тем, что гонцы, вероятно около тридцати из них, которых он послал к Беле, не вернулись⁴⁵. Многие из этих посланников были взяты в плен русскими князьями; некоторым из них все же удалось добраться до Венгрии⁴⁶. Убийство гонцов всегда сильно возмущало монголов; поэтому обвинение Бату указывает на серьезный просчет со стороны Бела. Странно, что такой человек, как король Бела IV, совершил эту ошибку. Он был одним из немногих европейских королей, которые желали узнать что-то о монголах, когда те вторглись в Европу в 1236 году. Он посылал нескольких гонцов к Бату. Один из них, доминиканец Юлиан, после посещения монголов в 1237 году возвратился к Беле⁴⁷. Не отсылая половцев обратно, Бела достиг того, что нападение на его государство стало неизбежным. Возможно, король был уверен в себе, поскольку венграм всегда удавалось успешно отражать нападения кочевых племен из южнорусских степей⁴⁸.

Бату и Субэдей должны были принять во внимание возможность нападения с севера во время их намеченной кампании против Венгрии. Вероятность, что это может произойти, была невелика ввиду взаимоотношений правителей, но вмешательство Польши и Богемии, при возможной поддержке германского императора, не исключалось. Чтобы противостоять такой угрозе и защищать северный фланг основного войска, идущего против Венгрии, было решено совершить одновременное нападение на Польшу. Субэдей, который был, несомненно, идейным вдохновителем составления плана нападения, здесь решил использовать один из принципов Чингисхана: защищать фланг, находящийся под угрозой, в начале наступления.

Географически Польша была более открытой, чем Венгрия и Богемия, которые были в некоторой степени защищены горной цепью Судетов, Бескид и Карпат. Любопытно, эти три страны, каждая из которых имела небольшое число укреплений, не начинали подготавливать свои армии до тех пор, пока монголы не оказывались на их границах⁴⁹.

Область, откуда армия Бату начала свой марш на запад, находилась между Владимиром и Галичем, где были устроены зимние квартиры. В начале февраля 1241 года войска, направленные в Польшу, начали свое продвижение. Командующими этого контингента, состоящего приблизительно из 30 000 человек⁵⁰, были Орду и Байдар, последний известен в европейской истории под именем Пета. Вероятно, монгольская армия двигалась двумя колоннами; считается, что та, которой командовал Орду, повернула через Мазовию⁵¹. Это возможно, но маловероятно⁵². Чтобы защитить основную армию прикрытием фланга, было и нежелательно и ненужно разделять войска, идущие на Польшу.

13 февраля 1241 года монголы пересекли по льду Вислу. Город Сандомир был взят и разграблен согласно освященному веками монгольскому обычаю. Продвинувшись дальше на запад, 18 марта возле Хмельника Орду и Байдар сошлись с польской армией под командованием короля Болеслава IV. Полякам было нанесено сокрушительное поражение, и Болеслав с частью войск бежал в Моравию⁵³. 22 марта монголы встали перед Краковом. Многие из жителей уже бежали. В Вербное воскресенье монголы подожгли город и взяли с собой большое число людей, не успевших бежать⁵⁴. Направившись дальше на запад, Орду и Байдар достигли места восточнее Ополе, где они вынудили армию герцога Мечислава отступить. Возле Рацибужа они пересекли Одер. Рацибуж был подожжен его жителями, когда те оставляли город. Бреславль (современный Вроц-

лав) оказался в руках монголов, хотя сама цитадель не сдалась. После того как их первое нападение на крепость закончилось неудачей, монголы решили не тратить времени на осаду. Они обошли цитадель города и устремились к западу⁵⁵.

Целью Орду стала армия герцога Силезии Генриха II, которая стояла возле Легнице (современная Легница). Герцог командовал приблизительно 30 000 человек, среди которых помимо силезцев были подданные герцога Ополе и Рацибужа. Беглые отряды из армии короля Болеслава тоже присоединились к армии. Герцога Генриха также поддержали немецкие рыцари, имевшие владения в Силезии. Однако ни одна соседняя страна не пришла ему на помощь. Его шурин, король Богемии, находился в пути, но его армия продвигалась очень медленно и не прибыла вовремя⁵⁶. Воюющие стороны встретились 8 апреля возле Легнице⁵⁷; монголы отступили 9 апреля. Генрих с его разнородной армией начал слишком поспешное преследование; после непродолжительного отступления Орду и Байдар продолжили наступление. На Катц-брук близ Вальштадта, приблизительно в десяти километрах от Легнице, произошло сражение, закончившееся полным поражением силезско-польской армии. Герцог Генрих пытался бежать, но был убит, как и многие немецкие рыцари⁵⁸. Герцог Мечислав в цитадели Легнице, так же как и в Бреславле, начал оказывать сопротивление⁵⁹. Казалось бы, после этой победы Орду и Байдар должны пойти далее на запад⁶⁰, поскольку путь туда был открыт для них. Но они этого не сделали. Через два дня после сражения при Легнице Бату одержал решительную победу в Венгрии; прикрытие фланга с севера было успешным. Монголы повернули на юг к основным силам Бату.

Король Богемии Венцеслав, осознавший, что не сможет один бороться против огромной армии Орду и Байдара, решил отступить в гористую местность Боге-

мии и Моравии, где монгольская конница не сможет действовать в полную силу. Этот шаг не характеризует Венцеслава как храброго полководца, зато, таким образом, он смог спасти Богемию от разграбления и сохранить свою армию.

Нападение монголов на Глац (ныне Клодзко) не удалось; они обнаружили, что узкие горные перевалы как нельзя лучше подходят для нападений богемской армии⁶¹. Орду и Байдар разбили лагерь в окрестностях Отмухова (между Ополе и Клодзко) и оставались там в течение приблизительно двух недель. В начале мая 1241 года они вошли в Моравию. Все небольшие, незащищенные населенные пункты были разграблены. Когда попытка взять город Оломоуц ни к чему не привела, они прошли в Венгрию через Брно и присоединились к главной армии Бату. Богемия была оставлена в покое, но Моравии пришлось немало вынести. Сильным разрушениям подверглись Польша, Силезия и Моравия⁶².

Через четыре недели Орду и Байдар направились в Польшу, а главная армия Бату пошла дальше. По-видимому, Бату и Субэдей хотели узнать итоги польской операции перед тем, как двинуться к основной цели кампании — Венгрии, помня известный принцип Чингисхана, согласно которому они должны были быть с самого начала уверены в безопасности фланга, находящегося под угрозой. Они разделили оставшиеся позади войска на три колонны: главная сила состояла приблизительно из 40 000 человек, левый и правый фланги — из 10 000—20 000 человек каждый. Это разделение было, очевидно, сделано для того, чтобы ускорить продвижение через карпатские перевалы.

Главная армия под командованием Бату и присоединившиеся к ней войска Субэдея и Бурундая 11 марта 1241 года преодолели карпатские перевалы южнее Галича⁶³ и продолжили движение в южном направлении к области между Ужгородом и Мукачево⁶⁴. Там монго-

лов поджидала венгерская армия, которая 12 марта понесла тяжелое поражение⁶⁵. Большое число пленников попало в руки монголов и было поставлено в авангарде⁶⁶. 15 марта Бату и Субэдей достигли Дуная и расположили свои войска перед Пештом. Король Бела IV сосредоточил войска на западном берегу. По-видимому, армия венгерского короля не была полностью укомплектована: он не вступил в сражение с Бату еще до того, как к тому присоединились войска Шейбана.

Северной колонной наступающей армии командовал Шейбан. Он двигался по верховьям Вислы и через Яблунковский перевал к бассейну рек Ваг и Моравы⁶⁷. Шейбан получил приказ продвигаться как можно быстрее, поскольку по плану он и Бату должны были достигнуть Пешта почти одновременно. По этой причине разграбления во время марша были запрещены. С поразительной для того времени скоростью Шейбан несся вперед, вынуждая свою армию преодолевать в день до 75 километров. 17 марта он достиг Дуная возле Ваца⁶⁸. Взяв этот город штурмом, он обосновался на северо-западе от Бату.

Южнее Бату через Молдавию и Трансильванию к Венгрии продвигалась колонна под командованием Кадана. Задача Кадана состояла, вероятно, в обеспечении безопасности и проведении разведки. Вскорости эта колонна разделилась: одна из ее частей под командованием Кадана взяла города Бистрицу и Гросвардейн (ныне Орадя) и затем двинулась по реке Кереш⁶⁹; другая под командованием Бечака направилась на юг через древние немецкие поселения Германштадт и Вайзенбург (ныне Алба-Юлия и Сибиу соответственно) к реке Муреш, где она безжалостно разгромила города Арад и Сегед⁷⁰. Во время этого марша войска Кадана и Бечака были очень жестоки по отношению к местным жителям.

Пока монгольская армия продвигалась к Пешту, венгры ополчились против половцев частично потому,

что кочевники из Южной Руси не выказывали достаточного почтения жителям приютившей их страны, и частично потому, что у них были причины полагать, что половцы сражаются на стороне монголов против венгров. У монголов было принято пополнять свою разнородную армию подкреплениями из покоренных племен. Венгры, и до того враждебно относившиеся к половцам, узнав об их предательстве, штурмовали ставку половецкого хана Котяна и убили его и его сторонников. После этого инцидента большое число подданных Котяна направилось на юг, но перед этим половцы отомстили, заколов столько венгров, сколько смогли⁷¹.

Бату и Субэдей совершили успешное нападение на венгерскую армию, расположившуюся позади Дуная. В соответствии с обычной тактикой монголов они стали медленно отступать в восточном направлении⁷². Король Бела последовал за ними. Возле того места, где Гернад впадает в Сайо, на левом берегу Гернада, Бату и Субэдей решили расположиться. На равнинах Мохи, к юго-западу от лагеря Бату, Бела потребовал остановки. Здесь он показал себя плохим командующим: свою приблизительно 65-тысячную армию⁷³ он расположил лагерем на слишком маленьком для той прострaнстве. Кроме того, он окружил свои войска кольцом подвод, привязанных друг к другу цепями и веревками, вероятно предполагая, что это поможет защитить их от нападения монголов. Он не понимал, что тем самым он блокирует свои собственные войска. В таком положении обе армии находились вечером 10 апреля 1241 года⁷⁴.

Учитывая маршрут следования, маловероятно, что Кадан и Бечак соединились с войсками Бату на равнинах Мохи перед сражением. Численность монголов была меньше, чем у венгров; последние, однако, находились в невыгодном положении из-за неопытности их командующих. И при этом венгерская армия не могла сравниться в дисциплинированности и храбрости с войсками Бату.

Вечером 10 апреля русский дезертир из монгольского лагеря перешел на сторону венгров. Он сказал им, что Бату и Субэдей начнут сражение ночью. То, что король Бела не принял никаких мер предосторожности и оставил свои войска в блокаде, еще одно свидетельство его бездарности. Той ночью монголы действительно начали нападение. Бату, сопровождаемый его братом Шейбаном, повернул на север и пересек реки Гернад и Сайо. Субэдей и Бурундай перешли вброд реку Сайо, к востоку от его слияния с Гернадом; там они ожидали результатов выступления Бату. Его попытка перейти на западный берег Сайо по мосту была вовремя пресечена венграми, и отряд во главе с братом Бела Коломаном отбросил монголов назад. Венгры ликовали. Бату повторил свои попытки сделать укрепление под мостом западнее Сайо, тогда венгерская армия сосредоточила все свое внимание на его войсках. Вероятно, этого и добивались Бату и Субэдей. Выжидавший время Субэдей смог беспрепятственно перейти Сайо на юге и приблизиться к равнине Мохи. В скором времени армия короля Бела была окружена и большей частью заключена в узкое кольцо, откуда не было выхода. Утром 11 апреля 1241 года эта ситуация разрешилась. Толпа венгров уже поняла, что сопротивление бесполезно, и использовала брешь, которую удалось сделать во вражеских рядах, чтобы бежать. Эта уловка имела желательный для монголов результат: они начали преследование венгров и уничтожили большую их часть. Многие венгерские дворяне погибли. Король и его брат Коломан сумели бежать, хотя тяжело раненный Коломан позже скончался. Через пять дней после сражения на равнинах Мохи большой город Пешт оказался в руках монголов. После разграбления город подожгли⁷⁵.

Король Бела бежал к Аграму (современный Загреб). До зимы 1241/42 года он мог удерживать свою террито-

рию к западу от Дуная частично потому, что река представила серьезное препятствие, и частично потому, что монголы использовали лето для реорганизации и отдыха их армии. В области, занятой Бату, монголы устроили такой же террор, что и в Китае, и в Хорезме. Большая часть мужского населения была выдвинута в первые ряды против защитников осажденных городов. Монголы поощряли венгров, которые возвращались для сбора урожая. Но после этого уже ничто не препятствовало захватчикам проявлять обычную жестокость; при этом они не щадили даже женщин и детей⁷⁶. Как и после всех остальных завоеваний, монголы быстро сформировали правительство, которое осуществляло строгий контроль и заботилось в первую очередь об обеспечении нужд армии. Тем не менее нормальная жизнь людей была в некоторой степени восстановлена⁷⁷.

Зима 1241/42 года оказалась необычно суровой; даже Дунай покрылся льдом. Бату решил воспользоваться этим обстоятельством на Рождество 1241 года, чтобы перейти реку возле Эстергома. Монголы осмелились вторгнуться даже в Священную Римскую империю. В июле 1242 года они достигли Нойштадта, расположенного южнее Вены. Бату послал Кадана с войсками на юг, чтобы те захватили короля Белу, который бежал от преследователей на побережье Адриатического моря. Когда стало очевидно, что даже там король не в безопасности, он переместил свой двор на удаленный от побережья остров⁷⁸. Кадан следовал за ним до Сплита, но не предпринял попытки захватить короля на острове. Вместо этого он обратился против Словении, Хорватии и Боснии, куда бежали люди, надеясь в горах укрыться от страшных захватчиков⁷⁹.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОНГОЛИЮ

В марте 1242 года монгольской армии достигла весть о том, что в Монголии 11 декабря 1241 года умер Угедей.

Это стало серьезным потрясением и препятствием для дальнейшего продвижения монголов на запад. Чингисиды, находящиеся в Европе, были заинтересованы в том, чтобы посетить курилтай, на котором должны были выбрать нового Великого Хана. Конечно, Бату (который тогда не знал об интригах регентши Туракины, описанных в гл. 15) имел все причины вернуться в Монголию прежде, чем состоится курилтай.

Во время европейской кампании произошел серьезный инцидент. Бату поссорился с двумя своими родичами: Гуюком, старшим сыном Угедея, и Бури, внуком Чагатая. После победы над русскими в 1240 году монголы устроили пир⁸⁰, на котором Бату, как высший военачальник, должен был первым выпить один или два кубка вина. Гуюк и Бури думали, что Бату не дана такая привилегия, и Бури оскорбил Бату. Харкасун, внук брата Чингисхана Хачиена, встал на сторону Бури и Гуюка. Страсти настолько накалились, что эти трое стали грозить Бату, что побьют его и привяжут к столбу. Монголы были очень щепетильны в вопросах статуса и иерархии, и вопрос старшинства часто становился поводом для вражды, особенно на пирах и собраниях⁸¹. Бату пожаловался Угедею на поведение трех непослушных родичей, тот решил, что разумно будет отозвать всех троих в Монголию.

Мункэ возвратился с ними, хотя в этом споре он был на стороне Бату. Неизвестно, каковы были причины его отъезда, но в свете дальнейшего развития этой вражды не исключено, что Мункэ отправился в Каракорум как защитник Бату. Сначала Угедей был склонен расценивать поведение трех провинившихся родичей как серьезный проступок. Он даже объявил, что не желает принимать своего сына Гуюка; только после его смерти Гуюк вернулся в Монголию⁸². Угедей попросил Чагатая разобраться с Бури. Сам Великий Хан желал сурово наказать двух других за нарушение дисциплины. Угедей думал, что

больше всех провинился Харкасун. Этот дальний родственник посмел оскорбить внука Чингисхана. Позже он сменил гнев на милость и в конечном счете лично простил всех троих⁸³. Эта ссора имела далеко идущие последствия: она стала непосредственной причиной раскола Чингисидов на два враждебно настроенных по отношению друг к другу лагеря — ветви семей Джучи и Толуя начали ненавидеть роды Угедея и Чагатая.

Приняв решение возвратиться в Монголию, Бату, Орду и Кадан в конце марта — начале апреля 1242 года отправились в путь, каждый из того района, где он находился. Монголы оставили Венгрию, чтобы больше никогда туда не вернуться. Бату продвигался по южному берегу Дуная к Валахии⁸⁴. Орду шел в юго-восточном направлении через Трансильванию; некоторые немецкие поселения серьезно пострадали во время его продвижения⁸⁵. Кадан вел войска через Боснию и Сербию к Болгарии. На севере Балканского полуострова монголы устроили многочисленные разрушения, несмотря на отчаянное сопротивление местных жителей, с которым они столкнулись во многих местах⁸⁶. В Валахии три армии воссоединились. Большое число пленных, которых они увели с собой из завоеванных стран, препятствовало продвижению. Некоторым из этих рабов дали разрешение возвратиться на родину, но, когда те отошли на небольшое расстояние, монгольские конники, идущие следом, предательски их поубивали⁸⁷. Монголы шли через Южную Русь, проведя зиму 1242/43 года в низовьях Волги. После семи лет отсутствия армия в 1243 году вновь оказалась в Монголии.

Общепринято считать, что монголы оставили Венгрию в 1242 году в связи с предстоящим курилтаем, на котором должны были выбрать преемника Угедея, но примечательно, что они не ушли из южнорусских степей. Возможно, отступление было вызвано угрозой с тыла и признанием того, что венгерская земля не мог-

ла обеспечить армию всем необходимым. Недостаток пастбищ не позволил монгольской армии долгое время удерживаться в Центральной Европе и стал основной причиной, побудившей Бату отвести свои войска к востоку от Карпат на территорию, которая была в пять раз больше Венгрии⁸⁸.

Главы европейских государств вздохнули с облегчением, когда азиатские полчища ушли на восток. Сначала они были склонны недооценивать опасность, исходящую от монголов, но после полного разгрома европейских армий при Легнице и Мохи трагичность ситуации стала очевидной. Нашествие монголов имело столь губительные последствия во многом из-за нежелания европейских государств объединиться против захватчиков. Вслед за Чингисханом Бату и Субэдей умело использовали в своих интересах конкуренцию, существующую между различными королевствами. Не только на Руси, но и в Центральной Европе не было предпринято попытки объединить силы против монголов.

Поражение Венгрии объяснялось как внутренними, так и внешними причинами. В этой монархии не было единства: король, дворянство и духовенство находились во взаимно враждебных лагерях, и это во многом облегчило задачу монголов⁸⁹. То, что европейские державы в 1240 году не смогли помочь монархиям, оказавшимся под угрозой монгольского нашествия, было результатом давнишней вражды между Германо-итальянской империей и Ватиканом. Проблемы начались в 1215 году, когда Фридрих II* стал императором. Во время понтификата папы римского Григория IX (1227—1241) вражда достигла своей кульминации; все внимание этих двух влиятельных правителей в период 1239—1241 годов было сосредоточено на их спорах. Они едва ли обратили вни-

* Имеется в виду Фридрих II Штауфен, германский король с 1212 г., официально император Священной Римской империи в 1220—1250 гг. (*Примеч. науч. ред.*)

мание на драму, разворачивающуюся по соседству. В середине февраля 1241 года папа римский даже призывал венгров участвовать в Крестовом походе против императора, но не против монголов, как можно было бы предположить⁹⁰. Фридрих в особенности виновен в том, что интересовался исключительно событиями, происходящими в Италии. Возможно, в действительности никто не рассчитывал на столь быстрый успех монголов, но император совершенно не осознавал, какие последствия может иметь для него вторжение монголов; Фридрих не видел никакой опасности в продвижении монгольской армии по Европе. Кроме того, он не предложил помощь Беле, сохранявшему нейтралитет в его борьбе с папой⁹¹. Один из подданных Фридриха, герцог Австрийский, не преминул воспользоваться безнадёжным положением, в котором оказалась соседняя Венгрия; после сражения при Мохи он вынудил побежденного короля Белу расплатиться сполна. Нет сомнений в том, что, если бы монголы попытались достичь Атлантического побережья, им бы это удалось. Ни одна европейская армия не оказала бы сопротивления монголам-триумфаторам⁹².

Достижения азиатских захватчиков, казавшиеся невероятными, были результатом их смелости, опыта и дисциплинированности, но прежде всего военного таланта полководцев. Несомненно, ключевая роль в кампаниях на Руси и в Центральной Европе принадлежит Субэдею: большую часть разработок планируемых походов выполнял именно он. Вероятно, Бату был высшим военачальником только формально, а реальное управление осуществлял Субэдей⁹³. Это объясняет возмущение Гуюка и Бури тем, что Бату желал выпить первый кубок на пиру в честь победы. Угедей утверждал, что своими успехами в Европе монгольская армия обязана Субэдею и другим опытным военачальникам⁹⁴. Это, несомненно, было правильным суждением. Так же как и в Китае в период 1236—1241 годов (см. гл. 13), с

победами на Руси и в Центральной Европе связаны в первую очередь имена Чингисидов; во время европейских кампаний фактическое лидерство во всех вопросах, вероятно, принадлежало военачальникам, выбранным и обученным Чингисханом*.

Русь должна была терпеть последствия монгольского вторжения в течение многих столетий. Южнорусские равнины, где когда-то жили половцы, перешли к монголам и остались во владении Бату, улус которого простирался уже до реки Урал. Победенные русские князья, таким образом, стали в некоторой степени вассалами Бату: это стало началом мрачного периода в русской истории.

* В данном случае Чингисхан и его преемник Угедей использовали старую китайскую традицию, по которой член династии — принц (царевич) занимал пост номинального командующего, реально же войском руководил в качестве его заместителя (начальника штаба) опытный военачальник. (*Примеч. науч. ред.*)

15 Последний период единства

«ТУРАКИНА БЫЛА ОЧЕНЬ УМНОЙ И ПРОНИЦАТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНОЙ»¹

В политике Угедей довольствовался ролью последователя отца, обычно разрешая чиновникам Чингисхана закончить или усовершенствовать то, что они начали. Он не внес ничего нового в управление завоеванными при нем землями. Вторжение в Европу было в некоторой степени спланировано Чингисханом; набег Джебе и Субэдея в 1221—1222 годах может быть расценен как подготовка к кампании Бату и Субэдея в период 1236—1242 годов.

Главное различие в методах Угедея и его отца состояло в том, что Угедей нападал на нескольких направлениях сразу. Чингисхан устранял своих противников постепенно одного за другим; во времена Угедея монгольской армии приходилось проводить операции в Китае, Корее, Юго-Западной Азии и Европе одновременно. Это стало возможным, когда войска могли набираться в разных частях огромной империи. Монгольские воины тогда оказались в меньшинстве, большинство составляли тюрки, тангуты, кидани, чжурчжэни и таджики. Позже на службу были также приняты половцы, аланы и черкесы. Монгольский элемент преобладал лишь в среде высшего командования.

Причиной смерти Угедея считается его неумеренная страсть к алкоголю². В конце жизни его алкогольная за-

висимость была настолько сильна, что Чагатай назначил соглядатая, чтобы тот отслеживал, сколько кубков осушил его брат³. Весной 1241 года Угедей серьезно заболел, но быстро поправился. 7 декабря 1241 года Угедей принял участие в большой облаве. Как обычно, после возвращения охотников был устроен пир. Ночью 10 декабря Угедей сильно ослабел, а на рассвете умер⁴, вероятно, от паралича⁵. Так в год Тигра окончилось 12-летнее правление первого преемника Чингисхана.

Неизвестно, сколько сыновей было у Угедея⁶. Все сыновья были от Туракины, которая приехала, чтобы участвовать в выборах преемника. Как и его отец, Угедей назвал имя преемника; первоначально им должен был стать его третий сын Кашин, но он умер в 1236 году во время китайской кампании. Тогда Угедей выбрал молодого и умного Ширемуна, самого старшего сына Кашина⁷, но, очевидно, недостаточно четко объявил о своем решении. Получившаяся путаница дала Туракине возможность выдвинуть своего собственного кандидата. Угедей, в отличие от своего отца, не понимал, насколько важно назначить преемника при жизни.

Как и его сын и наследник Гуюк, Угедей был похоронен не на «великой запретной границе» (там, где находилась могила Чингисхана), а возле своего улуса. Точное место захоронения нам неизвестно, но, должно быть, оно находилось на некотором расстоянии от Черного Иртыша⁸.

После смерти Угедея регентство приняла Туракина. Эта женщина, происходящая из племени найманов, была ранее замужем за вождем меркитов, которого монголы убили в сражении⁹. Хотя женщина и могла стоять во главе монгольского государства, против кандидатуры Туракины было много возражений¹⁰. Она пришла к власти с помощью Чагатая и интриг, которые она плела¹¹. Целью этой энергичной и своевольной регентши было повлиять на мнение Чингисидов таким образом,

чтобы на созванном курилтае ее старшего сына Гуюка выбрали правителем. Однако ссора Гуюка с Бату стала причиной, по которой большинство Чингисидов не могло посчитать его достойным преемником. Туракине понадобилось несколько лет для того, чтобы подготовить почву и гарантировать избрание своего сына. Поэтому она медлила с созывом курилтая.

Туракина под влиянием высокообразованной и умной помощницы из Хорасана по имени Фатима¹² быстро рассорилась с опытными министрами¹³, против которых она имела серьезные возражения еще при жизни Угедея¹⁴. Первым, кто навлек на себя гнев регентши, стал кераит Чинкай, чиновник, выбранный Чингисханом и верно служивший Угедею. Туракина настолько его невзлюбила, что решила убить¹⁵. Чинкай бежал к Коктену, второму сыну Угедея и Туракины. Коктен, имевший владения в бывшем государстве тангутов Си-Ся, отказался сдать Чинкаю¹⁶ и начал принимать все более независимую позицию в отношениях с матерью. Позже он присоединился к группе принцев, выступавшей против его брата Гуюка¹⁷. После этого неприязнь Туракины пришлось испытать на себе отцу и сыну Ялавачам. Махмуд, занимавший государственный пост в Пекине, тоже бежал к Коктену и получил убежище, так же как и Чинкай. Сын Махмуда, Масуд, губернатор Трансоксианы, искал защиты у Бату. Не каждому удавалось убежать от гневной Туракины. Коргуз, губернатор Хорасана и друг Чинкай, повздорил с Чагатаем и был казнен. Аргун, член племени ойратов, стал новым губернатором Хорасана и Мазендарана¹⁸. На место Махмуда Ялавача регентша назначила Абд ар-Рахмана, который обещал увеличить доходы казны за счет повышения налогов.

Другим министром, с которым регентша вступила в конфликт, стал способный Елюй Чуцай. Этот кидань заведовал главным образом финансами со времени своего назначения в 1215 году советником Чингисхана.

Борьба между различными фракциями и кликами при монгольском дворе в последние годы правления Угедея ослабила и без того шаткую административную структуру, созданную Елюй Чуцаем. Прокитайская группировка, которую он возглавлял, была смещена иной, промусульманской придворной группировкой. Елюй Чуцай продолжил возглавлять канцелярию и выполнять свои обязанности как астролог, но больше не имел никакого влияния на правительственные дела. Елюй Чуцай ушел со службы в 1242 году и вскоре после этого, в 1243 году, умер¹⁹.

В 1242 году после смерти Чагатая Чингисиды восстали против произвола регентши. Младший брат Чингисхана Тэмугэ даже двинулся с войсками на Каракорум. Однако после возвращения Гуюка из Европы Туракина обманом заставила Тэмугэ отказаться от его плана²⁰.

Стоит упомянуть, что эти злокозны Туракины описаны в трудах двух персидских историков, Джувейни и Рашид ад-Дина, которые были сторонниками более поздних монгольских правителей в Персии, потомков младшего сына Чингисхана Толуя. Эти два автора идеализируют Соркактани, вдову Толуя, и, вероятно, представляют ее соперницу, Туракину, не в лучшем свете, потому что она выступала на стороне своего сына²¹.

В конце 1245 года, когда Туракина решила, что шансы Гуюка стать правителем очень высоки, она собрала курилтай. Он происходил летом 1246 года возле маленького озера, вероятно расположенного у истоков Орхона, недалеко от Каракорума. Сохранилось много ярких описаний этого курилтая, сделанных современниками²². Автор наиболее ценного из них, несомненно, францисканский монах Джованни дель Плано Карпини, присутствовавший на собрании²³. У нас нет такого детального описания даже более поздних курилтаев²⁴.

Выбор нового Великого Хана происходил в огромном шатре, который мог вместить приблизительно 2000 чело-

век. Окруженный деревянным забором, шатер был установлен в большом лагере (Орде)*. Присутствовали почти все Чингисиды. Первой прибыла Соркактани, вдова Толюя, с сыновьями. На курилтае были также Тэмугэ с сыновьями, Ильчитай, сын Хачиена, сыновья и внуки Чагатай и сыновья Джучи. Сыновья и внуки Угедая, как наиболее вероятные кандидаты на престол, разумеется, тоже присутствовали. Бату не приехал²⁵: по-видимому, ему сообщили об интригах Туракины и ее стремлении сделать Гуюка Великим Ханом. Под предлогом приступа подагры²⁶ Бату остался в своей Орде в низовьях Волги. Указывая на то, что, как старейшина Чингисидов, он не может отсутствовать, Субэдей тщетно пытался убедить его изменить свое решение²⁷.

Прибыли гости со всех частей большой империи. Губернаторы, которые были непосредственно подотчетны центральной власти, представляли завоеванные страны. Вассалы присутствовали непосредственно или присылали представителей. Собрание превратилось в великолепное зрелище, оставившее приятное впечатление о монгольской элите. Среди самых знатных гостей были князь Владимиро-Суздальский Ярослав (он умер во время курилтая), будущий султан Сельджуков Рума Клыч Арслан, главный кади (судья) халифа Багдада Смбат, брат короля Киликии Хетума I, оба претендента на грузинский престол — Давид Лаша, сын покойного царя Георгия III, и Давид Нарин, сын царицы Русудан, представители правителей Алеппо, Мосула, Фарса, Кермана, Эрзурума и Аламута. Все гости были размещены в 2000 шатрах и, согласно Джованни да Плано Карпини, не должны были платить за оказанное гостеприимство.

С самого начала стало ясно, что было три кандидата на престол: Коктен, который, вероятно, был утвержден

* О р д а (монг.) — лагерь, ставка хана. Постепенно этим термином стали называть крупные государства и союзы кочевых племен (Золотая Орда, Ногайская Орда). (Примеч. науч. ред.)

Чингисханом как возможный преемник Угедея²⁸; Ширемун, кого выбрал Угедей; и Гуюк, представленный своей матерью. Минус Коктена заключался в его слабом здоровье. Хотя на Ширемуна возлагались большие надежды, его считали еще слишком молодым для того, чтобы стать во главе могущественной империи. Плано Карпини говорит, что шансы Коктена и Гуюка были сначала равны, но окончательный выбор пал на последнего. Гуюк поставил условие, что будущие Великие Ханы должны выбираться только из членов его семьи²⁹.

Инаугурация нового Великого Хана прошла, как сообщает Плано Карпини, 24 августа 1246 года. В соответствии с ритуалом при этом все снимали головные уборы и перебрасывали пояса через плечо. Орду и другой родственник (вероятно, Есу-Мункэ) взяли Гуюка под руки и отвели его к трону. Затем все присутствующие вышли из шатра и преклонили колена, стоя лицом к югу. Джованни да Плано Карпини отказался сделать это, так как не знал, было ли это формой колдовства или жестом преклонения перед Богом или неким другим высшим существом³⁰.

ПАПСКИЙ НУНЦИЙ

В Европе впервые услышали о Чингисхане в связи с его завоеванием Хорезма. Европейские христиане подумали, что нашли в лице неизвестного завоевателя союзника в их борьбе с мусульманами³¹. Теперь помимо легенды о Протопресвитере Иоанне, рассказанной крестоносцами на Святой Земле, появились слухи о племенах Центральной Азии, которые приняли христианское несторианство³². Однако интерес к новому завоевателю начал пропадать после того, как стали известны истории о походах Джебе и Субэдея на Русь в 1221—1222 годах. До второго нашествия на Русь легендарные азиатские варвары не привлекали к себе особого внимания в Европе, но безразличие сменилось

страхом, как только монгольская армия продвинулась в глубь Европы и в 1241 году одержала крупную победу при Легнице и Мохи.

Иннокентий IV, ставший папой Римским в 1243 году, не раз показал, что он, как никто другой, достоин папского престола. Новый понтифик решил убедить монголов жить в мире с Европой, обратив их в христианство. Чтобы сделать это, он сначала решил узнать как можно больше об этих неизвестных людях из Средней Азии, обратившись к главам тех стран, что пострадали от их нашествий в 1240—1242 годах³³. В частности, он получил много ценных сведений от венгерского короля³⁴. В этом отношении король Бела IV, казалось, был проинформирован лучше остальных европейских монархов: после того как Бату в 1242 году оставил его страну, он продолжал тщательно следить за монгольскими завоеваниями³⁵.

В 1245 году папа Иннокентий IV отправил множество посланников к азиатским правителям³⁶. Самыми известными из послов были доминиканцы Андре Лонжюмо и Асцелин Ломбарди, францисканцы Лоренцо Португальский и Джованни дель Плано Карпини. Имеется немного сведений о поездке Лоренцо Португальского³⁷. По разным причинам эти два доминиканца не продвинулись дальше Среднего Востока; в какой именно район Монголии они намеревались прийти или были отправлены, остается неясным³⁸.

По возвращении Джованни дель Плано Карпини написал бесценный отчет о своей поездке, неоднократно цитируемый в этой книге. Ему, по-видимому, было дано примерно такое же поручение, как и остальным папским нунциям. Сам он утверждал, что отправился в Монголию по собственной инициативе: «Мы добровольно решили первыми отправиться к татарам*, поскольку боялись, что в ближайшем будущем с их стороны может появиться уг-

* В Европе монголов тогда называли татарами. (Примеч. авт.)

роза для Церкви Бога»³⁹. 16 апреля 1245 года в возрасте 63 лет Джованни дель Плано Карпини покинул Лион. Пожилой монах хорошо знал об опасностях, лишениях и физических мучениях, с которыми он неизбежно столкнется по дороге: «Мы не щадили себя, но пытались выполнить приказ папы римского согласно воле Божьей»⁴⁰.

В письме, которое Иннокентий IV передал с Плано Карпини, папа сказал Великому Хану, что Создатель соединил все земные стихии так, чтобы они жили в мире друг с другом. Поэтому папа Римский был потрясен, услышав о разрушениях, которые устраивают монголы; он надеялся, что монгольский хан даст брату Джованни возможность рассказать о Священном Писании⁴¹. Письмо было обращено к татарскому правителю и народу; имя сюзерена не упоминалось, поскольку оно не было известно в Европе⁴². В этом письме, касающемся вопросов политики, папа Римский не убеждал Великого Хана присоединиться к христианскому миру⁴³.

В отличие от других нунциев* Иннокентия IV, продвигающихся по Средиземному морю к Среднему Востоку, Плано Карпини шел через Польшу и Русь. При этом он следовал по маршруту посланника венгерского короля Белы IV, доминиканца Юлиана, который проделал этот путь в 1237 году, возвращаясь после посещения Бату⁴⁴. Среди попутчиков Джованни дель Плано Карпини был Стефан Богемский, который также выехал из Лиона, и Бенедикт Польский, присоединившийся к этой компании в Бреславле. Бенедикт должен был выполнять обязанности переводчика⁴⁵.

Зима 1245/46 года была особенно суровой — Днепр и Азовское море покрылись льдом. После отъезда 4 февраля из Киева компания достигла Орды Бату в низовьях Волги 4 апреля. Перед тем как Джованни дель Плано Карпини мог засвидетельствовать свое почтение

* Н у н ц и й — папский посланец. (Примеч. науч. ред.)

Бату, ему нужно было решить одну проблему: монголы ожидали, что он привезет дары. Плано Карпини ответил кратко: «Папа Римский не делает подарков»⁴⁶. С этой дилеммой столкнулись и другие посланники, не продвинувшиеся дальше Юго-Западной Азии⁴⁷. Бату, сидя в шатре, взятом у венгерского короля⁴⁸, приказал группе направляться в Каракорум. Плано Карпини прокладывал свой путь к монгольской столице к северу от Аральского моря, к югу от Балхаша и через страну найманов. 22 июля 1246 года он достиг Орды.

Только после инаугурации Гуюка монаху разрешили передать письмо от папы Римского. Карпини еще раз пришлось объяснить, почему он прибыл без даров. Вероятно, по этой причине посланников заставили ждать до ноября и только после этого допустили к Великому Хану. Чинкай, который был восстановлен в должности после возвышения Гуюка, с Кадаком (одним из секретных агентов-несториан Гуюка) были представителями, с которыми Плано Карпини вел переговоры.

От Чинкай представители папы Римского узнали, что Великий Хан планировал отправить свое посольство вместе с ними в Европу. Эта новость не обрадовала посетителей. Они боялись — и оправданно, — что монгольский посол будет шпионом, стремящимся добыть информацию о серьезных политических конфликтах в Европе. Поэтому он мог посоветовать Великому Хану еще раз наведаться в западные страны. Кроме того, Джованни дель Плано Карпини боялся, что надменные и высокомерные европейцы могли убить монгольского посла, дав, таким образом, повод для мести.

11 ноября 1246 года Гуюк дал свой ответ в письме, написанном по-монгольски. Затем оно было переведено на персидский язык. С помощью переводчика Джованни дель Плано Карпини сделал его латинский вариант⁴⁹. Позже он передал папе персидский текст (начало которого было написано по-турецки) с импера-

торской печатью и латинскую версию. Письмо показывает, насколько Великий Хан был уверен в своей силе. Он потребовал, чтобы папа Римский и все европейские короли приехали в Каракорум засвидетельствовать ему свое почтение. Чингисхан и Угедей покоряли мир по воле Бога, поэтому Гуюк задался вопросом: какие основания папа имеет для того, чтобы утверждать, что он говорит от имени Бога? В конце письма Гуюк угрожал королям Европы тем, что они будут впредь расцениваться как враги монголов, если не подчинятся добровольно⁵⁰.

13 ноября Джованни дель Плано Карпини и его товарищам разрешили отбыть. Оставив резиденцию Туракины, они отправились в путь и зимой оказались в Центральной Азии: «Нам пришлось продвигаться зимой, часто в пустыне мы спали на снегу, кроме тех случаев, когда могли ногами расчистить место. Когда вокруг не было никаких деревьев, только открытое пространство, при сильном ветре нас полностью засыпало снегом»⁵¹. 9 мая 1247 года они снова прибыли в Орду Бату. Месяц спустя их гостеприимно встретили в Киеве⁵². Хотя об этом нет упоминания в описании путешествий, там есть указания на то, что Джованни дель Плано Карпини прошел через Венгрию к Кельну⁵³ и оставался там до 3 октября 1247 года⁵⁴. После двух с половиной лет отсутствия 18 ноября 1247 года 65-летний францисканский монах возвратился в Лион.

В знак своей признательности папа Иннокентий IV назначил самого старшего монаха епископом Антивари (ныне Бар) в Далмации. Точная дата смерти Джованни дель Плано Карпини неизвестна⁵⁵, предполагается, что он умер в 1252 году⁵⁶.

ЗАКАТ УГЕДЕИДОВ

Плано Карпини, лично встречавшийся с Гуюком, оставил заслуживающее доверия описание этого Велико-

го Хана. «Нынешнему императору на вид сорок — сорок пять лет или даже больше; он среднего роста, очень умен, чрезвычайно проницателен и серьезен, держится степенно. Он не улыбается без причины и не подвержен слабостям, о которых нам говорили христиане, которые постоянно были с ним»⁵⁷. Здоровье Гуюка было слабым, он постоянно болел. Он страдал от тяжелых приступов ревматизма. Все же это не останавливало его от активного употребления алкоголя. Не ограничивал он себя и в отношениях с женщинами⁵⁸.

Гуюк отменил многие решения своей матери, в частности восстановив Чинкая в должности министра. Самым выдающимся его помощником стал, однако, Кадак, который и до этого долго служил Гуюку. Состояние здоровья мешало новому Великому Хану играть значимую роль в правительстве; он поручал решение важных вопросов главным образом Кадаку и Чинкаю. Под влиянием этих двух несториан он все больше подходил к тому, чтобы отдать предпочтение несторианству⁵⁹. Не только отношения с Чинкаем говорили о том, что Гуюк не является продолжателем политики своей матери. Масуд Ялавач был восстановлен в должности губернатора Трансоксианы. Абд ар-Рахман, кто при Туракине был ответственным за финансы на завоеванных территориях в Китае, был признан виновным в пренебрежении своими обязанностями и казнен. Его сменил Махмуд Ялавач⁶⁰.

Вскоре после возвышения Гуюка умерло два близких ему человека. Первой ушла из жизни Туракина, прожившая всего несколько месяцев после выборов сына⁶¹. Большее значение для Монгольской империи имела смерть Субэдея. После его возвращения в 1246 году в Монголию он обосновался на территории своего родного племени, урянхатов (к востоку от Байкала), где умер в том же году в возрасте 70 лет⁶². Субэдей и Елюй Чуцай были основными продолжателями принципов, введенных Чингисханом, этим двум людям монголы обязаны

большей частью тем, что при Угедее соблюдались правила во внутренней и внешней политике. Субэдея, так же как и Джебе, можно справедливо считать одним из самых великих полководцев в мировой истории.

Неожиданная смерть Коктена дала Кадаку и Чинкаю шанс избавиться от советницы Фатимы. Предполагалось, что наперсница Туракины была ответственна за смерть Коктена: под пытками она созналась в содеянном. Никто не удивился, когда ее осудили на казнь; Фатима была брошена в реку⁶³.

Новый Великий Хан, найдя, что центральная власть ослабела за время регентства его матери, решил восстановить ее прежний авторитет. Он повторил наставления своего деда о том, что законы Ясы должны тщательно соблюдаться. Гуюк мог полагаться только на ограниченное число выбранных Чингисханом верных помощников; он был достаточно благоразумен и не мог сразу восстановить всех, кого прогнала его мать. В то время многие в высшей степени одаренные помощники его деда были уже мертвы, а ему самому не хватало проницательности для того, чтобы найти им достойные замены.

В семейных делах Гуюк не пренебрегал своими обязанностями. Он создал специальную группу, состоящую из Орду и Мункэ, с целью выяснить, собирался ли его дядя Тэмугэ свергнуть Туракину. Его дядя был признан виновным и казнен⁶⁴. Гуюк провел преобразование в ханстве Чагатая. В 1242 году место Чагатая занял его внук Кара-Хулагу, сын Мутагена, убитого в 1221 году в Бамиане. В 1246 году Гуюк поставил своего друга Есумункэ во главе этого ханства под предлогом того, что внук не может унаследовать престол, пока жив сын⁶⁵.

Реорганизации подверглась также Юго-Западная Азия. Секретному агенту Гуюка, Ильчитаю, в 1247 году были переданы области к югу и юго-западу от Каспийского моря⁶⁶. Какие функции он выполнял там, точно неизвестно; и при этом неясно, каковы были его отно-

шения с губернатором Байджу, который оставался военным командующим. Можно предположить, что Ильчитай был своего рода верховным комиссаром и начальником Байджу⁶⁷.

В Грузии наконец-то прекратились споры о преемнике. Царица Русудан вернулась в Тифлис и вскоре после этого была формально свергнута. Спустя некоторое время она умерла, некоторые считали, что от горя. Государство было поделено между соперничающими племянниками: Давид Лаша, сын царя Георгия III, получил бóльшую часть, а Давид Нарин, сын царицы Русудан, должен был довольствоваться сравнительно небольшой территорией⁶⁸.

Король Киликии в Юго-Восточной Анатолии Хетум I существенно укрепил свои связи с Монгольской империей. Хетум отличался умом и дальновидностью и часто использовал заключенное соглашение с Монголией для того, чтобы защитить свое христианское государство от сильных исламских соседей. Его брат, военачальник Смбат, присутствовавший на инаугурации Гуюка, отметил возрастающее влияние несторианства в Средней Азии. В письме, которое он написал в феврале 1248 года в Самарканде своему шурина, правителю Кипра, он говорил о значении влияния христианства на монголов⁶⁹.

Избрание Гуюка Великим Ханом подразумевало неизбежную конфронтацию с Бату*. Ссора, возникшая в 1240 году на Руси, не была позабыта. Бату подлил масла

* По мнению современного российского исследователя В. В. Трепавлова, в Монгольской империи с самого начала фактически сложилась и в целом успешно в первой половине XIII в. действовала система соправительства: 1) Чингисхан — Джучи; 2) Угедей — Чагатай; 3) Угедей — Бату; 4) Гуюк — Бату; 5) Мункэ — Бату; 6) Мункэ — Сартак (сын Бату. — Д. А.); 7) Мункэ — Берке; 8) Хубилай — Алгу — Хулагу — Берке. Затем, в середине 60-х гг. XIII в., данная структура рухнула и произошел фактический распад единой державы, основанной Темучином (*Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. С. 77—83. (Примеч. науч. ред.)*)

в огонь тем, что отсутствовал на инаугурации Гуюка. Гуюк решил применить силу и покончить с этой враждой. Под предлогом посещения своего улуса он двинулся на запад от Каракорума. То, что между Чингисидами существуют серьезные разногласия, вскоре стало очевидно. Соркактани, тетя Бату, которая знала о реальном намерении Гуюка, тайно послала гонца к Бату, чтобы предупредить о том, что Великий Хан идет во главе армии и хочет поставить точку в их вражде⁷⁰. Бату решил не скрываться от кузена: двигаясь в восточном направлении, он достиг реки Или. Столкновение с Гуюком казалось неизбежным, когда в апреле 1248 года последний прошел через Бешбалык. Неизвестно, где именно находились два кузена, когда 43-летний Великий Хан внезапно умер⁷¹.

Поединок Гуюка и Бату, возможно, не имел бы фатальных последствий для Монгольской империи, но он, несомненно, подверг бы серьезной опасности ее единство. Но на этом конфликт не был исчерпан. Скрытые разногласия среди Чингисидов внезапно стали проявляться все более отчетливо. Бату и Соркактани, как представители семей Джучи и Толуя, видели возможность оспорить сюзеренитет семьи Угедея. Чтобы беспрепятственно прийти к власти, они не стали возражать против регентства жены Гуюка, ничего собой не представляющей Огул-Гаймиш⁷².

Борьба за власть, которая вспыхнула после смерти Гуюка, стала началом раскола в Золотой семье. Единство, которого Монгольская империя достигала в течение нескольких десятилетий, было только поверхностным. Улусы Чингисидов начали постепенно превращаться в отдельные ханства. Это обстоятельство имело печальные последствия для преемников Угедея. Союз Бату и Соркактани не давал им ни малейшей возможности претендовать на титул Великого Хана. В Монгольской империи они начали играть все менее значительную роль. Внезапная смерть Гуюка отметила начало упадка Угедеидов.

БИБЛИОГРАФИЯ*

- Alinge, C., *Mongolische Gesetze* (Leipzig, 1934).
- Altunian, G., *Die Mongolen und ihre Eroberungen in kaukasischen und kleinasiatischen Ländern im XIII. Jahrhundert* (Berlin, 1911).
- Ayalon, D., "The Great Yasa of Chingiz Khan, a reexamination", in *Studia Islamica* vol. 33 (1971a), pp. 97—140, vol. 34 (1971b), pp. 151—180.
- Barthold, W., *Turkestan down to the Mongol Invasion* (London, 1928).
- , '12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens', in *Die Welt des Islams*, Beiband (1935).
- , "Cingis Khan", in *Encyclopaedia of Islam*, vol. 1 (Leiden, 1936), p. 882.
- , *Histoire des Turcs d'Asie Centrale* (Paris, 1945).
- , *Four Studies on the History of Central Asia*, vols 1 & 3 (Leiden, 1956).
- Bausani, A., "Religion under the Mongols" in *Cambridge History of Iran*, vol. 5, *The Saljuq and Mongol Periods* (Cambridge, 1968), pp. 538—549.
- Bawden, C. R., *The Mongol Chronicle Allan Tobci* (Wiesbaden, 1955).
- Beazley, C. R., *The Texts and Versions of John of Plano Carpini and William Rubruquis* (London, 1903).
- Becquet, J. et Hambis, L., *Jean de Plan Carpin: Histoire des Mongols* (Paris, 1965).
- Bezzola, G., *Die Mongolen in abenalandischer Sicht (1200—1270)* (Bern, 1974).
- Bretschneider, E., *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, vols 1 & 2 (London, 1910).
- Bosworth, C. E., "The political and dynastic history of the Iranian world (A.D. 1000—1217)", in *Cambridge History of Iran*, vol. 5, *The Saljuq and Mongol Periods* (Cambridge, 1968), pp. 1—203.
- Boyle, J. A., "On the titles given in Juvaini to certain Mongolian princes", in *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 19 (1956), pp. 146—154.
- , *The History of the World-Conqueror by Ala-ad-din Malik Juvaini*, vols 1 & 2 (Manchester, 1958).
- , "Juvaini and Rashid al-Din as sources on the history of the Mongols", in *Historians of the Middle East*, ed. B. Lewis and P. M. Holt (London, 1962), pp. 133—137.
- , "Kirakos of Ganjak on the Mongols", in *Central Asiatic Journal*, vol. 8 (1963a), pp. 199—214.
- , "The Mongol commanders in Afghansitan and India according to Tabaqat-i-Nasiri of Juzjani", in *Islamic Studies*, vol. 2 (1963b), pp. 235—247.
- , "A form of horse sacrifice amongst the 13th- and 14th-century Mongols", in *Central Asiatic Journal*, vol. 10 (1965), pp. 145—150.
- , "Dynastic and political history of the 11-Khans", in *Cambridge History of Iran*, vol. 5, *The Saljuq and Mongol Periods* (Cambridge, 1968a), pp. 303—421.
- , "The burial place of the Great Khan Ögödei", in *Acta Orientalia*, vol. 32 (1968b), pp. 45—50.
- , *The Successors of Genghis Khan*, translated from the Persian of Rashid al-Din (New York and London, 1971).

* Приведена по оригинальному изданию.

- , "The seasonal residence of the Great Khan Ögödei", in *Central Asiatic Journal*, vol. 16 (1972), pp. 125—131.
- , "Sites and localities connected with the history of the Mongol Empire", in *The Mongol World Empire 1206—1370*, chapter 16 (London, 1977).
- Chavannes, E., "Inscriptions et pièces de chancellerie chinoise de l'époque mongole", in *Toung Pao*, vol. 5 (1904), pp. 357—447, vol. 6 (1905), pp. 1—42, vol. 9 (1908), p. 297—428.
- Cheshire, H. T., "The Tatar invasion of Europe", in *Slavonic Review*, vol. 5, pp. 89—105.
- Cleaves, F. W., "Sino-Mongolian inscriptions of 1362", in *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 12 (1949), pp. 1—133.
- , "Sino-Mongolian inscriptions of 1346", in *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 15 (1952), pp. 1—123.
- , "The historicity of the Baljuna covenant", in *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 18 (1955), pp. 357—421.
- , *The Secret History of the Mongols* (translation), vol. 1 (Cambridge, Mass., 1982).
- Cordier, H., "L'invasion mongole au Moyen-Age et ses conséquences", in *Mélanges d'histoire et géographie orientales*, vol. 2 (Paris, 1920), pp. 254—269.
- Dawson, Chr., *The Mongol Mission: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China* (London and New York, 1955).
- Doerfer, G., "Zur Datierung der Geheime Geschichte der Mongolen", in *Zeitschrift des deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, vol. 113 (1964), pp. 87—111.
- Douglas, R. K., *The Life Jenghiz Khan* (London, 1877).
- Duyvendak, J. J. L., *Wegen en gestalten der Chinesische geschiedenis* ("s Gravenhage, 1935).
- Eberhard, W., *A History of China* (London, 1960).
- von Erdmann, F., *Temudschin der Unerschütterliche* (Leipzig, 1862).
- Euler, E., "Die Begegnung Europas mit den Mongolen in Spiegel abendländischer Reiseberichte", in *Saeculum*, vol. 23 (1972), pp. 47—58.
- de Ferdinandy, M., *Tschingis Khan — Der Einbruch der Steppenmenschen* (Hamburg, 1958).
- Fitzgerald, C. P., *China* (London, 1942).
- Franke, H., "Asien und Europa im Zeitalter des Mongolensturms", in *Saeculum Weltgeschichte*, vol. 5 (1965), pp. 1—68.
- , "Siege and defence of towns in medieval China", in *Chinese Ways in Warfare*, ed. F. A. Kierman and J. K. Fairbank (Cambridge, Mass., 1974), pp. 151—201.
- , *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: the Legitimation of the Yuan Dynasty* (München, 1978).
- Franke, O., *Geschichte des chinesischen Reiches*, vols 4 & 5 (Berlin, 1948, 1952).
- Gibb, H. A. R., *The Travels of Ibn Battuta (A.D. 1325—1354)* (Cambridge, 1958).
- Grekov, B. et Jakoubovski, A., *La Horde d'Or* (Paris, 1939).
- Grenard, F., *Gengis-Khan* (Paris, 1935).
- Grousset, R., *Histoire de l'Asie*, vol. 3 (Paris, 1922).
- , *L'Empire des Steppes* (Paris, 1939).
- , *L'Empire mongol (Ire phase)* (Paris, 1941).
- , *Le Conquerant du Monde (Vie de Gengis Khan)* (Paris, 1944).
- Grousset, R., Auboyer, J. et Buhot, J. "L'Asie orientale des origines au xve siècle", in *Histoire du Moyen-Âge*, vol. 10 (Paris, 1941).
- Haenisch, E., "Die letzten Feldzüge Cinggis Hans und sein Tod", in *Asia Major*, vol. 9 (1933), pp. 503—551.

- , "Kulturbilder aus Chinas Mongolenzeit", in *Historische Zeitschrift*, vol. 164 (1941), pp. 21—48.
- , *Die Kulturpolitik des mongolischen Weltreiches* (Berlin, 1943).
- , "Der Stand der Yuan-ch'ao-pi-shi Forschung", in *Zeitschrift des deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, vol. 98 (Neue Folge vol. 23) (1944), pp. 107—120.
- , *Die Geheime Geschichte der Mongolen* (Leipzig, 1948).
- , "Die Jagdgesetze im mongolischen Ostreich", in *Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Veröffentlichung 48* (Berlin, 1959).
- , "Weiterer Beitrag zum Text der Geheime Geschichte" in *Zeitschrift des deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, vol. 11 (Neue Folge vol. 36) (1962), pp. 137—149.
- Halperin, Ch. J., "Russia in the Mongol Empire in comparative perspective", in *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 43 (1983), pp. 239—261.
- Hambis, L., "Le Chapitre CVII du Yuan Che (les généalogies impériales mongoles dans l'histoire officielle de la dynastie mongole)", in *T'oung Pao*, Supplément au vol. 38 (1945).
- , *La Haute-Asie* (Paris, 1953).
- , "L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'après les sources chinoises et la documentation conservée par Rasidu-d'-din", in *Central Asiatic Journal*, vol. 14 (1970), pp. 125—133.
- , *Gengis Khan* (Paris, 1973a).
- , "L'Asie Central et les études mongoles" in *Journal Asiatique* (numero special) (1973b).
- von Hammer-Purgstall, J., *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak* (Pesth, 1840).
- Hartman, A., *An-Nasir li-Din Allah (1180—1225). Politik, Religion, Kultur in der späten "Abbasidentzeit"* (Berlin, New York, 1975).
- de Hartog, L., *Djenghis Khan, "s Werelds grootste veroveraar* (Amsterdam, Brussels, 1979a).
- , "The army of Genghis Khan", in *Army Quarterly and Defence Journal*, vol. 109 (1979b), pp. 476—485.
- , *Europese reizigers naar de Grote Khan. De reizen van de franciscaner monniken en de familie Polo naar de opvolgers van Djenghis Khan* (Baarn, 1985).
- Heissig, W., *Ein Volk sucht seine Geschichte* (Düsseldorf, Wien, 1964).
- , "Mongolenreiche", in *Propyläen Weltgeschichte*, vol. 6 (1964), pp. 345—372.
- Henthorn, W. E., *Korea: the Mongol Invasions* (Leiden, 1963).
- Houtsma, M. Th., *Over de geschiedenis der Seljuken van Klein-Azië* (Amsterdam, 1892).
- Howorth, H. H., *History of the Mongols*, vols 1, 2a, 2b, 3 (London, 1876, 1880, 1888).
- Hung, W., "The transmission of the book known as the Secret History of the Mongols", in *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 14 (1951), pp. 443—492.
- Jackson, P., "The dissolution of the Mongol Empire", in *Central Asiatic Journal*, vol. 22 (1978), pp. 186—244.
- Jagchid, S. and Bawden, C. R., "Some notes on the horse-policy of the Yuan dynasty", in *Central Asiatic Journal*, vol. 10 (1965), pp. 246—268.
- Jahn, K., *Enkele beschouwingen over de geschiedenis en beschaving der oud-Turkse volkeren*, (Leiden, 1954).
- Jansma, T., *Oost-westelijke verkenningen in de dertiende eeuw* (Leiden, 1959).

- Jenkins, G., "A note on climatic cycles and the rise of Chinggis Khan", in *Central Asiatic Journal*, vol. 18 (1974), pp. 217—226.
- Khachikyan, L. S., "Mongols in Transcaucasia", in *Cahiers d'Hisloire Mondiale*, numéro special (1958), pp. 98—125.
- Krader, L., "The cultural and historical position of the Mongols", in *Asia Major*, vol. 3 (1953).
- , "Qan — Qayan and the beginning of the Mongol Kingship", in *Central Asiatic Journal*, vol. 1 (1955), pp. 17—35.
- , "Feudalism and Tatar polity of the Middle Ages", in *Comparative Studies in Society and History*, vol. 1 (1958/9), pp. 74—94.
- Krause, F. E. A., *Cingis Han. Die Geschichte seines Lebens nach den chinesischen Reichsannalen* (Heidelberg, 1922).
- , *Die Epoche der Mongolen* (Berlin, 1924).
- , *Geschichte Ostasiens*, vol. 1 (Göttingen, 1925).
- Kwanton, L., "Chingis Khan's conquest of Tibet. Myth or reality?", in *Journal of Asian History*, vol. 8 (1974), p. 1—20.
- , *Imperial Nomads: a History of Central Asia, 500-1500* (Philadelphia, 1979).
- Lattimore, O., "Chingis Khan and the Mongol conquests", in *Scientific American*, vol. 209 (1963), pp. 55—68.
- Lech, K., *Das mongolische Weltreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolische Reiche* (Wiesbaden, 1968).
- Ledyard, G., "The Mongol campaigns in Korea and the dating of the Secret History of the Mongols", in *Central Asiatic Journal*, vol. 9 (1964), pp. 1—22.
- Martin, H. D., *The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China* (Baltimore, Md, 1950).
- Marquart, J., "Über das Volkstum der Komanen", in *Osttürkische Dialektstudien* (Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaft zu Göttingen), vol. 13 (Berlin, 1914).
- Masson Smith, J., "Mongol manpower and the Persian population", in *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol. 18 (1975), pp. 271—299.
- Matuz, J., "Der Niedergang der anatolischen Seldschuken: die Entscheidungslacht am Kösedag", in *Central Asiatic Journal*, vol. 17 (1973) pp. 180—199.
- Minorsky, V., *Studies in Caucasian History* (London, 1953).
- Morgan, D. O., "The Mongol armies in Persia", in *Der Islam*, vol. 56 (1979), pp. 81—96.
- , "Who ran the Mongol Empire?", in *Journal of the Royal Asiatic Society* (1982), pp. 124—136.
- , "The «Great Yasa of Chingiz Khan' and the Mongol Law in the Ilkhanate", in *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 49 (1986a), pp. 163—176.
- , *The Mongols* (Oxford, 1986b).
- Moule, A. C., "Table of the emperors of the Yüan dynasty", in *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society* (1914).
- Moule, A. C. and Pelliot, P., *Marco Polo: the Description of the World*, vol. 1 (London, 1938).
- Olbricht, P., *Das Postwesen in China unter der Mongolenherrschaft in 13. und 14. Jahrhundert* (Wiesbaden, 1954).
- d'Ohsson, M. C., *Histoire des Mongols*, vols 1, 2, 3, 4 (Amsterdam, 1834).
- Pelliot, P., "Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient", in *T'oung Pao*, vol. 15 (1914), pp. 623—644.

- “A propos des Comans”, in *Journal Asiatique*, vol. 208 (1920), pp. 125—185.
- , “Les Mongols et la Papauté”, in *Revue de l’Orient Chrétien*, vol. 23 (1922/3), pp. 3—30, vol. 24 (1924), pp. 225—335, vol. 28 (1931/2), pp. 3—84.
- , “Les Systèmes d’écriture en usage chez les anciens Mongols”, in *Asia Major*, vol. 2 (1925) pp. 286—289.
- , “L’édition collective des oeuvres de Wang Kouo-wei”, in *T’oung Pao*, vol. 26 (1929), pp. 113—182.
- , “Notes sur le «Turkestan» de W. Barthold”, in *T’oung Pao*, vol. 27 (1930), pp. 12—56.
- , *Notes sur l’histoire de la Horde d’Or* (Paris, 1949).
- , *Notes on Marco Polo*, vol. 1, 2, 3 (Paris, 1959, 1963, 1973).
- Pelliot, P. et Hambis, L., *Histoire des campagnes de Gengis Khan* (Leiden, 1951).
- Phillips, E. D., *The Mongols* (London, 1969).
- Poucha, P., *Die Geheime Geschichte der Mongolen* (Prague, 1956).
- de Rachewiltz, I., “Yeh-lū Ch’u-ts’ai (1189—1243): Buddhist idealist and Confucian statesman”, in *Confucian Personalities*, ed. A. F. Wright and D. Twitchett (Stanford, 1962), pp. 189—216.
- , “Personnel and personalities in north China in the early Mongol period”, in *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol. 9 (1966), pp. 88—144.
- , “Some remarks on the ideological foundation of Chingis Khan’s empire”, in *Papers on Far Eastern History*, vol. 7 (1973), pp. 21—36.
- , “Muqali, Bol, Tas and An-t’ung”, in *Papers on Far Eastern History*, vol. 15 (1977), pp. 45—62.
- Ratchnevsky, P., “Sigi-Qutuqu, ein mongolischer Gefolgsmann im 12.—13. Jahrhundert”, in *Central Asiatic Journal*, vol. 10 (1965), pp. 87—113.
- , *Cinggis-Khan, sein Leben und Wirken* (Wiesbaden, 1983).
- , “Die Rechtsverhältnisse bei den Mongolen im 12.—13. Jahrhundert”, in *Central Asiatic Journal*, vol. 31 (1987), pp. 64—110.
- Riasanovsky, V. A., “The influence of Chinese law upon Mongolian law”, in *Chinese Social and Political Science Review*, vol. 15 (1931), pp. 402—421.
- , “Mongol law and Chinese law in the Yüan dynasty”, in *Chinese Social and Political Science Review*, vol. 20 (1936), pp. 266—289.
- , *Fundamental principles of Mongol law* (Tientsin, 1937).
- Richard, J., “Le Début des relations entre la Papauté et les Mongols de Perse”, in *Journal Asiatique*, vol. 237 (1949), pp. 291—297.
- , “L’Etrême-Orient légendaire au Moyen-Âge: Roi David et Prêtre Jean”, in *Annales Éthiopie*, vol. 2 (Paris, 1957), pp. 225—242.
- , “Les Causes des victoires mongoles d’après les historiens occidentaux du 13e siècle”, in *Central Asiatic Journal*, vol. 23 (1979), pp. 104—117.
- , “Le Christianisme dans L’Asie Centrale”, in *Journal of Asian History*, vol. 16 (1982), pp. 101—124.
- Risch, F., *Johann de Plano Carpini: Geschichte der Monsolen und Reisebericht* (Leipzig 1930).
- Rockhill, W. W., *The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World* (London, 1900).
- Ross, E. D. and Elias, N., *A History of the Moghuls of Central Asia* (London, 1895).
- Sagaster, K., “Herrschaftsideologie und Friedensgedanke bei den Mongolen”, in *Central Asiatic Journal*, vol. 17 (1973), pp. 223—242.
- Sakharov, A. M., “Les Mongols et la civilisation russe”, in *Cahiers d’Histoire Mondiale*, numéro special (1958), p. 77—97.

- Saunders, J. J., *The History of the Mongol Conquests* (London, 1971).
- Schmidt, I. J., *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus'* (St Petersburg, Leipzig, 1829).
- Schurman, H. F., "Mongolian tributary practices in the thirteenth century", in *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 19 (1956), pp. 304—389.
- Schutz, E., "Tatarenstürme in Gebirgsgelände", in *Central Asiatic Journal*, vol. 17 (1973), pp. 253—273.
- Sinor, D., "Un voyageur du 13e siècle: le dominicain Julien de Hongrie", in *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 14 (1952), pp. 589—602.
- , "Central Eurasia", in *Orientalism and History* (Cambridge, 1954), pp. 82—103.
- , "Les Relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV, in *Cahiers d'Histoire Mondiale*, vol. 3 (1956), pp. 39—62.
- , "John of Piano Carpini's return from the Mongols", in *Journal of the Royal Asiatic Society* (1957), pp. 193—206.
- , *History of Hungary* (London, 1959).
- , *Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale* (Wiesbaden, 1963).
- , *Inner Asia* (The Hague, 1969).
- , "On Mongol strategy", in *Proceedings of the fourth East Asian Altaistic Conference* (Taipei, 1971), pp. 238—249.
- , "What is Inner Asia?", in *Aitaica Collecta: Berichte und Vorträge des XVII Permanent Altaistic Conference* (Wiesbaden, 1976), pp. 245—258.
- , "Horse and pasture in Inner Asian history", in *Inner Asia and its Contacts with Medieval Europe* (London, 1977), pp. 171—184.
- , "The Inner Asian Warriors", in *Journal of the American Oriental Society*, vol. 101 (1981), pp. 133—144.
- , "Interpreters in medieval Inner Asia", in *Journal of the Israel Oriental Society*, vol. 16 (1982), pp. 293—320.
- Spuler, B., "Die Mongolen und das Christentum", in *Internationale Kirchliche Zeitschrift* (1938), pp. 156—175.
- , "Die Goldene Horde und Russlands Schicksal" in *Saeculum*, vol. 6 (1955), pp. 397—406.
- , *The Muslim World, Part II, The Mongol Period* (Leiden, 1960).
- , *Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland (1223—1502)* (Wiesbaden, 1965).
- , "Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Turken", in *Handbuch der Orientalistik*, vol. 5 (Leiden, 1966), pp. 123—310.
- , "The disintegration of the caliphate in the East", in *Cambridge History of Islam*, vol. 1, *The Central Islamic Lands* (London and New York, 1970), pp. 143—174.
- , *History of the Mongols* (London, 1972).
- , *Die Mongolen in Iran* (Leiden, 1985).
- Strakosch-Grassmann, G., *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241—1242* (Innsbrück, 1893).
- Stübe, R., "Tschingiz-Chan seine Staatsbildung und seine Persönlichkeit", in *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur* (Leipzig, 1908).
- Turan, O., "Anatolia in the period of the Seljuks and the Beyliks", in *Cambridge History of Islam*, vol. 1, *The Central Islamic Lands* (London and New York, 1970), pp. 231—262.
- Vernadsky, G., "The scope and contents of Chingis Khan's Yasa", in *Harvard Journal of Asiatic Studies* (December 1938), pp. 337—360.
- , *A History of Russia* (New Haven, Conn., 1948).

- , *The Mongols and Russia* (London and New Haven, Conn., 1953).
Vladimirtsov, B., *Gengis-Khan* (Paris, 1948a).
—, *Le Régime social des Mongols: le féodalisme nomade* (Paris, 1948b).
Voegelin, E., "The Mongol orders of submission to European Powers, 1245–1255" in *Byzantion*, vol. 15 (1941/2), pp. 378–413.
Waldron, A. N., "The problem of the Great Wall of China", in *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 43 (1983), pp. 643–663.
Waley, A. *The Travels of an Alchemist: the Journey of the Taoist Ch'ang-Ch'un* (London, 1931).
Walker, C. C., *Jenghit Khan* (London, 1939).
Werner, E. T. C., "The burial place of Gengis Khan", in *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society* (1925), pp. 80–86.
Wolff, O., *Geschichte der Mongolen oder Tataren* (Breslau, 1872).
Wylie, T. V., "The first Mongol conquest of Tibet reinterpreted", in *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 37 (1977), pp. 103–133.
Yule, H., *Cathay and the Way Thither*, vols 1 & 2 (London, 1913, 1916).

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РУССКИХ ИЗДАНИЙ*

- Бартольд В. В.* Образование империи Чингисхана // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V.
Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М., 1997.
Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. СПб., 2000.
Горелик М. В. Армия монголо-татар. Военское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.
Груссе Р. Чингисхан. Покоритель вселенной. М., 2005.
Джованни дель Карпини. История монголов // *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны // Книга Марко Поло. М., 1997.
Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. М., 1995.
Сокровенное сказание монголов. М., 2002.
Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М., 1977.
Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993.
Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004.

* Составлена научным редактором.

ПРИМЕЧАНИЯ*

CHAPTER 1

- 1 Risch, 1930, p. 236.
- 2 Jahn, 1954, p. 46.
- 3 Pelliot, 1920, p. 146.
- 4 Sinor, 1963, p. 306.
- 5 Grousset, 1939, p. 248.
- 6 Vladimirtsov, 1948b, pp. 39—40.
- 7 Grousset, 1939, p. 250.
- 8 Vladimirtsov, 1948b, p. 43.
- 9 Ibid., p. 46.
- 10 Ibid., p. 43.
- 11 Ibid., p. 47.
- 12 Grousset, 1939, p. 250.
- 13 Ibid., p. 250.
- 14 Vladimirtsov, 1948b, p. 56.
- 15 Vernadsky, 1953, p. 13.
- 16 Vladimirtsov, 1948b, p. 60; Boyle, 1958, p. 60; Jackson, 1978, p. 193.
- 17 Grousset, Auboyer et Buhot, 1941, p. 278.
- 18 Pelliot, 1914, p. 627; Grousset, 1939, p. 245.
- 19 Barthold, 1935, p. 151.
- 20 Grousset, 1939, p. 244.
- 21 von Erdmann, 1862, p. 563; Grousset, 1939, p. 244.
- 22 Pelliot, 1920, p. 146.
- 23 Pelliot et Hambis, 1951, pp. 273—278.
- 24 Barthold, 1935, p. 51; Pelliot, 1929, p. 125.
- 25 Boyle, 1958, p. 20.
- 26 Dawson, 1955, pp. 72, 123—124.
- 27 Barthold, 1935, p. 151.
- 28 Grousset, 1941, p. 55.
- 29 Ibid., p. 25.
- 30 Pelliot, 1920, p. 146; Pelliot et Hambis, 1951, pp. 402—409.
- 31 Grousset, 1939, p. 248.
- 32 Barthold, 1935, p. 127; Pelliot, 1914, p. 629.
- 33 Vladimirtsov, 1948b, p. 40.
- 34 Spuler, 1966, p. 151.
- 35 Barthold, 1935, p. 48.
- 36 Ibid., p. 49.
- 37 Vladimirtsov, 1948a, p. 49.
- 38 Jahn, 1954, p. 19.
- 39 Ibid., p. 18; Spuler, 1966, p. 153.
- 40 Barthold, 1935, p. 52.
- 41 Grousset, 1939, p. 276.
- 42 Ibid., p. 277.
- 43 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 409.
- 44 Pelliot, 1930, p. 33; Spuler, 1972, p. 31.
- 45 Jagchid and Bawden, 1965, p. 246.
- 46 Risch, 1930, p. 80.
- 47 Spuler, 1972, p. 176.
- 48 Moule and Pelliot, 1938, p. 168.
- 49 Haenisch, 1933, p. 145; Boyle, 1965, p. 145.
- 50 Spuler, 1966, pp. 142—143.
- 51 Grousset, 1939, p. 251.
- 52 Ibid.
- 53 Dawson, 1955, p. 94.
- 54 Ibid.
- 55 Spuler, 1972, p. 31.
- 56 Boyle, 1963, p. 201.
- 57 D'Ohsson, 1834, vol. 2, p. 618.
- 58 Boyle, 1963, p. 201.
- 59 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 369, vol. 2, pp. 30, 42.
- 60 Hambis, 1970, p. 129.
- 61 Dawson, 1955, p. 96.
- 62 Risch, 1930, p. 95.
- 63 Boyle, 1958, p. 21.
- 64 D'Ohsson, 1834, vol. 2, p. 59, 86, 107, 204.
- 65 Vladimirtsov, 1948b, p. 69.
- 66 Ibid.
- 67 Dawson, 1955, p. 103.
- 68 Vladimirtsov, 1948a, p. 35.
- 69 Dawson, 1955, p. 107.
- 70 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 19.

CHAPTER 2

- 1 Vladimirtsov, 1948a, p. 12; Grousset, 1939, p. 253.
- 2 Pelliot et Hambis, 1951, p. 231.
- 3 Haenisch, 1948, par. 54; Cleaves, 1982, sect. 54.
- 4 Haenisch, 1948, par. 54—56; Cleaves, 1982, sect. 56.
- 5 Haenisch, 1948, par. 60.
- 6 Ibid., par. 101.
- 7 Ibid.; Pelliot et Hambis, 1951, p. 186; Ratchnevsky, 1983, p. 150.

* Приведены по оригинальному изданию.

- 8 Vladimirtsov, 1948a, p. 12.
 9 Krause, 1922, p. 41; Pelliot, 1959, pp. 282—286; Schmidt, 1829, p. 63.
 10 Pelliot et Hambis, 1951, p. 126.
 11 Heissig, 1964, p. 43.
 12 Pelliot, 1959, p. 289.
 13 Haenisch, 1948, par. 59; Cleaves, 1982, sect. 59; Krause, 1922, p. 11.
 14 Grousset, 1941, p. 51.
 15 Haenisch, 1948, par. 61; Cleaves, 1982, sect. 61; Ratchnevsky, 1983, p. 19.
 16 Haenisch, 1948, par. 63.
 17 Ibid., par. 70—73.
 18 Ibid., par. 60; Pelliot et Hambis, 1951, p. 173.
 19 Haenisch, 1948, par. 79—87; Cleaves, 1982, sect. 82—87.
 20 Haenisch, 1948, par. 90—93; Cleaves, sect. 90—93.
 21 Haenisch, 1948, par. 116.
 22 Ibid., par. 40.
 23 Ibid., par. 94; Cleaves, 1982, sect. 94.
 24 Haenisch, 1948, par. 96.
 25 Ibid., par. 97; Cleaves, 1982, sect. 97.
 26 Haenisch, 1948, par. 100; Boyle, 1971, p. 228.
 27 Haenisch, 1948, par. 99, 101.
 28 Ibid., par. 103.
 29 Ibid., par. 104—110.
 30 Ibid., par. 112.
 31 Pelliot, 1949, p. 26; Boyle, 1971, pp. 97—98.
 32 Haenisch, 1948, par. 117.
 33 Vladimirtsov, 1948a, p. 29.
 34 Haenisch, 1948, par. 118—119; Cleaves, 1982, sect. 118—119.
 35 Haenisch, 1948, par. 123.
 36 Pelliot, 1959, p. 297; Ratchnevsky, 1983, pp. 82—83.
 37 Pelliot, 1959, p. 301; Boyle, 1958, p. 39.
 38 Vladimirtsov, 1948a, p. 34.
 39 Haenisch, 1948, par. 125; Cleaves, 1982, sect. 125.
 40 Vladimirtsov, 1948a, pp. 34—35.
 41 Krause, 1922, p. 12; Haenisch, 1948, par. 129; Pelliot et Hambis, 1951, p. 37.
 42 Pelliot et Hambis, 1951, p. 135.
 43 Ibid., p. 231; Krause, 1922, p. 15.
 44 Krause, 1922, p. 15; Haenisch, 1948, par. 151, 155, 177; Pelliot et Hambis, 1951, p. 231.
 45 Haenisch, 1948, par. 132.
 46 Krause, 1922, p. 14; Pelliot et Hambis, 1951, p. 192.
 47 Pelliot et Hambis, 1951, p. 192.
 48 Ibid.; Krause, 1922, p. 15.
 49 Haenisch, 1948, par. 134; Pelliot et Hambis, 1951, p. 192.
 50 Haenisch, 1948, par. 135.
 51 Ratchnevsky, 1965, pp. 90—91.
 52 Pelliot et Hambis, 1951, p. 192.
 53 Krause, 1922, p. 15; Pelliot et Hambis, 1951, pp. 214, 257; Boyle, 1977, p. 75.
 54 Pelliot et Hambis, 1951, p. 309.
 55 Grousset, 1941, p. 99; Hambis, 1973, p. 62.
 56 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 75.
 57 Haenisch, 1948, par. 159; Pelliot et Hambis, 1951, p. 295; Cleaves, 1982, sect. 159.
 58 Krause, 1922, p. 16; Haenisch, 1948, par. 161.
 59 Krause, 1922, p. 16; Haenisch, 1948, par. 161; Pelliot et Hambis, 1951, p. 295.
 60 Haenisch, 1948, par. 163; Pelliot et Hambis, 1951, p. 296; de Rachewiltz, 1977, p. 46.
 61 Krause, 1922, p. 17.
 62 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 60.
 63 Krause, 1922, p. 17.
 64 Ibid., p. 18; Haenisch, 1948, par. 141; Cleaves, 1982, sect. 141.
 65 Barthold, 1935, p. 123; Barthold, 1956, vol. 1, p. 28.
 66 Haenisch, 1948, par. 129.
 67 Ibid., par. 142—143; Krause, 1922, p. 19.
 68 Vladimirtsov, 1948, p. 39.
 69 Haenisch, 1948, par. 145.
 70 Pelliot et Hambis, 1951, p. 155.
 71 Ibid., pp. 155—156; Haenisch, 1948, par. 147; Cleaves, 1982, sect. 147.
 72 Haenisch, 1948, par. 154; Hambis, 1973, pp. 72—73; Cleaves, 1982, sect. 154.
 73 Vladimirtsov, 1948, p. 40.
 74 Haenisch, 1948, par. 155; Cleaves, 1982, sect. 155.
 75 Krause, 1922, p. 19.

- 76 Haenisch, 1948, par. 153; Cleaves, 1982, sect. 153.
77 Grousset, 1939, p. 264.

CHAPTER 3

- 1 Haenisch, 1948, par. 164; Cleaves, 1982, sect. 164.
2 Vladimirtsov, 1948a, p. 42.
3 Krause, 1922, p. 20; Haenisch, 1948, par. 165; Cleaves, 1982, sect. 165.
4 Krause, 1922, p. 20.
5 *Ibid.*, p. 21; Haenisch, 1948, par. 168; Cleaves, 1982, sect. 168.
6 Krause, 1922, p. 21; Haenisch, 1948, par. 169; Boyle, 1958, p. 37.
7 Krause, 1922, p. 21; Haenisch, 1948, par. 170.
8 Haenisch, 1948, par. 170.
9 *Ibid.*, par. 171; Cleaves, 1982, sect. 171.
10 Haenisch, 1948, par. 172—173; Cleaves, 1982, sect. 172—173.
11 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 73
12 Haenisch, 1948, par. 178.
13 Pelliot et Hambis, 1951, pp. 41—42.
14 *Ibid.*, pp. 45—47; Cleaves, 1955, pp. 357—421; Boyle, 1958, p. 37.
15 Krause, 1922, p. 23—24; Cleaves, 1955, p. 357—421.
16 Krause, 1922, p. 24.
17 *Ibid.*, p. 23.
18 *Ibid.*, p. 24; Haenisch, 1948, par. 83—185; de Rachewitz, 1977, p. 47.
19 Krause, 1922, p. 24.
20 Hambis, 1973, p. 84.
21 Haenisch, 1948, par. 187; Cleaves, 1982, sect. 187.
22 Krause, 1922, p. 25; Haenisch, 1948, par. 190.
23 Krause, 1922, p. 25; Haenisch, 1948, par. 193.
24 Haenisch, 1948, par. 193.
25 Krause, 1922, p. 26.
26 Haenisch, 1948, p. 194; Cleaves, 1982, sect. 194.
27 Krause, 1922, p. 26.
28 Haenisch, 1948, par. 195; Cleaves, 1982, sect. 195.
29 Krause, 1922, p. 26.
30 *Ibid.*
31 Haenisch, 1948, par. 196.
32 Krause, 1922, p. 26.
33 Haenisch, 1948, par. 196; Cleaves, 1982, sect. 196.
34 Haenisch, 1948, par. 196; Cleaves, 1982, sect. 196.
35 Haenisch, 1948, par. 189.
36 *Ibid.*, par. 197; Cleaves, 1982, sect. 197.
37 Krause, 1922, p. 28.
38 Vladimirtsov, 1948a, p. 65.
39 Krause, 1922, p. 29.
40 Haenisch, 1948, par. 239.
41 *Ibid.*, par. 198.
42 Barthold, 1928, p. 361.
43 Haenisch, 1948, par. 200—201; Cleaves, 1982, sect. 200—201.
44 Vladimirtsov, 1948a, p. 65.
45 Haenisch, 1948, par. 235; Cleaves, 1982, sect. 235.
46 Barthold, 1928, p. 362.
47 Krause, 1922, p. 29; Ratchevsky, 1983, p. 92.
48 Haenisch, 1948, par. 238; Boyle, 1958, pp. 44—46.
49 Haenisch, 1948, par. 238; Vladimirtsov, 1948a, p. 65.
50 Haenisch, 1948, par. 240—241.
51 *Ibid.*, par. 202; Krause, 1922, p. 29.
52 Vladimirtsov, 1948b, p. 108.
53 Krause, 1922, p. 28.
54 Grousset, 1941, p. 181; Boyle, 1958, p. 39.
55 Haenisch, 1948, par. 177.
56 Pelliot, 1930, p. 32.
57 Vladimirtsov, 1948a, p. 54.
58 Haenisch, 1948, par. 202; Cleaves, 1982, sect. 202.
59 Haenisch, 1948, par. 202; de Rachewitz, 1977, p. 49.
60 Haenisch, 1948, par. 244; Cleaves, 1982, sect. 244.
61 Haenisch, 1948, par. 245; Cleaves, 1982, sect. 245.

CHAPTER 4

- 1 Vladimirtsov, 1948a, p. 55.
2 *Ibid.*, p. 36.
3 Barthold, 1928, p. 386; Ratchnevsky, 1983, p. 162.
4 Vladimirtsov, 1948a, p. 61; Ratchnevsky, 1983, p. 162.
5 Morgan, 1986a, p. 163.
6 Ratchnevsky, 1983, p. 87.
7 Vernadsky, 1938, pp. 339, 360; Ayalon, 1971a, p. 135.

- 8 Valdimirtsov, 1948a, p. 61; Ratchnevsky, 1983, p. 87, 165.
- 9 Barthold, 1928, pp. 391—392; Boyle, 1958, p. 42; Ayalon, 1971b, pp. 154—155.
- 10 Ayalon, 1971b, pp. 127, 132, 140.
- 11 Ratchnevsky, 1983, pp. 165—166.
- 12 *Ibid.*, p. 87.
- 13 Riasanovsky, 1931, pp. 402—404.
- 14 Riasanovsky, 1937, p. 33.
- 15 Ayalon, 1971b, pp. 151—152.
- 16 Boyle, 1958, p. 40.
- 17 Riasanovsky, 1937, p. 33.
- 18 Vernadsky, 1953, p. 30.
- 19 Pelliot, 1930, pp. 193, sq.; Olbricht, 1954, pp. 36—40.
- 20 Olbricht, 1954, pp. 66, 87.
- 21 *Ibid.*, pp. 40—41.
- 22 Vernadsky, 1953, p. 127.
- 23 Spuler, 1985, p. 350.
- 24 Olbricht, 1954, p. 20; Spuler, 1985, p. 349.

CHAPTER 5

- 1 Valdimirtsov, 1948b, p. 132.
- 2 Spuler, 1960, p. 36.
- 3 Barthold, 1928, p. 386; Boyle, 1958, p. 32.
- 4 Valdimirtsov, 1948a, p. 59.
- 5 Boyle, 1958, p. 150; Boyle, 1971, p. 30.
- 6 Barthold, 1928, p. 385.
- 7 Grousset, 1939, p. 282; Boyle, 1958, p. 37.
- 8 Vernadsky, 1938, p. 351.
- 9 Valdimirtsov, 1948a, p. 59.
- 10 Haenisch, 1948, par. 220; de Rachewiltz, 1977, p. 47.
- 11 Pelliot, 1930, p. 33.
- 12 Haenisch, 1948, par. 209.
- 13 *Ibid.*, par. 224—229; Barthold, 1928, pp. 383—384; Pelliot, 1930, p. 26.
- 14 Barthold, 1928, p. 384; Haenisch, 1948, par. 224.
- 15 Haenisch, 1948, par. 226.
- 16 Valdimirtsov, 1948a, p. 57.
- 17 Haenisch, 1948, par. 224.
- 18 Grousset, 1939, p. 282.
- 19 Valdimirtsov, 1948a, p. 58.
- 20 Haenisch, 1948, par. 192.
- 21 *Ibid.*, par. 228.
- 22 Risch, 1930, pp. 161—169; Grenard, 1935, p. 76.

- 23 Martin, 1950, p. 19.
- 24 Poucha, 1956, p. 144.
- 25 Barthold, 1928, p. 421; Sinor, 1981, p. 137.
- 26 Moule and Pelliot, 1938, p. 173.
- 27 von Erdmann, 1862, p. 364.
- 28 Grousset, 1939, p. 284.
- 29 de Hartog, 1979b, p. 479.
- 30 Grousset, 1939, p. 284; Sinor, 1976, p. 251; Sinor, 1981, p. 137.
- 31 de Hartog, 1979b, p. 480.
- 32 Altunian, 1911, p. 74.
- 33 Risch, 1930, p. 175.
- 34 *Ibid.*, p. 174.
- 35 Haenisch, 1948, par. 193; Boyle, 1958, p. 373.
- 36 Altunian, 1911, pp. 76—77.
- 37 Franke, H., 1974, pp. 169—172.
- 38 Risch, 1930, p. 17.
- 39 de Hartog, 1979b, p. 482.
- 40 Moule and Pelliot, 1938, p. 173.
- 41 Martin, 1950, p. 17.
- 42 Vernadsky, 1953, p. 116.
- 43 Sinor, 1971, pp. 239, 241.
- 44 de Hartog, 1979b, p. 482.
- 45 Vernadsky, 1938, p. 354; Sinor, 1981, p. 135.
- 46 Vernadsky, 1938, p. 351.
- 47 Riasanovsky, 1937, p. 164.
- 48 Boyle, 1958, p. 40.
- 49 Dawson, 1955, pp. 100—101; Boyle, 1958, pp. 27—28.
- 50 Boyle, 1958, p. 28.
- 51 Vernadsky, 1953, p. 118—119.
- 52 Boyle, 1971, p. 53.
- 53 Westermann *Lexicon der Geographie*, vol. 3, 1970, pp. 392—394.
- 54 de Hartog, 1979b, p. 484.
- 55 Barthold, 1928, p. 404.
- 56 Valdimirtsov, 1948a, p. 72.

CHAPTER 6

- 1 Duyvendak, 1935, pp. 170—201; Fitzgerald, 1942, pp. 373—417; Eberhard, 1960, pp. 187—230.
- 2 Pelliot, 1914, p. 631; Grousset, 1941, pp. 210—212.
- 3 Haenisch, 1948, par. 249.
- 4 Krause, 1922, p. 27; Ratchnevsky, 1983, p. 93.
- 5 Hambis, 1973, p. 91.
- 6 Krause, 1922, p. 28; Grousset, 1941, p. 213; Ratchnevsky, 1983, p. 94.

- 7 Hambis, 1973, pp. 98—99.
 8 Krause, 1922, p. 29.
 9 Haenisch, 1948, par. 265.
 10 Krause, 1922, p. 29.
 11 Ibid.; Ratchnevsky, 1983, p. 94.
 12 Krause, 1922, p. 29; Haenisch, 1948, par. 249; Ratchnevsky, 1983, p. 95.
 13 Grousset, 1941, p. 215.
 14 Ibid.
 15 Krause, 1922, p. 30.
 16 Ibid.
 17 Pelliot et Hambis, 1951, pp. 181—182.
 18 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 213.
 19 Grenard, 1935, p. 109.
 20 Vladimirtsov, 1948a, pp. 76—77.
 21 Martin, 1950, p. 126.
 22 Krause, 1922, pp. 30—31; Pelliot et Hambis, 1950, p. 62.
 23 Waley, 1931, pp. 62—63.
 24 Krause, 1922, p. 30.
 25 Ibid., p. 31.
 26 Ibid.
 27 Ibid.
 28 Grousset, 1939, p. 288.
 29 Haenisch, 1948, par. 247; Grousset, 1941, p. 218.
 30 Krause, 1922, p. 31.
 31 Ibid.
 32 Waldron, 1983, p. 656.
 33 Grousset, 1944, p. 244.
 34 Krause, 1922, p. 32.
 35 Grenard, 1935, p. 118.
 36 Krause, 1922, p. 32.
 37 Martin, 1950, p. 165.
 38 Grousset, 1941, p. 219.
 39 Grousset, 1944, p. 245.
 40 Martin, 1950, p. 165.
 41 Grousset, 1944, p. 247.
 42 Krause, 1922, p. 32.
 43 Pelliot et Hambis, 1951, p. 173.
 44 Krause, 1922, p. 32; Vladimirtsov, 1948a, p. 80.
 45 Martin, 1950, p. 169.
 46 Vladimirtsov, 1948a, p. 81.
 47 Krause, 1922, p. 32.
 48 Ibid., p. 33.
 49 Martin, 1950, p. 170.
 50 Krause, 1922, p. 33.
 51 Grousset, 1941, p. 220.
 52 Krause, 1922, p. 33.
 53 Haenisch, 1948, par. 251; Boyle, 1971, p. 34.
 54 Vladimirtsov, 1948a, p. 81.
 55 Krause, 1922, p. 33.
 56 Ibid.; Vladimirtsov, 1948a, p. 81.
 57 Krause, 1922, p. 33; de Rachewiltz, 1977, p. 49.
 58 Krause, 1922, p. 33.
 59 Ibid., p. 34.
 60 Ibid., p. 33.
 61 Grousset, 1944, p. 249.
 62 Martin, 1950, p. 176.
 63 Hambis, 1973, p. 103.
 64 Krause, 1922, p. 34.
 65 von Erdmann, 1862, p. 328.
 66 Krause, 1922, p. 33.
 67 Barthold, 1928, pp. 393—394.
 68 Haenisch, 1948, par. 252.
 69 Martin, 1950, p. 180; Kwanten, 1979, p. 118.
 70 Krause, 1922, p. 34.
 71 Ibid., p. 35.
 72 Ibid.; Martin, 1950, p. 190.
 73 Walker, 1939, p. 68.
 74 Grousset, 1944, p. 252.
 75 Grousset, 1939, p. 292.
 76 Krause, 1922, p. 35.
 77 Martin, 1950, p. 161.
 78 Barthold, 1936, p. 882; Martin, 1950, p. 242; de Rachewiltz, 1977, p. 50; Ratchnevsky, 1983, p. 110.
 79 Grousset, 1944, p. 252.
 80 Grousset, 1939, p. 293.
 81 Krause, 1922, p. 35.
 82 Ibid.
 83 Ibid., p. 36.
 84 Ibid., p. 37; de Rachewiltz, 1977, pp. 51—52.
 85 de Rachewiltz, 1977, p. 52—53.
 86 Krause, 1922, p. 38.
 87 Ibid.
 88 Pelliot, 1930, p. 49; Pelliot et Hambis, 1951, p. 371; de Rachewiltz, 1977, p. 54.
 89 Vladimirtsov, 1948a, p. 87.
 90 Ibid.
 91 Ibid., p. 89.
 92 Ibid., p. 85; Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 10; de Rachewiltz, 1962, p. 193.
 93 Grousset, 1944, p. 255; de Rachewiltz, 1962, p. 194.
 94 Grousset, 1941, p. 265.
 95 Vladimirtsov, 1948a, p. 84.
 96 Ibid.
 97 Ibid.

CHAPTER 7

- 1 Sinor, 1954, p. 84.
- 2 Barthold, 1956, vol. 1, p. 27; Hambis, 1953, p. 56; Bosworth, 1968, p. 148.
- 3 Barthold, 1956, vol. 1, pp. 27—28.
- 4 *Ibid.*, p. 28.
- 5 *Ibid.*, p. 29.
- 6 Bosworth, 1968, p. 147.
- 7 Spuler, 1965, p. 346; Hambis, 1953, p. 56.
- 8 Barthold, 1928, p. 324.
- 9 *Ibid.*, p. 327; Barthold, 1956, vol. 1, p. 29.
- 10 Barthold, 1945, p. 109; Spuler, 1966, p. 196.
- 11 Barthold, 1928, p. 339.
- 12 Bosworth, 1968, p. 167.
- 13 Hartman, 1975, p. 70.
- 14 Ross and Elias, 1895, p. 125.
- 15 Spuler, 1966, p. 197; Hartman, 1975, p. 75.
- 16 Barthold, 1928, p. 348; Hartman, 1975, pp. 75—78.
- 17 Barthold, 1928, p. 348; Bosworth, 1968, p. 182; Hartman, 1975, p. 78.
- 18 Barthold, 1928, p. 348.
- 19 *Ibid.*, p. 349.
- 20 Bosworth, 1968, p. 191.
- 21 Spuler, 1966, p. 199; Hartman, 1975, p. 80.
- 22 Barthold, 1928, p. 367; Ratchnevsky, 1983, p. 107.
- 23 Barthold, 1935, p. 150.
- 24 Barthold, 1945, p. 109.
- 25 Barthold, 1935, p. 155.
- 26 Barthold, 1928, pp. 365—366; Boyle, 1958, p. 395.
- 27 Barthold, 1928, p. 364; Barthold, 1935, p. 150; Hartman, 1975, p. 80.
- 28 Barthold, 1928, p. 369.
- 29 Barthold, 1956, vol. 1, p. 35.
- 30 Barthold, 1928, p. 369.
- 31 Barthold, 1956, vol. 1, p. 34.
- 32 Barthold, 1928, p. 368; Boyle, 1958, p. 65.
- 33 Boyle, 1958, p. 64.
- 34 *Ibid.*, pp. 66, 73.
- 35 Boyle, 1968, p. 303.
- 36 Barthold, 1928, p. 393.
- 37 Boyle, 1968, p. 303.
- 38 Barthold, 1928, p. 394.
- 39 Boyle, 1968, p. 303.
- 40 *Ibid.*, p. 304.
- 41 Barthold, 1928, p. 396.
- 42 Boyle, 1968, p. 304.
- 43 Barthold, 1928, p. 396.
- 44 *Ibid.*, p. 397.
- 45 Boyle, 1968, p. 304.
- 46 Barthold, 1928, p. 397.
- 47 *Ibid.*, p. 394; Spuler, 1966, p. 205.
- 48 Spuler, 1966, p. 205.
- 49 Barthold, 1928, p. 395.
- 50 Spuler, 1966, p. 205.
- 51 Lech, 1968, p. 19.
- 52 Barthold, 1928, p. 394.
- 53 Barthold, 1956, vol. 1, p. 71.
- 54 Vladimirtsov, 1948a, p. 93.
- 55 Barthold, 1928, p. 395.
- 56 Vladimirtsov, 1948a, p. 93.
- 57 Barthold, 1928, p. 397.
- 58 Boyle, 1968, p. 304.
- 59 Haenisch, 1948, par. 254; Cleaves, 1982, sect. 253.
- 60 Boyle, 1958, p. 79; Pelliot, 1930, pp. 52—53.
- 61 Boyle, 1968, p. 305.
- 62 Barthold, 1928, p. 399.
- 63 Vladimirtsov, 1948a, p. 94; Boyle, 1958, p. 367.
- 64 Boyle, 1958, p. 80.
- 65 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 277; Barthold, 1928, p. 399.
- 66 Grousset, 1944, p. 263; Boyle, 1958, p. 75.
- 67 Barthold, 1928, p. 401; Boyle, 1958, p. 65.
- 68 Grousset, 1944, p. 264.
- 69 Grousset, 1941, p. 224.
- 70 *Ibid.*, p. 197; Boyle, 1968, p. 305.
- 71 Vladimirtsov, 1948a, p. 89; Boyle, 1963, p. 305.
- 72 Marquart, 1914, p. 136; Barthold, 1928, p. 371; Spuler, 1960, p. 89.
- 73 Haenisch, 1948, par. 202, 237.
- 74 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 172; Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 233.
- 75 Barthold, 1928, pp. 401, 402; Martin, 1950, p. 231; Ratchnevsky, 1983, p. 107.
- 76 Barthold, 1928, p. 402; Vladimirtsov, 1948a, p. 91.
- 77 Barthold, 1928, p. 402; Grousset, 1944, p. 265.

- 78 Boyle, 1958, p. 67.
 79 Ibid.
 80 Ibid.
 81 Ibid.; Pelliot, 1930, p. 55.
 82 Boyle, 1958, p. 68.
 83 Barthold, 1928, p. 403; Grousset, 1944, p. 266.
 84 Boyle, 1958, p. 143.
 85 Barthold, 1928, p. 403; Vladimirtsov, 1948a, p. 98.
 86 Barthold, 1956, vol. 1, p. 38; Hartman, 1975, p. 82.
 87 Barthold, 1935, p. 148; Spuler, 1960, p. 8; Spuler, 1966, p. 205.
 88 Hartman, 1975, pp. 83—84.
 89 Barthold, 1928, p. 399; Boyle, 1958, p. 390.
 90 Hartman, 1975, p. 84.
 91 Barthold, 1928, p. 400.
 92 Ibid.
 93 Haenisch, 1948, par. 254.
 94 Ibid., par. 243.
 95 Boyle, 1971, pp. 17, 164.
 96 Haenisch, 1948, par. 255.
 97 Ibid.; Boyle, 1971, p. 17.
 98 Haenisch, 1948, par. 255.
- CHAPTER 8
- 1 Barthold, 1935, p. 123.
 2 Barthold, 1928, p. 377.
 3 Ibid.
 4 Ibid., p. 378.
 5 Boyle, 1958, p. 466; Spuler, 1966, p. 199.
 6 Barthold, 1928, p. 379.
 7 Spuler, 1972, p. 32.
 8 Barthold, 1956, vol. 1, p. 71; Ratchnevsky, 1983, p. 154.
 9 Barthold, 1928, p. 404.
 10 Boyle, 1958, p. 376; Boyle, 1968, p. 306.
 11 Barthold, 1928, p. 405; Barthold, vol. 1, p. 39.
 12 Grenard, 1935, p. 139.
 13 Spuler, 1985, p. 22.
 14 Barthold, 1928, p. 160.
 15 Barthold, 1928, pp. 371—372; Boyle, 1968, p. 306.
 16 Barthold, 1928, p. 406.
 17 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 212.
 18 Barthold, 1928, pp. 409, 411.
 19 Haenisch, 1948, par. 257.
- 20 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 10; Vladimirtsov, 1948a, p. 96.
 21 Haenisch, 1948, par. 257.
 22 Bretschneider, 1910, vol. 1, 277; Boyle, 1958, p. 82.
 23 Barthold, 1928, p. 403; Martin, 1950, p. 237.
 24 Barthold, 1928, p. 404.
 25 Ibid., p. 407.
 26 Barthold, 1935, p. 161.
 27 Haenisch, 1959, p. 87.
 28 Waley, 1931, p. 78.
 29 Boyle, 1958, p. 83; Boyle, 1968, p. 307.
 30 Barthold, 1928, p. 407.
 31 Boyle, 1958, pp. 100—102.
 32 Barthold, 1928, pp. 408—409.
 33 Boyle, 1968, p. 307.
 34 Barthold, 1928, p. 409.
 35 Grousset, 1944, p. 284; Boyle, 1958, p. 106.
 36 Barthold, 1928, p. 410.
 37 Grousset, 1944, p. 286.
 38 Spuler, 1985, p. 22.
 39 Boyle, 1958, p. 117; Boyle, 1968, p. 308.
 40 Barthold, 1928, p. 411.
 41 Boyle, 1958, p. 108; Boyle, 1968, p. 308.
 42 Barthold, 1928, p. 412.
 43 Ibid., p. 419; Boyle, 1958, p. 378.
 44 Barthold, 1928, p. 419.
 45 Boyle, 1958, p. 143.
 46 Barthold, 1935, p. 161.
 47 Waley, 1931, p. 93.
 48 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 278; Barthold, 1928, p. 412; Boyle, 1958, p. 85.
 49 Barthold, 1928, p. 414.
 50 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 278; Boyle, 1958, pp. 86—90.
 51 Barthold, 1928, p. 417.
 52 Boyle, 1958, p. 143.
 53 Barthold, 1928, pp. 417, 419.
 54 Ibid., pp. 417—418; Boyle, 1958, p. 93.
 55 Boyle, 1968, p. 308.
 56 Barthold, 1928, p. 427.
 57 Ibid., p. 420.
 58 Boyle, 1958, p. 143.
 59 Haenisch, 1958, par. 257.
 60 Barthold, 1928, p. 420.

- 61 *Ibid.*, p. 421; Boyle, 1968, p. 307.
 62 Barthold, 1928, p. 422.
 63 Boyle, 1958, p. 144.
 64 *Ibid.*, p. 145; Boyle, 1968, p. 310.
 65 Boyle, 1958, p. 146.
 66 *Ibid.*, p. 384; Barthold, 1928, pp. 422, 425.
 67 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 280; Barthold, 1928, p. 426.
 68 Spuler, 1985, p. 24.
 69 Boyle, 1968, p. 311.
 70 Haenisch, 1948, par. 257.
 71 Barthold, 1928, p. 424; Boyle, 1958, pp. 174—175.
 72 Boyle, 1958, p. 175.
 73 Barthold, 1928, p. 446.
 74 *Ibid.*, p. 428.
 75 Grousset, 1944, p. 291.
 76 Barthold, 1928, pp. 430—431.
 77 *Ibid.*, p. 432.
 78 Boyle, 1958, pp. 399—401.
 79 *Ibid.*, p. 402; Boyle, 1968, p. 317.
 80 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 280; Barthold, 1928, p. 432.
 81 Barthold, 1928, p. 437; Boyle, 1958, pp. 402—404.
 82 Boyle, 1958, p. 131; Boyle, 1968, p. 312.
 83 Barthold, 1928, p. 433.
 84 Boyle, 1958, p. 126.
 85 Barthold, 1928, p. 434; Boyle, 1958, pp. 124, 126.
 86 Haenisch, 1948, par. 254.
 87 Barthold, 1928, p. 435; Boyle, 1971, p. 118.
 88 Barthold, 1928, pp. 436—437.
 89 Boyle, 1968, p. 313.
 90 Boyle, 1958, p. 159.
 91 Barthold, 1928, p. 446.
 92 Spuler, 1960, p. 9.
 93 Boyle, 1971, p. 165.
 94 Boyle, 1958, p. 162; Boyle, 1968, p. 313.
 95 Grousset, 1939, p. 301.
 96 Grousset, 1944, p. 306.
 97 Boyle, 1968, p. 314.
 98 *Ibid.*
 99 Grousset, 1939, p. 302; Boyle, 1958, pp. 177—178.
 100 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 281; Grousset, 1939, p. 302.
 101 Boyle, 1958, p. 152; Boyle, 1971, p. 165.
 102 Boyle, 1958, p. 132; Boyle, 1968, pp. 312, 317.
 103 Barthold, 1928, p. 441.
 104 Boyle, 1958, pp. 406—407; Boyle, 1968, p. 319.
 105 Barthold, 1928, p. 443.
 106 Boyle, 1958, p. 132.
 107 Boyle, 1971, p. 137.
 108 Boyle, 1958, pp. 132—133.
 109 D'Ohsson, 1834, vol. 1, pp. 294—296.
 110 Boyle, 1968, p. 320.
 111 Grousset, 1939, p. 303.
 112 Barthold, 1928, pp. 445—446; Boyle, 1968, p. 320.
 113 Boyle, 1958, pp. 134, 411.
 114 Barthold, 1928, p. 446.
 115 Haenisch, 1933, p. 529; Krause, 1922, p. 38; Barthold, 1928, p. 446.
 116 Barthold, 1928, p. 449.
 117 Vladimirtsov, 1948a, p. 106.
 118 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 282; Boyle, 1958, p. 135.

CHAPTER 9

- 1 Altunian, 1911, p. 21.
 2 Grousset, 1941, p. 258.
 3 Grousset, 1944, p. 341.
 4 Grenard, 1935, p. 165.
 5 Grousset, 1944, p. 341.
 6 Grousset, 1941, p. 516.
 7 Schütz, 1973, p. 256.
 8 *Ibid.*
 9 Grousset, 1944, p. 341.
 10 *Ibid.*, p. 342.
 11 Grousset, 1939, p. 307.
 12 Grousset, 1941, p. 517.
 13 Schütz, 1973, p. 257.
 14 Grousset, 1939, p. 307.
 15 Altunian, 1911, p. 21.
 16 Schutz, 1973, p. 258.
 17 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 295; Marquart, 1914, p. 142; Grousset, 1941, p. 517.
 18 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 295; Marquart, 1914, p. 143; Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 54; Spuler, 1965, p. 12.
 19 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 296; Vernadsky, 1948, p. 39.
 20 Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 191.
 21 *Ibid.*, p. 190; Bezzola, 1974, p. 41.

- 22 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 296; Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 191.
 23 Grousset, 1939, p. 208.
 24 Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 193.
 25 Grousset, 1941, pp. 518—519.
 26 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 297; Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 193.
 27 Grenard, 1935, p. 168; Grousset, 1939, p. 308.
 28 von Erdmann, 1862, pp. 434—435; Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 194.
 29 Marquart, 1914, p. 145; Barthold, 1956, vol. 1, p. 41.
 30 Grenard, 1935, p. 168.
 31 Marquart, 1914, p. 146; Grousset, 1939, p. 308.
 32 Haenisch, 1933, p. 534; Haenisch, 1948, par. 257; Cleaves, 1982, sect. 257.
 33 Wolff, 1872, p. 110; Howorth, 1876, vol. 2, p. 97.
 34 Spuler, 1960, p. 10.
- CHAPTER 10**
- 1 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 35.
 2 Waley, 1931, p. 51.
 3 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 42; Waley, 1931, p. 48.
 4 Waley, 1931, p. 44.
 5 D'Ohsson, 1834, vol. 1, p. 416.
 6 Waley, 1931, p. 54.
 7 Ibid., p. 69.
 8 Ibid., p. 92.
 9 Ibid., pp. 93—110. 10 Ibid., p. 112.
 10 Ibid., p. 117.
 12 Ibid., p. 118.
 13 Ibid., p. 133.
 14 Ibid., p. 135.
 15 Boyle, 1958, pp. 137—138.
 16 Barthold, 1928, p. 453.
 17 D'Ohsson, 1834, vol. 2, pp. 319—323.
 18 Barthold, 1928, p. 453.
 19 Boyle, 1958, pp. 137—138.
 20 Ibid., p. 139.
 21 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 283; Barthold, 1928, pp. 454—455.
 22 Boyle, 1968, p. 321.
 23 Vladimirtsov, 1948a, p. 108.
 24 Barthold, 1928, p. 455; Boyle, 1968, p. 322.
 25 Vladimirtsov, 1948a, p. 109.
 26 Spuler, 1966, p. 208.
 27 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 283; Barthold, 1928, p. 456; Boyle, 1968, p. 322.
 28 Barthold, 1928, p. 456.
 29 Ibid.; Boyle, 1958, p. 96.
 30 Barthold, 1928, p. 457.
 31 Yule, 1916, vol. 2, pp. 287—288.
 32 Waley, 1931, pp. 34—38, 72, 112.
 33 Boyle, 1958, p. 97.
 34 Haenisch, 1948, par. 263.
 35 Pelliot, 1930, pp. 47—48.
 36 Barthold, 1956, vol. 1, p. 71.
 37 Grousset, 1939, p. 304.
 38 Barthold, 1928, p. 163.
 39 Spuler, 1960, p. 9.
 40 Grousset, 1939, pp. 304—305.
 41 Barthold, 1928, p. 163; Schurman, 1956, p. 304.
- CHAPTER 11**
- 1 Haenisch, 1948, par. 256.
 2 Krause, 1922, p. 39.
 3 Boyle, 1971, p. 147.
 4 Vladimirtsov, 1948a, p. 113.
 5 Haenisch, 1948, par. 265.
 6 Krause, 1922, p. 39.
 7 Grenard, 1935, p. 309.
 8 Walker, 1939, p. 294.
 9 Grenard, 1935, p. 174.
 10 Haenisch, 1948, par. 267.
 11 Vladimirtsov, 1948, p. 115.
 12 Grousset, 1939, p. 309.
 13 Grenard, 1935, p. 175.
 14 Krause, 1922, p. 39.
 15 Ibid., p. 40.
 16 Ibid.
 17 Haenisch, 1948, par. 265.
 18 Krause, 1922, p. 40.
 19 Spuler, 1972, p. 43.
 20 Barthold, 1928, p. 458; Boyle, 1971, p. 118.
 21 Haenisch, 1948, par. 268; Cleaves, 1982, sect. 268.
 22 Pelliot, 1959, vol. 1, p. 305.
 23 Haenisch, 1933, p. 547.
 24 Pelliot, 1959, vol. 1, p. 327.
 25 Krause, 1922, p. 40; Boyle, 1958, p. 183.
 26 Pelliot, 1959, vol. 1, p. 308; Ratchnevsky, 1983, p. 127.

- 27 Krause, 1922, p. 41; Schmidt, 1829, p. 105.
 28 Vladimirtsov, 1948a, p. 115.
 29 Krause, 1922, p. 40.
 30 Haenisch, 1948, par. 267; Cleaves, 1982, sect. 267.
 31 Haenisch, 1933, p. 546.
 32 Haenisch, 1948, par. 268; Cleaves, 1982, sect. 268.
 33 Haenisch, 1933, pp. 546—547.
 34 Spuler, 1972, p. 44.
 35 Haenisch, 1948, par. 268.
 36 Grousset, 1941, p. 273.
 37 Spuler, 1972, p. 44.
 38 Pelliot, 1959, vol. 1, pp. 335—336; Spuler, 1972, p. 44.
 39 Pelliot, 1959, vol. 1, p. 342; Krause, 1922, p. 41; Haenisch, 1933, p. 549.
 40 Spuler, 1972, p. 44.
 41 *Ibid.*, p. 145; Kwanten, 1979, p. 124.
 42 Boyle, 1958, p. 189; Boyle, 1971, p. 31.
 43 Boyle, 1968, p. 45.
 44 Pelliot, 1959, vol. 1, p. 353; Boyle, 1971, p. 228.

CHAPTER 12

- 1 Barthold, 1928, p. 459; Pelliot, 1929, p. 166; Pelliot, 1930, p. 13.
 2 Barthold, 1928, p. 459.
 3 Vladimirtsov, 1948a, p. 133; Ratchnevsky, 1983, p. 132.
 4 Barthold, 1928, p. 461.
 5 Grousset, 1939, p. 314; Ratchnevsky, 1983, p. 133.
 6 Boyle, 1971, p. 17.
 7 Vladimirtsov, 1948a, p. 124; Ratchnevsky, 1983, p. 145.
 8 Vladimirtsov, 1948a, p. 133; Ratchnevsky, 1983, pp. 136—137.
 9 Barthold, 1928, p. 461; Avalon, 1971b, pp. 163—164; Ratchnevsky, 1983, p. 147.
 10 Barthold, 1928, p. 461.
 11 *Ibid.*, p. 462.
 12 *Ibid.*; Avalon, 1971b, p. 163.
 13 Stübe, 1908, p. 532.
 14 Vladimirtsov, 1948a, p. 131; Vernadsky, 1953, p. 2; Ratchnevsky, 1983, p. 147.
 15 Vladimirtsov, 1948a, p. 131.
 16 Krause, 1924, p. 6.

- 17 Grousset, 1939, p. 316.
 18 Vernadsky, 1953, p. 127.
 19 Jansma, 1959, p. 10.
 20 Barthold, 1956, vol. 1, p. 43.
 21 Vernadsky, 1953, p. 131; de Rachewiltz, 1966, p. 132; Sinor, 1982, p. 307; Ratchnevsky, 1983, pp. 161—162.
 22 Vladimirtsov, 1948a, p. 121; Vernadsky, 1953, p. 130; Ratchnevsky, 1983, p. 158.
 23 Voegelin, 1941/2, pp. 404—405, 409; de Rachewiltz, 1973, pp. 23—24; Franke, H., 1978, pp. 17—18; Ratchnevsky, 1983, p. 141.
 24 Haenisch, 1948, par. 230; Sagaster, 1973, p. 225; Franke, H., 1978, p. 16; Ratchnevsky, 1983, p. 142.
 25 Vladimirtsov, 1948a, p. 117; Schurman, 1956, p. 304.
 26 Vladimirtsov, 1948a, p. 118.
 27 *Ibid.*, p. 119; Schurman, 1956, p. 309.
 28 Vladimirtsov, 1948a, p. 123.
 29 Ayalon, 1971b, p. 164; Ratchnevsky, 1983, pp. 162—164.

CHAPTER 13

- 1 Boyle, 1971, p. 163.
 2 Barthold, 1935, p. 180.
 3 *Ibid.*
 4 Pelliot, 1949, p. 29.
 5 Grousset, 1939, p. 469.
 6 Pelliot, 1949, p. 28.
 7 *Ibid.*, p. 44.
 8 Grousset, 1939, p. 469.
 9 Grousset, 1941, p. 285; Boyle, 1958, p. 43.
 10 Barthold, 1935, p. 180.
 11 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 160; Boyle, 1958, p. 43.
 12 Grousset, 1939, p. 319.
 13 Henthorn, 1963, p. 195.
 14 Grousset, 1941, p. 277.
 15 *Ibid.*, p. 537.
 16 Krause, 1922, p. 41.
 17 Haenisch, 1948, par. 269; Boyle, 1977, p. 75.
 18 Boyle, 1958, pp. 183—184; Boyle, 1971, p. 30.
 19 Boyle, 1958, p. 185.
 20 *Ibid.*, pp. 186—187; Boyle, 1971, pp. 30—31; Ayalon, 1971b, p. 153.

- 21 Pelliot, 1920, p. 157.
- 22 Boyle, 1971, p. 16.
- 23 Ibid., p. 17.
- 24 Ibid., p. 61.
- 25 Ibid., pp. 18—19.
- 26 Boyle, 1958, p. 549.
- 27 Ibid., pp. 204—208; Boyle, 1971, pp. 76—94.
- 28 Franke, O., 1948, vol. 4, p. 161.
- 29 de Rachewiltz, 1962, pp. 189, 210—211.
- 30 Pelliot, 1914, p. 628.
- 31 D'Ohsson, 1834, vol. 2, p. 63; Kwanton, 1979, pp. 128—129.
- 32 Haenisch, 1941, p. 43.
- 33 Spuler, 1985, p. 349.
- 34 Olbricht, 1954, p. 40; Spuler, 1985, p. 350.
- 35 Olbricht, 1954, pp. 40—41.
- 36 Haenisch, 1948, par. 279—280.
- 37 Pelliot, 1930, pp. 193—195; Olbricht, 1954, p. 41.
- 38 Haenisch, 1948, par. 279.
- 39 D'Ohsson, 1834, vol. 2, p. 63.
- 40 Haenisch, 1948, par. 281; Cleaves, 1982, sect. 281.
- 41 Grousset, 1941, pp. 538—539.
- 42 Pelliot, 1959, vol. 1, p. 165; Boyle, 1971, pp. 61—62; Dawson, 1955, p. 156.
- 43 Dawson, 1955, pp. 183—184.
- 44 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 123.
- 45 Grousset, 1941, p. 289.
- 46 Boyle, 1972, pp. 125—131.
- 47 Grousset, 1939, p. 324.
- 48 Ibid., p. 325; Boyle, 1958, p. 424.
- 49 Minorsky, 1953, pp. 149—156; Spuler, 1985, p. 30.
- 50 Grousset, 1939, p. 325.
- 51 Spuler, 1985, p. 30.
- 52 Minorsky, 1953, p. 154; Boyle, 1958, p. 438; Hartman, 1975, pp. 85—86.
- 53 Boyle, 1958, pp. 452—453.
- 54 Boyle, 1971, p. 46.
- 55 Boyle, 1958, pp. 453—457.
- 56 Ibid., p. 459; Spuler, 1985, p. 31.
- 57 Pelliot, 1924, p. 301; Grousset, 1939, p. 326.
- 58 Pelliot, 1914, p. 634.
- 59 Boyle, 1958, pp. 489—500.
- 60 Spuler, 1985, p. 34.
- 61 D'Ohsson, 1834, vol. 2, p. 70.
- 62 Altunian, 1911, p. 35 sq.; Grousset, 1939, p. 327.
- 63 Pelliot, 1924, p. 247.
- 64 Houtsma, 1892, pp. 14—15.
- 65 Matuz, 1973, 182—183.
- 66 Turan, 1970, p. 249.
- 67 Matuz, 1973, p. 189.
- 68 Turan, 1970, p. 249.
- 69 Matuz, 1973, pp. 195—196.
- 70 Altunian, 1911, p. 38; Grousset, 1939, p. 328.
- 71 Grousset, 1939, p. 328.
- 72 Franke, O., 1948, vol. 4, p. 284.
- 73 Krause, 1922, p. 40.
- 74 Franke, O., 1948, vol. 4, p. 284.
- 75 Ibid., p. 285.
- 76 Ibid.
- 77 Grousset, 1939, p. 322.
- 78 Ibid.
- 79 Boyle, 1971, p. 34.
- 80 Grousset, 1939, p. 322.
- 81 Franke, O., 1948, vol. 4, p. 287.
- 82 Ibid.
- 83 Ibid., p. 288.
- 84 Boyle, 1958, p. 549.
- 85 Haenisch, 1948, par. 272; Cleaves, 1982, sect. 272.
- 86 D'Ohsson, 1834, vol. 2, p. 59.
- 87 Boyle, 1958, p. 551; Ayalon, 1971b, pp. 153—155.
- 88 Franke, O., 1948, vol. 4, p. 288.
- 89 Ibid., p. 288.
- 90 Krause, 1924, p. 90.
- 91 Franke, O., 1948, vol. 4, p. 289.
- 92 Ibid., p. 291.
- 93 Grousset, 1939, p. 323.
- 94 Ibid.
- 95 Grousset, 1941, p. 293.
- 96 Franke, O., 1948, vol. 4, p. 303.
- 97 Ibid.
- 98 Henthorn, 1963, p. ix.
- 99 Ibid., p. 14.
- 100 Ledyard, 1964, p. 2.
- 101 Henthorn, 1963, p. 195.
- 102 Franke, O., 1948, vol. 4, p. 302.
- 103 Henthorn, 1963, p. 64.
- 104 Ibid., p. 70.
- 105 Grousset, 1939, p. 323.
- 106 Henthorn, 1963, p. 74.

- 107 Ibid., p. 102.
 108 Ibid., pp. 103—104.
 109 Ledyard, 1964, p. 4.
- CHAPTER 14
- 1 Vernadsky, 1938, pp. 28—31.
 2 Ibid., pp. 36—37; Grekov et Jakoubovski, 1939, pp. 184—185.
 3 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 300; Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 196; Spuler, 1965, p. 15.
 4 Vernadsky, 1953, p. 49.
 5 Grousset, 1941, p. 296; Boyle, 1958, p. 269; Boyle, 1971, p. 56.
 6 Haenisch, 1948, par. 277; Boyle, 1971, pp. 56—57.
 7 Spuler, 1965, p. 16.
 8 Vernadsky, 1953, p. 49.
 9 Spuler, 1960, p. 11.
 10 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 309; Spuler, 1965, p. 17.
 11 Barthold, 1935, p. 167.
 12 Spuler, 1965, p. 17.
 13 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 311; Pelliot, 1920, pp. 166—167; Boyle, 1971, p. 58.
 14 Grousset, 1939, p. 329; Sinor, 1959, p. 66.
 15 Spuler, 1965, p. 17.
 16 Boyle, 1958, p. 269; Boyle, 1971, p. 59.
 17 Grousset, 1939, p. 330.
 18 Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 200.
 19 Vernadsky, 1953, p. 51.
 20 Grousset, 1939, p. 330. 2!
 Vernadsky, 1953, p. 51.
 22 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 313; Spuler, 1965, p. 18.
 23 Spuler, 1965, p. 18.
 24 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 313; Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 202.
 25 Spuler, 1965, p. 19.
 26 Grousset, 1939, p. 329; Saunders, 1971, p. 82.
 27 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 322.
 28 Boyle, 1971, p. 60.
 29 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 316; Grousset, 1939, p. 297.
 30 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 307; Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 204.
 31 Spuler, 1965, p. 19.
 32 Grekov et Jakoubovski, 1939, p. 305.
 33 Vernadsky, 1953, p. 52.
 34 Bretschneider, 1910, vol. 1, pp. 318—319.
 35 Vernadsky, 1953, p. 52.
 36 Dawson, 1955, p. 30.
 37 Spuler, 1960, p. 12.
 38 Spuler, 1965, p. 20.
 39 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 323; Vernadsky, 1953, p. 52.
 40 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 319.
 41 Sinor, 1959, pp. 48—64.
 42 de Ferdinandy, 1958, p. 144.
 43 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 2; Sinor, 1959, pp. 68—69.
 44 de Ferdinandy, 1958, p. 139; Sinor, 1959, p. 70.
 45 Strakosch-Grassman, 1893, p. 42; Sinor, 1956, pp. 42—43.
 46 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 9.
 47 Sinor, 1952, p. 600; Sinor, 1956, p. 42; Bezzola, 1974, p. 52.
 48 Sinor, 1959, p. 68; Bezzola, 1974, p. 66.
 49 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 29.
 50 de Hartog, 1979a, p. 171.
 51 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 42; de Ferdinandy, 1958, p. 142.
 52 Spuler, 1960, p. 13; Spuler, 1965, p. 22.
 53 Grousset, 1939, p. 331.
 54 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 39.
 55 Sinor, 1971, p. 245.
 56 Strakosch-Grassmann, 1893, pp. 43—44.
 57 Ibid., p. 45.
 58 Ibid.
 59 Ibid., p. 46.
 60 Spuler, 1965, p. 22.
 61 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 50.
 62 Ibid., p. 67.
 63 von Hammer-Purgstall, 1840, p. 120.
 64 Ibid.
 65 Ibid.
 66 Strakosch-Grassmann, 1893, pp. 67—71.
 67 Ibid.
 68 Ibid.

- 69 von Hammer-Purgstall, 1840, p. 122.
- 70 Strakosch-Grassmann, 1893, pp. 92—96; Bezzola, 1974, p. 88.
- 71 Strakosch-Grassmann, 1893, pp. 72—75; Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 323; de Ferdinandy, 1958, p. 140; Sinor, 1959, p. 72.
- 72 Bretschneider, 1910, p. 141.
- 73 de Ferdinandy, 1958, p. 141.
- 74 Strakosch-Grassmann, 1893, pp. 78—79.
- 75 Ibid., pp. 84—87.
- 76 Grousset, 1939, p. 322; Bezzola, 1974, pp. 87—88.
- 77 Vernadsky, 1958, p. 70.
- 78 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 325; Sinor, 1959, p. 75.
- 79 Strakosch-Grassmann, 1893, pp. 161—167.
- 80 Boyle, 1958, p. 588.
- 81 Jackson, 1978, p. 195.
- 82 Boyle, 1958, p. 240.
- 83 Haenisch, 1948, par. 257—277.
- 84 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 173.
- 85 de Ferdinandy, 1958, p. 149.
- 86 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 168; Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 326.
- 87 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 173.
- 88 Sinor, 1977, pp. 181—183.
- 89 Strakosch-Grassmann, 1893, p. 18; Sinor, 1956, p. 44.
- 90 Sinor, 1959, pp. 70, 74; Bezzola, 1974, p. 76.
- 91 Sinor, 1959, p. 70.
- 92 Sinor, 1956, p. 45.
- 93 Haenisch, 1948, par. 270.
- 94 Ibid., par. 277.
- 95 Pelliot, 1931/2, p. 55 (193). 10 Spuler, 1985, p. 37.
- 11 Grousset, 1939, p. 334; Boyle, 1958, p. 240; Boyle, 1971, p. 176.
- 12 Boyle, 1958, p. 245.
- 13 Boyle, 1971, p. 176.
- 14 Boyle, 1958, p. 241.
- 15 Spuler, 1985, p. 37.
- 16 Ibid.; Boyle, 1958, p. 241.
- 17 Hambis, 1945, p. 71; Boyle, 1971, p. 21.
- 18 Boyle, 1958, pp. 241, 503; Boyle, 1971, p. 177.
- 19 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 10; de Rachewiltz, 1962, p. 208.
- 20 Boyle, 1958, p. 244; Boyle, 1971, p. 178, 182; Jackson, 1978, p. 198.
- 21 Ayalon, 1971b, pp. 155—156, 162—163.
- 22 Boyle, 1958, pp. 249—254; Boyle, 1971, pp. 180—182.
- 23 Risch, 1930, pp. 237—243.
- 24 Spuler, 1985, pp. 217—218.
- 25 Boyle, 1958, p. 249.
- 26 Boyle, 1971, p. 180.
- 27 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 332; Grousset, 1941, p. 305.
- 28 Boyle, 1958, p. 251.
- 29 Boyle, 1971, p. 182.
- 30 Risch, 1930, p. 241.
- 31 Richard, 1949, p. 292.
- 32 Krause, 1925, p. 353.
- 33 Bezzola, 1974, pp. 110—113.
- 34 Sinor, 1956, p. 47.
- 35 Sinor, 1957, pp. 205—206.
- 36 Bezzola, 1974, p. 113.
- 37 Pelliot, 1922/3, p. 8 (6).
- 38 Ibid. (1924), pp. 225—335 (29—139); Sinor, 1956, p. 47; Bezzola, 1974, p. 124.
- 39 Risch, 1930, p. 49.
- 40 Ibid.
- 41 Ibid., pp. 43—45.
- 42 Pelliot (1924), p. 302 (106).
- 43 Ibid. (1922/3), p. 6.
- 44 Sinor, 1952, pp. 599—600; Sinor, 1956, p. 47; Sinor, 1957, p. 206.
- 45 Pelliot (1924), p. 283 (87).
- 46 Risch, 1930, p. 226.
- 47 Pelliot (1924), p. 308 (112).
- 48 Risch, 1930, p. 227.
- 49 Pelliot (1922/3), pp. 11, 29.

CHAPTER 15

- 1 Boyle, 1958, p. 240.
- 2 Haenisch, 1948, par. 281; Cleaves, 1982, sect. 281.
- 3 Boyle, 1971, p. 65.
- 4 Franke, O., 1948, vol. 4, p. 305; Boyle, 1958, p. 200.
- 5 Boyle, 1971, p. 120.
- 6 Hambis, 1945, pp. 3—4.
- 7 Boyle, 1971, p. 180.
- 8 Boyle, 1968, pp. 45 sq.

- 50 Pelliot (1922/3), pp. 18—23;
Risch, 1930, p. 259.
51 Risch, 1930, p. 259.
52 Ibid., p. 260.
53 Sinor, 1956, p. 47; Sinor, 1957,
pp. 204—205.
54 Pelliot, 1924, p. 256 (60).
55 Risch, 1930, p. 41.
56 Pelliot, 1924, p. 332 (156).
57 Risch, 1930, p. 256.
58 Boyle, 1971, pp. 180, 188.
59 Boyle, 1958, p. 259.
60 Boyle, 1971, p. 183; Spuler, 1985,
p. 39.
61 Pelliot, 1931/2, p. 57 (195);
Grousset, 1939, p. 325.
62 Bretschneider, 1910, vol. 1, p. 332;
Grousset, 1941, p. 305.
- 63 Boyle, 1958, p. 245; Boyle, 1971,
p. 179.
64 Ayalon, 1971, pp. 157—159, 164—
165.
65 Boyle, 1958, p. 255; Boyle, 1971,
pp. 182—183.
66 Boyle, 1958, pp. 256—257.
67 Pelliot, 1924, p. 315 (119);
Bezzola, 1974, p. 155.
68 Spuler, 1985, pp. 41—42;
Grousset, 1939, p. 337.
69 Pelliot, 1924, p. 326 (130).
70 Boyle, 1971, pp. 99, 185.
71 Pelliot, 1931/2, pp. 57—58, 61 (195—
196, 199); Boyle, 1958, p. 261.
72 Boyle, 1958, p. 263.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббасиды 109, 110, 130, 159
Абд ар-Рахман (см. также халиф
Багдада) 246, 248
Абикэ-Беги 42
Айцзун, император династии Цзинь
209, 210, 211, 212
Алаха-Бэки 82
Алахуш-Тегин 43
Алп-Арслан 109
Андраш II, король Венгрии 224
Андре Лонжюмо 224
Ан-Насир (см. также халиф Багда-
да) 109, 110, 125
Ариг-Буга 42, 185
Арслан 46, 85, 111, 120, 134
Архай Хасар 96
Асцелин Ломбарди 224
Атсыз 108
Аюбиды 205, 207
Бадай 39, 42, 49
Байдар (см. Пета) 62, 18, 226, 227, 228
Байджу 206, 207, 208, 250
Бартольд, В. 75, 134
Барчук 46, 85, 134, 136
- Бату 6, 198, 226, 240, 246, 251
Баха ад-Дин Рази 96, 115, 132
Бачман 218
Бектер 23, 25
Бела III, король Венгрии 223
Бела IV, король Венгрии 224, 225, 229
Бельгутей 23, 26, 27, 36, 43, 61, 200
Бенедикт Польский 245
Берке 6, 218, 221
Беркей-нойан 146
Бечак 6, 218, 229, 230
Бол 102
Болеслав IV, король Польши 223, 226
Болеслав Храбрый, герцог Пяст 223
Боорчу 26, 27, 29, 33, 40, 49, 62, 180
Боракчин 200
Боро-Кул 33, 40, 47, 49
Бортэ 25—28, 32, 40, 50, 126, 188, 191
Бузар 111, 120
Бури 6, 218, 221, 233
Буюрук 32, 33, 34, 43, 45
Бурундай 218, 228, 231
Ван-Йен Йи 208, 209, 211
Ван-Йен Фу-хин 94, 95

- Венцеслав I, король Богемии 223, 227
 Владимир, князь Киевский 216
 Ванхан (см. также Тогрул) 31, 36, 84
 Вэй-шао Ван, император Цзинь 85, 90
 Гао-цзи 90
 Генрих II, герцог Силезский 223, 227
 Гияс ад-Дин 204, 205
 Гурбесу 33, 45, 188
 Гуюк 6, 203, 218, 233, 236, 239
 Давид Лаша 242, 250
 Давид Нарин 242, 250
 Даниил, князь Волынский 222
 Джагамба 33, 42
 Джамуха 26, 32, 35, 38, 41—44, 46
 Джебе (см. Джиргоадай) 35, 46, 89, 98, 121
 Джелал ад-Дин Манкбурны 129, 131, 148, 153, 154
 Джельмэ 26, 27, 29, 35, 39, 49
 Джилаукан 26, 33
 Джиргоадай (см. Джебе) 35
 Джису 36, 126, 180, 188
 Джису-ген 36, 188
 Джуейни Ала ад-Дин 48, 55, 72
 Джузджани, Насир ад-Дин 96
 Джурчедай 39, 42, 49
 Джучи 6, 27, 38, 45, 54, 71, 91, 121
 Дмитрий, боярин Киевский 222
 Дэй Сетчэн 25, 34
 Елюй Ахай 172, 176
 Елюй Даши 106—109
 Елюй Люге 88, 89, 94, 182
 Елюй Чжулуху 111, 112
 Елюй Чуцай 103, 104, 134, 172, 194
 Есугей 6, 11, 23—25, 27, 39, 49
 Илчидай, сын Хачиена 156
 Илуху-Бурхан, тангутский правитель (см. также Ли Сян) 184
 Инальчик 118, 119
 Инанч-Бильгэ 31, 32, 44
 Иннокентий IV, папа Римский 244
 Кадан 6, 218, 229, 232, 234
 Кадыр-хан 118
 Калган 88, 219
 Кай Хусроу II, султан Сельджуков Рума 205, 207
 Кара-Хулагу 249
 Кишлик 39, 49
 Клыч Арслан 242
 Коксу-Сабрак 33
 Коктен 6, 212
 Кокэчу (см. Теб-Тенгри) 48—51
 Коломан 231
 Конрад, герцог Мазовецкий 223
 Коргуз 206, 240
 Корису-Беги 44
 Котян 217, 221, 224, 230
 Куйилдар 39, 49
 Кулан 45, 188, 219
 Кулан-баши 174, 181
 Кучлук 44, 46, 87, 98, 111—116, 124
 Ли Аньцюань, тангутский правитель 82—84
 Ли Сян, тангутский правитель (см. также Илуху-Бурхан) 182
 Ли Чи-Чанг 170
 Лицзун, император династии Сун 212
 Лоренцо Португальский 244
 Марко Поло 59, 66, 68
 Масуд Ялавач 176
 Махмуд из Бухары 115
 Махмуд Ялавач 115, 176
 Мечислав, герцог Опольна и Ратибора 223, 226, 227
 Мин-Ган 95
 Михаил, князь Киевский 221
 Мстислав, князь Галицкий 163—166
 Мстислав, князь Киевский 164, 166
 Мункэ 6, 42, 59, 185, 218, 221, 233
 Мутаген 155
 Мухаммед II, султан (см. также хорезмшах) 110—116, 133, 138, 143
 Мунлик 25, 39, 49, 50
 Мухули (см. также Го-Ван) 31, 33, 41, 49, 62, 75, 99, 176, 213
 Мэн Хун 211, 212
 Наджай 62
 Огул-Гаймиш 251
 Онг-Погван 214
 Онгур 96
 Орду, сын Джучи 6, 198, 218, 228, 234
 Оэлун 24, 25, 26, 28, 31
 Пелльо, П. 24
 Пета (см. Байдар) 226
 ПIANO Карпини, Джованни 54, 59, 65, 67, 70, 190, 222
 Протопресвитер Иоанн 107, 113, 114
 Рашид ад-Дин 24, 48
 Роман, князь Рязанский 21, 29
 Рубрук, Виллем 59, 203

- Рукн ад-Дин 144
 Русудан, царица Грузии 206
 Самуха 97, 98, 101
 Санджар, султан Сельджуков 107—109
 Сартак, монгольский военачальник 214
 Святослав, князь Киевский 216
 Смбаг 242
 Соркактани 185, 211
 Соркан-Шира 26, 49
 Сочихэл 23, 27
 Стефан Богемский 245
 Субэдей 46, 49, 98, 121, 132, 142, 144
 Сукнак-тегин 120, 134
 Сэнгум 33, 38—41
 Сюаньцзун, император династии Цзинь 90, 97, 101
 Таргитай-Кирилтух 25, 33
 Тататунга 53, 176, 194
 Таян (вождь племени найманов) 43, 44, 53
 Теб-Тенгри (см. Кокэчу) 48
 Текеш 109, 110
 Темучин (см. также Чингисхан) 23, 219
 Тимур-ленг (Тамерлан) 141, 188
 Тимур-Мелик 142, 148, 177
 Тогачар 143, 146, 148, 152
 Тогрул (см. также Ванхан) 23, 26, 31
 Токтай-Беки 43, 45, 46, 120
 Толуй 6, 42, 61, 90, 127, 151, 154
 Торбей 156
 Туракина 200, 233
 Тургай-хан 140
 Туркан-хатун 129, 130, 139, 146, 147
 Тэйбака 32, 42—44
 Тэмүгэ 6, 23, 43, 50, 61, 92, 170, 200
 Угедей 6, 40, 87, 91, 103, 126, 138, 151
 Узбек 158
 Узлагхан 148
 Усун 50
 Ухана 118
 Уэй-Мин 83
 Фатима 240, 249
 Фридрих II, император Священной Римской империи 235
 Хада 96
 Харкасун 233, 234
 Харун-ар-Рашид 153
 Хасар 6, 23, 25, 33, 41, 50, 92, 197, 199
 Хачиен 23, 200, 253
 Хетум I, король Сицилии 250
 Хорезмшах (см. также Мухаммед II, султан) 106
 Хубилай, монгольский военачальник 36
 Хубилай, сын Толуя 42
 Худуха-Беки 43, 45
 Хулагу 6, 42
 Хумар Тегин 150
 Хушаху 90
 Цуй-ли 211—213
 Чаган 67, 181, 212
 Чагатай 6, 57, 126, 140, 151, 154
 Чань-чунь 88, 140, 169, 170—175
 Чжао Куан Инь, первый император Сун 78
 Чинбо 26
 Чингисхан 5, 6, 8, 10, 11, 13—16, 26
 Чинкай 170, 201, 206
 Чин-Тимур 206
 Чормагун 205
 Шейбан 6, 199, 218, 221, 229, 231
 Шиги-Кутуку 32, 49, 53, 96, 154, 156
 Шидургу (Верный сторонник) (см. также Илуху-Бурхан) 184
 Ширемун 239
 Эбраус, Бар 12
 Эмиль 106
 Эрхе-Хара 31
 Юлиан, доминиканский монах 225
 Юнь-цзи, вэйский принц (см. также Вэй-шао Ван) 84, 85
 Юрий II, князь Владимиро-Суздальский 219, 220
 Юрий, князь Рязанский 219
 Юсуф Канка 115, 118
 Ярослав, князь Киевский 216

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

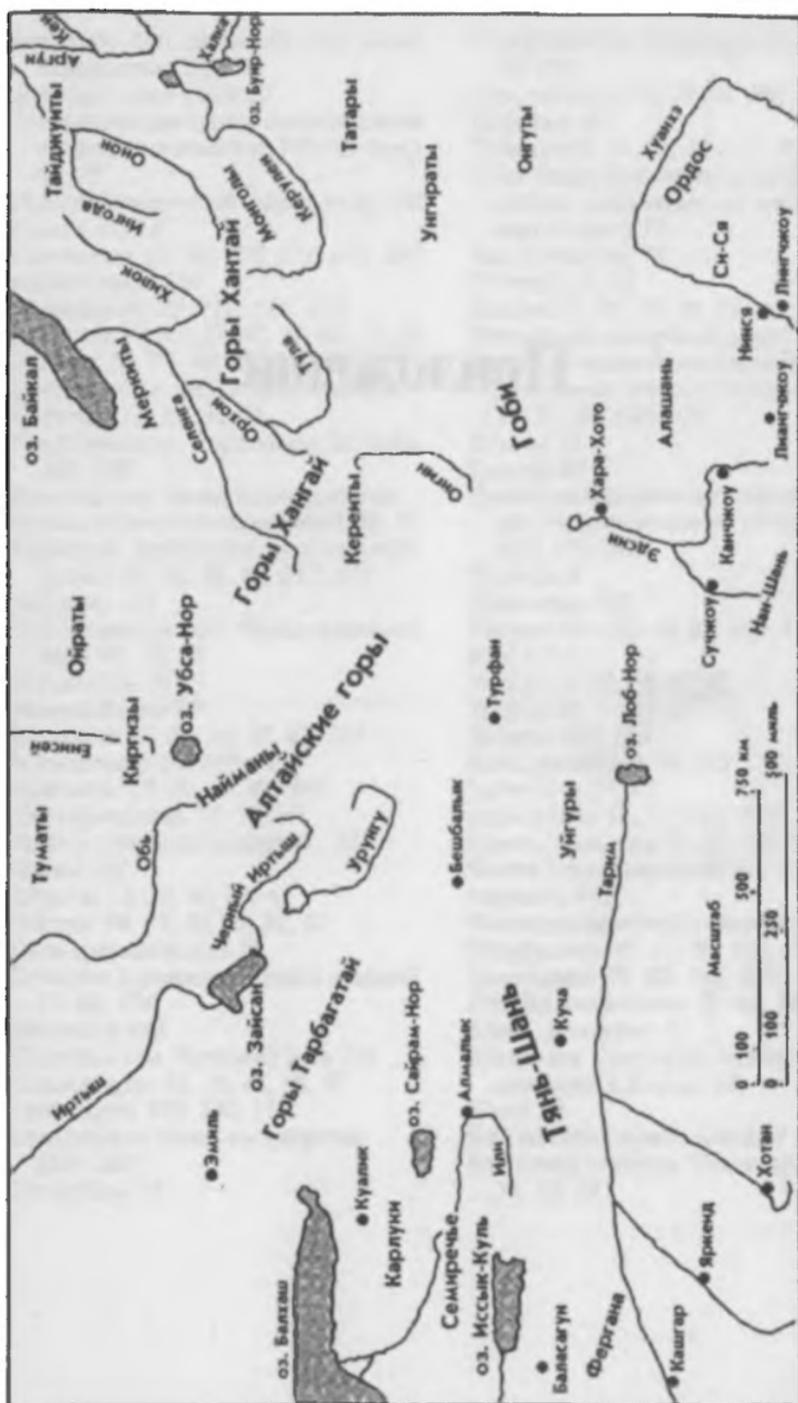
- Алак 141
 Ала-куль 199
 Алмалык 120
 Антивари (совр. Бар) 247
 Аргунь 34
 Арулат 26
 Баласагун 106, 112
 Балджуна, озеро 40
 Бешбалык 251
 Буир-нор, озеро 9, 12, 14, 34, 40, 199
 Бурхан-Халдун 27
 Вайзенбург (совр. Сибиу) 229
 Германштадт (совр. Альба-Юлия) 229
 Гросвардейн (совр. Орадя) 229
 Гургандж (совр. Ургенч) 112, 142
 Делюн-Болдох 24
 Дешт-и-Кипчак 162
 Джаникент 141
 Динкот 155
 Далайнор 170
 Ерикайя (монгольское название Нинся) 83
 Зава (совр. Турбат-и-Хайдери) 144
 Зарнук 136
 Калка, битва на реке 165, 170
 Каракорум 215, 233
 Катван, степь 107
 Кашин 82, 212
 Каялык (совр. Талды-Курган) 134, 136
 Кодеу-Арал 32, 200
 Легнице, место битвы 227
 Мохи, место битвы 230
 Ниса 146, 148
 Нур 137
 Орда-Балык (см. Хара-Балгас) 14
 Отрар 118, 124, 138, 174
 Семиречье 106, 122
 Си-Ся 79, 81, 84, 87, 182, 188
 Сить, битва на реке 50
 Солдайя (совр. Судак) 163
 Трансоксиана 115, 123, 136, 142, 175
 Убса-нор, озеро 12, 32
 Фергана 112, 142
 Хара-Балгас (см. Орда-Балык) 202
 Хон, река 209
 Хорезм, султанат (империя) 56, 69, 101, 232
 Хотан 108, 114, 120
 Хэбэй 88, 91, 97, 100
 Царицын (совр. Волгоград) 167
 Чжунду (совр. Пекин) 80
 Шенси 97, 101, 179, 181, 208
 Шанси 88, 100, 101
 Эрдени Ю, монастырь 203

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аланы 162
 Анимизм 16
 Арбан (подразделение монгольской армии, состоящее из 10 человек) 60, 64
 Баарин 50
 Баатур (человек-доблести) 23, 61, 97, 143
 Бархуны 45
 Борджины 14, 23, 26, 35
 Буддизм, буддисты 15, 17, 79, 113
 Булгары 218
 Буряты 45
 Ватикан 235
 Великий Хан 59, 197, 233
 Вечное Небо (см. также Тенгри) 16, 48, 85, 195, 197
 Гурхан 106, 107, 111, 112, 119
 Даосизм, даосы 17
 Даруга (императорский агент) 177
 Джаджираты 26, 34, 42—44

- Западное Ляо, династия (см. также Каракитай) 79, 106
 Золотая семья (род) 51
 Зун (подразделение монгольской армии, состоящее из 100 человек) 61, 75
 Идикут (священный государь) 85, 134
 Ислам 17, 117
 Каракитай 31, 46, 107, 111, 119, 206
 Караханиды 106
 Карлуки 46, 85, 111, 119, 134
 Кераиты 17, 31, 33, 37, 41, 42, 45, 81
 Кидани 13, 77, 80, 88, 104—106, 201
 Кипчаки (см. также Куманы) 162
 Киргизы 13, 14, 37, 46
 Крестоносцы, крестовые походы 108, 160
 Куманы (см. также Кипчаки) 162
 Кумыс (сброженное молоко) 20, 21
 Курилтай (собрание монгольской знати) 34, 43, 58, 85, 217, 233
 Лезгины 162
 Ляо, династия (см. также Западное Ляо) 78, 79, 88
 Маздакизм 16
 Манихейство 15
 Меркиты 23, 26, 34, 37, 42, 133
 Мусульмане 87, 107, 111
 Найманы 17, 31, 37, 44, 188
 Несторианство 14, 15, 17
 Нойон (командующий) 61, 62
 Огузы 163
 Ойраты 13, 37, 42, 43, 45
 Онгуты 14, 17, 42, 49, 81, 82
 Орда (резиденция) 36
 Отчигин (хранитель очага и дома) 11, 62, 134
 Печенеги 163
 Половцы (см. Куманы) 165, 218
 Сальджиуты 33, 34, 42, 45, 97
 Сельджуки 109, 130, 151
 Сельджуков Рума, государство 205—207
 Согдийцы 15
- «Сокровенное сказание монголов» 48, 185
 Сун, династия 78, 79, 94, 101, 184, 212
 Таджики 241
 Тайджиуты 14, 25, 33—35, 69
 Тама (подразделение монгольской армии, состоящее из иностранных солдат) 75
 Тан, династия 77
 Тангуты 15, 83
 Татары 31, 34, 35, 36, 42
 Тевтонский рыцарский орден 217, 223
 Тенгри (высшее божество монголов) (см. также Вечное Небо) 16, 17, 29, 51, 86, 195, 210
 Тубасы 45
 Туматы 47
 Тумен (подразделение монгольской армии, состоящее из 10 000 человек) 134, 146
 Тунгусы 8
 Туркмены 158
 Уйгуры 13—15, 46, 85, 109, 134, 206
 Улус 47, 55
 Унгираты 24, 34, 40, 45
 Урсуты 45
 Хазары 162, 163
 Хань, династия 79, 212
 Хатакины 33, 45
 Хорезмшах 69, 91, 131, 164
 Цзинь, династия 31, 80, 169, 180, 208
 Чарби (управляющий) 63, 177
 Черкесы 162
 Чжаохури (хранитель границы) 32, 85
 Чжурчжэни 79, 85, 90, 104, 211
 Чингисиды 28, 82, 190, 221, 233
 Шаман, шаманизм 29, 48, 119
 Юань, династия 13
 Юань-ши (история монгольских династий в Китае) 48
 Юрта 19
 Ям (конная служба гонцов) 58
 Яса (свод законов Чингисхана) 51, 54, 56, 195

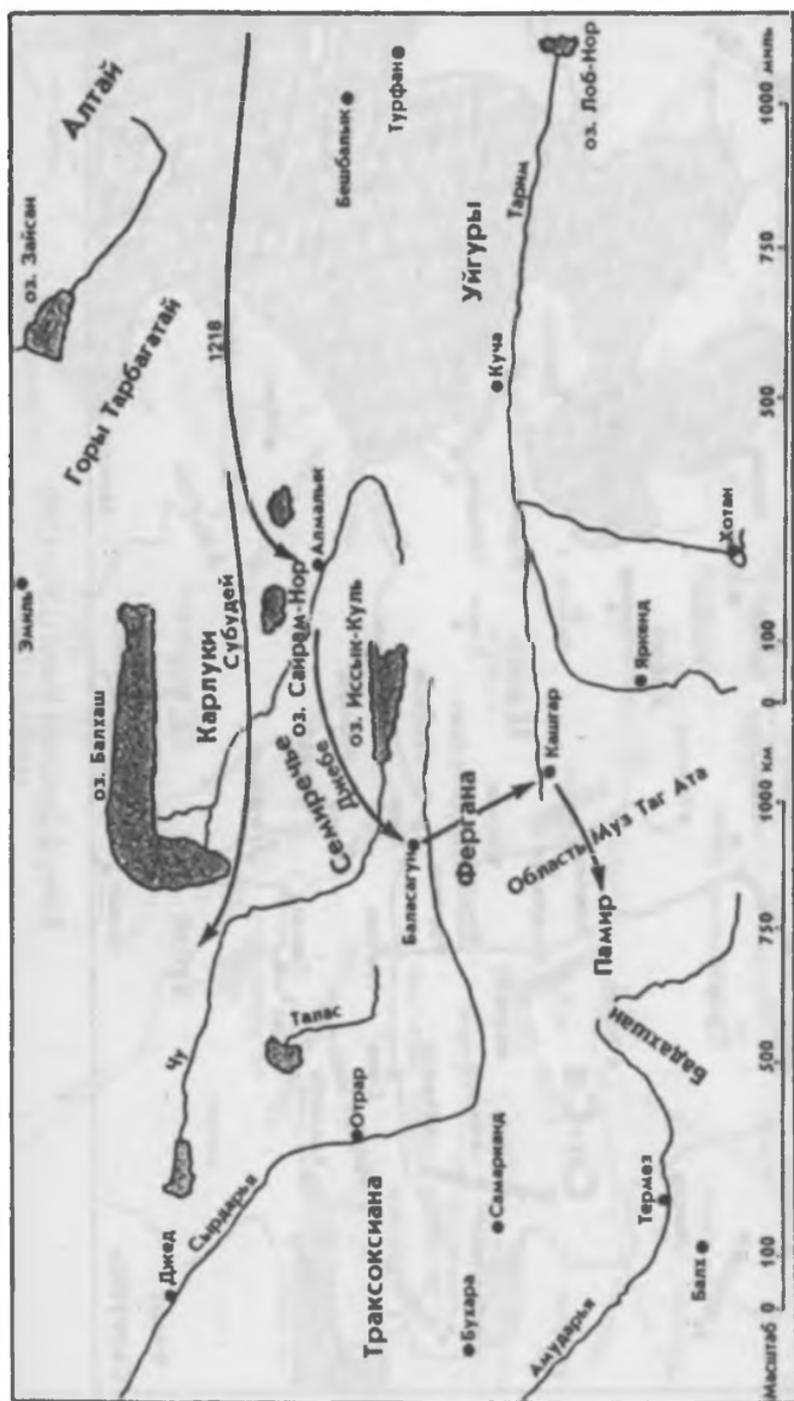
Приложение

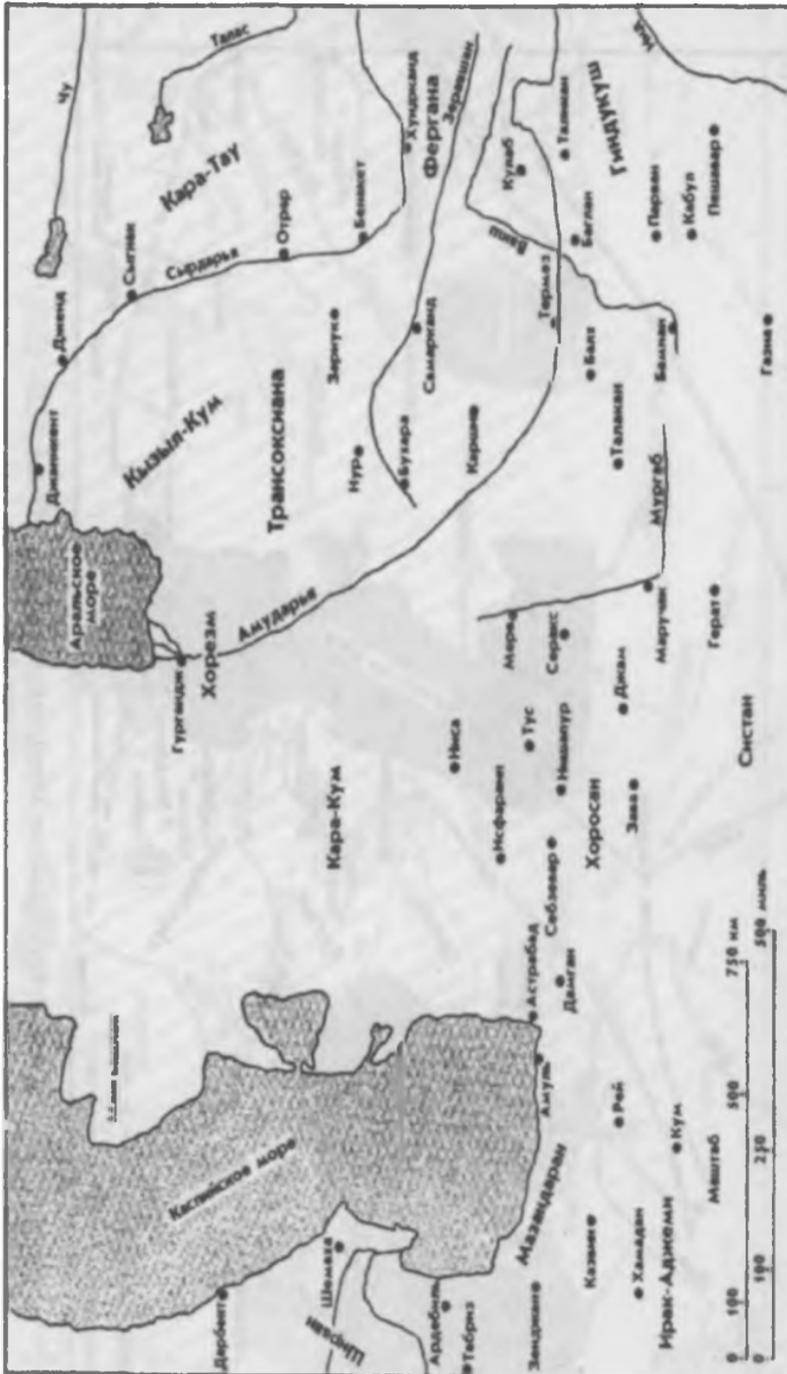
Карта 1. Центральная Азия в конце XII века
(главы 1, 2, 3, 6, 11)

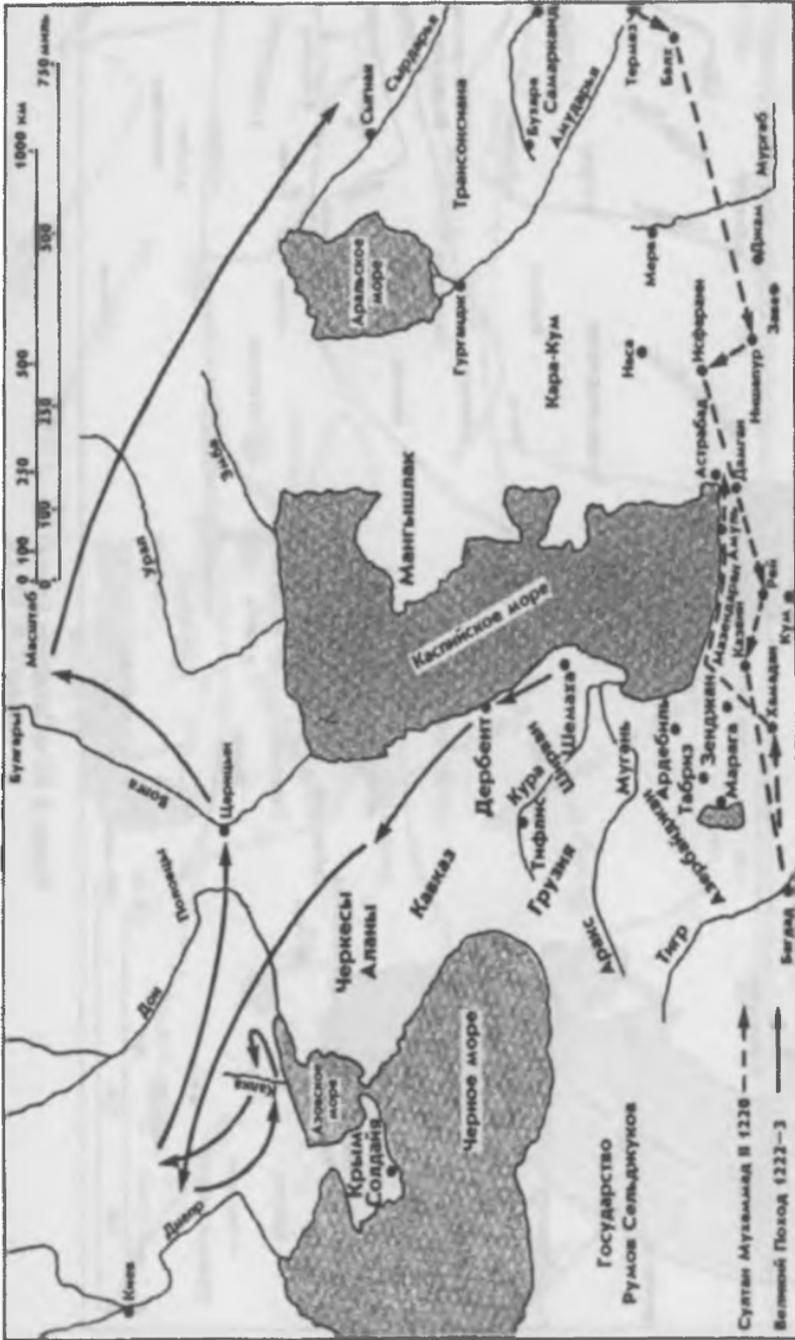
Карта 2. Северный Китай (1205—1240)
(главы 6, 11, 13)

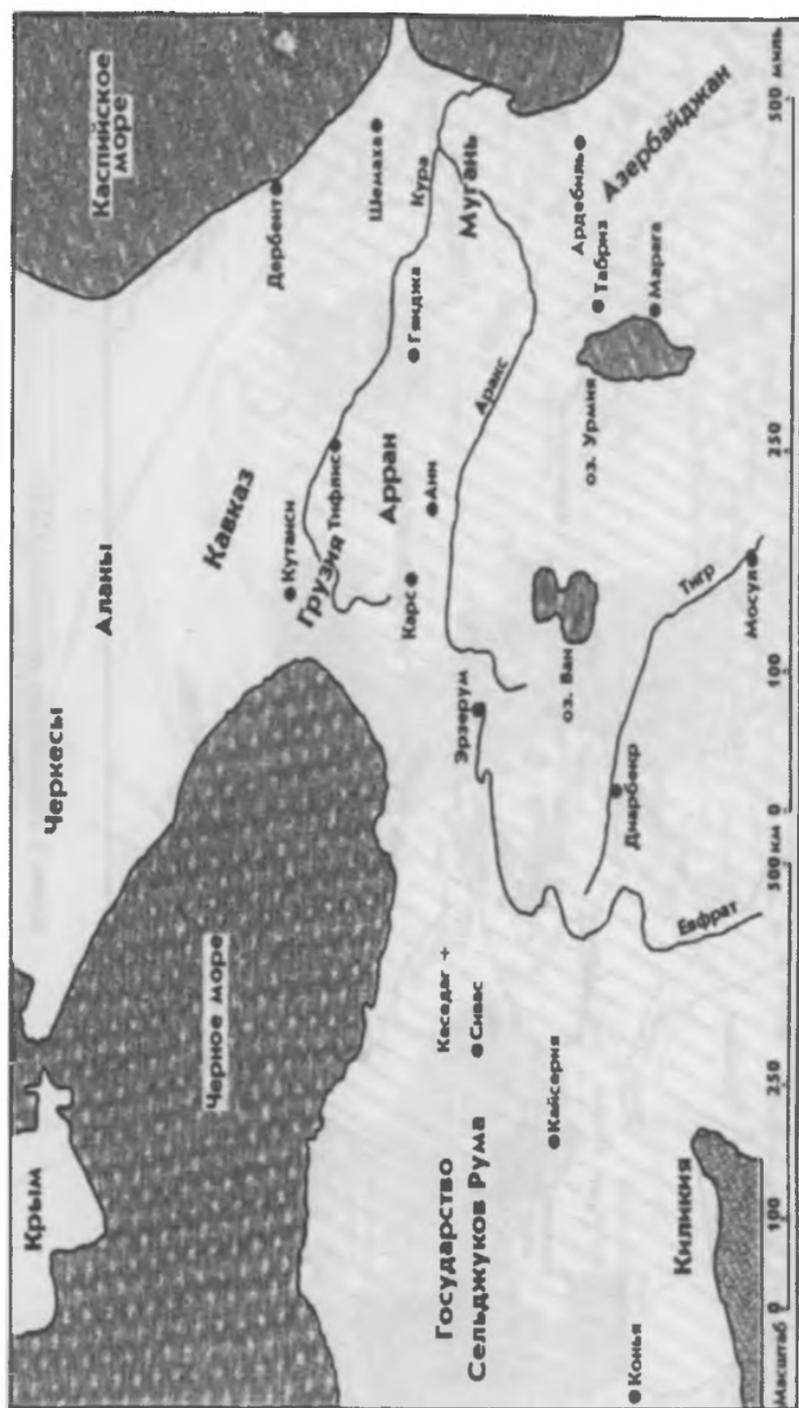
Карта 3. Государство Кара-Китаев (1135—1218)
(глава 7)

Карта 4. Юго-Западная Азия (1215—1245)
(главы 7, 8, 10, 13)

Карта 5. Преследование Мухаммеда II и Великий Поход (1220—1223) (глава 8, 9)

Карта 7. Средний Восток и Кавказ (1230—1245)
(глава 13)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Генеалогия важнейших лиц, упомянутых в тексте	6
1. Монголия накануне рождения великого сына Азии	7
География и климат	7
Племена	8
Монгольское общество	16
2. Возвышение молодого вождя Борджигин	23
Появление загадочного племени	23
Начало устранения соратников	30
3. Правитель всех племен, живущих в войлочных шатрах	38
Окончательное низвержение Ванхана	38
Западная Монголия покоряется новому правителю	42
Власть и подозрение	47
4. Яса: кодекс законов Чингисхана	51
5. Монгольская армия	60
Организация	60
Монгольская конница и приемы ведения войны	65
Численность монгольской армии	73
6. Жадные варвары на северной границе Китая	77
Покровительница искусств — Сунская династия — покупает мир	77
Осторожное начало: нападение на Си-Ся	81
Война без конца	84
Победитель и побежденный	102
7. Начало	106
Возвышение хорезмшахов	106
Отношения между правителями Запада и Востока	115
«Освобождение» Восточного Туркестана	119
Угедей — наследник трона	125
8. Ураган с востока	128
Колосс на глиняных ногах	128
Потоп в Трансоксиане	133
Преследование султана Мухаммеда II	143
Уничтожение древней цивилизации	146
9. Великий рейд	158
Кавалькада смерти	158
Первое вторжение монголов на Русь	161

10. Затишье после бури	169
Завоеватель мира и горный дикарь	169
Разрушенный мир остается позади	173
11. Последняя кампания	179
12. Завоеватель мира и его империя	186
Завоеватель мира	186
Империя	193
13. По стопам отца	198
Наследование	198
Новый правитель	200
Завоевание Персии и Кавказа	203
Война в Китае продолжается	208
Мучения корейцев	213
14. Монгольские захватчики в Европе	216
Разорение Древней Руси	216
Центральная Европа на краю пропасти	222
Возвращение в Монголию	232
15. Последний период единства	238
«Туракина была очень умной и проницательной женщиной»	238
Папский нунций	243
Закат Угедеидов	247
Библиография	252
Краткая библиография русских изданий	258
Примечания	259
Именной указатель	272
Географический указатель	275
Предметный указатель	275
ПРИЛОЖЕНИЕ	
<i>Карта 1.</i> Центральная Азия в конце XII века (главы 1, 2, 3, 6, 11)	278
<i>Карта 2.</i> Северный Китай (1205—1240) (главы 6, 11, 13)	279
<i>Карта 3.</i> Государство Кара-Китаев (1135—1218) (глава 7)	280
<i>Карта 4.</i> Юго-Западная Азия (1215—1245) (главы 7, 8, 10, 13)	281
<i>Карта 5.</i> Преследование Мухаммеда II и Великий Поход (1220—1223) (глава 8, 9)	282
<i>Карта 6.</i> Монгольская империя (1227) (главы 12, 13)	283
<i>Карта 7.</i> Средний Восток и Кавказ (1230—1245) (глава 13)	284
<i>Карта 8.</i> Восточная Европа (1236—1242) (глава 14)	285

Научно-популярное издание

Лео де Хартог

ЧИНГИСХАН
Завоеватель мира

Редактор *М. Р. Вервальд*
Научный редактор *Д. Ю. Арапов*
Компьютерная верстка *И. И. Дубровская*
Корректор *Г. И. Иванова*

Подписано в печать 10.07.07.
Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 15,12.
С.: Истор. библиотечка. Тираж 2000 экз. Заказ № 6967.
С.: Биографии. Тираж 2000 экз. Заказ № 6967.
С.: Истор. библиотечка.-2. Тираж 3000 экз. Заказ № 6967.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Агентство «КРПА Олимп»
115191, Москва, а/я 98
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва,
пр-д Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ».
170002, Россия,
г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32.
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Чингисхан — легендарный основатель монгольской империи, самого большого государства в средневековом мире, и один из величайших завоевателей в мировой истории. Его войска пробили брешь в Великой Китайской стене и взяли Пекин. Безжалостной резней и грабежом они сломали сопротивление жителей Центральной Азии, Афганистана, Персии и Южной Руси. В 1237–1242 годах они вторглись в Европу. Скорость и масштаб их завоеваний (и страшные могильные холмы, которые они оставляли после себя) стали поводом для распространения мифов о Чингисхане... Но Великий Хан был не просто завоевателем. Его самым большим достижением стали объединение непримиримых монгольских племен в условиях суровых сибирских степей и их организация в мобильное и дисциплинированное войско, которое с потрясающим эффектом выступало против соперников.

Предлагаемая читателю книга — самая полная на сегодняшний день биография «завоевателя мира» Чингисхана.

ISBN 978-5-17-042982-0

9 785170 429820

